

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ПЯТЬСОТ ДНЕЙ НАДЕЖДЫ
- МЕНЬШИНСТВО ИМЕЕТ ПРАВО
- ИНТЕЛЛИГЕНТ И НЕЗАВИСИМОСТЬ
- КОНЧИНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИИ

КНИГА САЛМАНА РУШДИ

- В ПОИСКАХ НОВОГО ВРАГА
- ИСЛАМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ
- НАСЛЕДНИКИ ХАЛИФАТА
- ХОМЕЙНИ, КАДДАФИ И ДРУГИЕ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Крониды Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка худ. Б.Рабиновича. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Представители журнала:

В Москве – Сергей Лезов (125167, Ленинградский просп., 45, корп. 4, кв. 367).

В скандинавских странах – Борис Вайль (Det Kongelige Bibliotek, Chr. Brygge 8, 1219 København K, Danmark).

В Израиле – Рафаил Шапиро (Rehov Halot, 41/9 Gilo, Jerusalem 93384 Israel).

Стоимость годовой подписки в Европе 75 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 60 ам. доллара, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 70 ам. долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политическое обозрение	1
Страна сегодня	10
<i>Р.Бахтамов. Без догмата</i>	15
<i>В.Селюнин. Подводные камни</i>	26
<i>Т.Венцлова. Независимость</i>	33
<i>Т.Исленд. Закон и меньшинства</i>	38
<i>К.Л. Ислам и мусульмане</i>	46
<i>П.Дэвид. Когда история проходит мимо</i>	48
<i>Аятолла М.Мотакхари. Природа исламской революции</i>	69
<i>Послание аятоллы Р.Хомейни М.Горбачеву</i>	78
<i>Муаммар Каддафи. "Весь мир превратится в Джамахирию"</i>	80
<i>Р.Каббани. Наследие клеветы</i>	83
<i>С.Ганнушкина. Новый враг</i>	89
<i>"Надо противостоять ненависти". Беседа с Г.Старовойтовой</i>	94
<i>Г.Гусейнов. Ислам в России в конце XX века</i>	97
<i>А.Балаев. Народный фронт Азербайджана</i>	105
<i>Г.Джемаль. "Защитник угнетенных и обездоленных"</i>	114
<i>Обращение азербайджанских мусульман к умме</i>	116
<i>Ф.Агамалиев. Между полумесяцем и крестом</i>	119
<i>Р.Акбаров. Второе дыхание ислама</i>	122
<i>"Оставить Среднюю Азию в покое". Беседа с С.Поляковым</i>	124
<i>"Проблема все-таки не в исламе..." Беседа с В.Пономаревым</i>	130
<i>С.Рушди. Шайтанские суры</i>	134
<i>Аятолла Р.Хомейни. Фетва</i>	149
<i>Ш.Ахтар. Дело о религиозном фундаментализме</i>	150
<i>Ф.Факир. Ислам и литература</i>	152
<i>Дж.Уолш. Слова, которые оскорбили исламский мир</i>	153
<i>С.Рушди. Честно</i>	155
<i>Заявление редакции немецкого журнала "Континент"</i>	160

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

УРОКИ ХУСЕЙНА

Кто сотворил Хусейна?

Наследство Фиделя

Досье

1.

Первопричиной всех бед, как наглядно демонстрирует пример сегодняшнего Ирака, является национальный эгоизм, политиканство, цинизм и ограниченность — нет, нет, не Саддама Хусейна, а сильных мира сего из высокоразвитых и благополучных стран. Кто из политических лидеров, из «капитанов» промышленности или финансовых руководителей Запада и Востока откажется от сиюминутного успеха, от выгодных заказов, от крупной прибыли? Хусейн твердо знал — никто. И хорошо понимал, что население богатых стран с легкостью закроет глаза на любые, самые сомнительные сделки своих правительств — лишь бы не был нанесен ущерб обывателю, лишь бы не поднялись цены, не упал курс валют...

Что же в этом нового, спросите вы, в чем, собственно, заключается урок Хусейна?

В течение последних 50 лет мы частенько были свидетелями политического пресмыкательства западных держав перед Москвой, попыток умиротворить, задобрить кремлевских владык. Мы наблюдали, как Москве преподносились закамуфлированные взятки, узнавали о прямом предательстве, передаче Советскому Союзу военных секретов, продаже сложной технологии и т.д. Конечно, все это усиливало военно-политическое могущество советской державы, но *в условиях биполярного мира* не могло привести к самому страшному — к мировой войне. Ведь тактические или временные успехи одной стороны рано или поздно компенсировались успехами другой и во всех случаях не влияли на стратегическое равновесие, основанное на наличии у обеих сверхдержав огромных запасов ядерного оружия.

Кем только не называют сегодня президента Ирака Саддама Хусейна! Он и тиран, и агрессор, и «багдадский вор», и «ближневосточный Гитлер» — и бог весть кто еще. Но почему-то никому не приходит в голову назвать его учителем. А ведь Хусейн, между тем, преподавал миру — политикам, дипломатам, журналистам и всем нам, рядовым гражданам, — неоценимые уроки. И сделал это в самый подходящий момент, когда картина мира решительно меняется и очень важно понять, какие опасности подстерегают мировое сообщество в грядущие десятилетия.

Последние сорок лет стабильность и безопасность в мире основывались на равновесии сил между великими державами, на страхе перед гибелью человечества в третьей мировой — теперь уже термоядерной — войне. Но противостояние великих держав уходит в прошлое, а на политической карте появляются все новые «локальные сверхдержавы». На чем должна строиться система международной безопасности в этом новом, многополюсном мире? Как сделать, чтобы прежняя система безопасности гармонично и, главное, без разрыва во времени переросла в новую?

Прежде всего необходимо осознать, откуда будут исходить главные опасности для нового мирового порядка. Вот в этом-то, в осознании истоков возможных опасностей нам существенно помог иракский президент Саддам Хусейн. Другое дело — поймем ли мы его уроки, освоим ли, чему научил нас кризис в Персидском заливе.

Предположим, что некая французская фирма продала Советскому Союзу суперсовременную технологию, с помощью которой советские подводные лодки удалось сделать бесшумными, невидимыми для противника. В то же самое время некий сержант-шифровальщик ВМФ США продал советской разведке ключи к секретным кодам. На какое-то время военно-морские (и другие) силы США оказались на мушке у ВМС СССР. Из этого временного преимущества можно было извлечь любые выгоды, но оно ни в коем случае не давало повода к нанесению ядерного удара по США. Даже если бы весь военно-морской флот Америки был уничтожен, у США оставались бы еще баллистические ракеты наземного базирования и стратегическая авиация. А если бы они были пущены в ход, это означало бы уничтожение Советского Союза.

Но в Кремле не стали бы слушать военных, никогда не пошли бы на развязывание новой войны – прежде всего из политических соображений. Статус-кво, основанный на ядерном равновесии, в первую очередь был выгоден советским руководителям – в действительности, в их руках был максимум того, что они были в состоянии удержать. И они понимали это.

Совсем иначе выглядела бы аналогичная ситуация в многополюсном мире. Предположим, что какой-нибудь Хусейн номер два захватил власть в сверхбогатом, но в общем-то захолустном нефтяном княжестве. Предположим также, что в один прекрасный день он возомнил себя «отцом народов», «объединителем стран» или чем-то в этом же роде. Умело играя на тех качествах западного мира, о которых мы уже говорили, этот второй Хусейн сумел бы в короткий срок оснастить миллионную армию современным оружием и «об-

катать» ее в локальных стычках с войсками соседнего, столь же амбициозного владыки. Если исходить из сегодняшних норм политической жизни, можно не сомневаться, что западный мир потирал бы руки от удовольствия, наблюдая за схваткой местных тиранов и подсчитывая барыши от продажи оружия обеим сторонам.

Одолов одного соседа, наш Хусейн, несомненно, пошел бы на другого, а одолов третьего – превратился бы в силу, которую уже никто не смог бы остановить. Ведь к этому времени США и СССР уже перестанут быть военными гигантами, и никто из них не сможет в короткий срок направить в район конфликта двухсоттысячную армию...

Но еще опаснее, если Хусейн Второй сумеет добиться того, чего чуть-чуть не успел сделать Саддам Хусейн, – обзаведется ядерным оружием. О том, что может произойти в этом случае, и подумать страшно.

Итак, главный урок, который преподал нам Саддам Хусейн, заключается в том, что многополюсный мир, мир будущего, будет более хрупким с точки зрения международной безопасности. Разного рода «хусейны» и «муаммары», одержимые жадной властью, какой-нибудь сверхидеей, а то и просто будучи психически неуравновешенными, смогут причинить миру значительно больше зла, чем раньше, когда две сверхдержавы выполняли функции мировых жандармов. Не исключено даже, что диктаторы-авантюристы смогут привести мир на грань катастрофы.

Как предотвратить такое развитие событий?

Помешать появлению на политической арене различного рода претендентов на региональное господство невозможно. Труд-

но и чрезвычайно опасно каждый раз гасить кризис вроде того, что сейчас разгорелся в Персидском заливе. *Гарантировать мировой правопорядок, стабильность и безопасность многополюсного мира должна всеобъемлющая, тщательно разработанная система коллективной безопасности, не оставляющая ни малейшей лазейки тем, кто вздумает с помощью силы или шантажа решать международные проблемы или навязать народам свою идеологию.* Конечно, еще рано говорить о конкретных формах такой системы, но ее основополагающие принципы уже ясны.

Наверное, прежде всего необходимо устранить первопричину всех бед и в корне перестроить международные отношения. Внешняя политика всех стран, и прежде всего развитых индустриальных держав, должна перестать быть исключительно их внутренним делом. Внешнеполитический курс любой страны не должен вырабатываться на основании исключительно ее эгоистических национальных интересов (или интересов отдельных группировок внутри страны). Внешнеполитические акции правительств должны регламентироваться Конвенцией о международных отношениях Организации Объединенных Наций. Будущая Конвенция должна запрещать всем странам, ее ратифицировавшим, поддерживать отношения с режимами, заявляющими о намерении уничтожить другое государство, свергнуть чье-то правительство, применить оружие массового уничтожения и пр. Но в первую очередь эта Конвенция должна запретить поставки или продажу оружия в такие страны, а также военных материалов и технологии для их производства. Организация Объеди-

ненных Наций должна разработать механизм, который автоматически вводил бы санкции, а если нужно, налагал бы и полное эмбарго на торговлю со страной – потенциальным нарушителем мирового порядка.

С другой стороны, необходимо разработать эффективный механизм решения международных споров мирным путем. Международный суд в Гааге мог бы стать моделью такого суда, в который правительство одной страны (или неправительственная организация) могли бы обратиться с жалобой на правительство другой страны. (Представляется, что если бы правительства Литвы, Латвии и Эстонии обратились в такой суд с жалобой на то, что Советский Союз незаконно оккупировал эти страны в 1940 г., и потребовали бы восстановить свою независимость через суд, этот путь решения проблемы мог бы быть приемлемым для всех сторон.)

Очень важно, чтобы Конвенция о международных отношениях установила пределы производства вооружений и предусмотрела строжайший контроль за торговлей обычным оружием. Продажа или перепродажа оружия массового уничтожения должна быть вообще запрещена.

Кризис в Персидском заливе высветил и более близкие, насущные проблемы международной безопасности. Так, начавшийся в связи с перестройкой в СССР процесс сокращения сверхдержавами различных видов вооружений поставил – пусть пока еще только теоретически – вопрос о том, каким должен быть нижний предел вооружений для СССР и США. Крупнейший американский специалист в области вооружений, бывший министр обороны

США Роберт Макнамара предложил, чтобы нижний предел вооружений соответствовал тому количеству оружия, которое одна держава в состоянии произвести и хранить в тайне от другой. Решение остроумное, но, похоже, подход к этой проблеме должен быть другим.

Нижний предел вооружений двух сверхдержав на переходном этапе – то есть, до тех пор, пока новая система коллективной безопасности не начнет эффективно работать, – должен обеспечивать их совокупную военную мощь, достаточную для того, чтобы погасить любой локальный конфликт. Необходимо учитывать при этом высокую вероятность применения ядерного оружия в конфликтах типа ближневосточного или индо-пакистанского.

Итак, кризис в Персидском заливе – урок всему миру на будущее. Но это, так сказать, общий урок для всех. Однако из этого конфликта отдельные страны могут извлечь для себя и конкретные уроки.

2.

«Повивальной бабкой» иракского режима был Советский Союз. Начиная с 1978 г., когда между двумя странами был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, Москва оказывала Багдаду всестороннюю помощь (исключая разве что экономическую), оценить которую невозможно ни в рублях, ни в долларах. Без этой помощи Саддам Хусейн не был бы Саддамом Хусейном: он и помыслить бы не мог о войне с соседними странами, о захвате чужих территорий.

Главная причина, побуждавшая Кремль пестовать режим Хусейна, уже отпала. Внутренний кризис вынудил советское руководство отказаться от конфронтации с Западом, и, наоборот, – заставил его добиваться от Запада экономической помощи. Так что с политической точки зрения «клиенты» типа Хусейна ему больше не нужны. Тем не менее Саддам Хусейн все еще представляет интерес для Советского Союза.

Дело в том, что производство вооружений является самой крупной, самой развитой отраслью советской индустрии, а оружие – главным экспортным товаром этой страны (см. «Страна и мир», № 5, 1989 г.). Конечно, конверсия военной промышленности – насущная необходимость и одновременно гарантия успеха экономических реформ, но... Военно-промышленный комплекс, это государство в государстве, всячески тормозит переход военной промышленности на гражданские рельсы. Более того, в условиях острого экономического кризиса соблазн заработать твердую валюту (даже ценой отсрочки конверсии) очень

велик и у политического руководства страны. Как бы там ни было, за последние четыре *перестроечных* года (вплоть до кризиса в Персидском заливе) Советский Союз поставил режиму Саддама Хусейна оружие на сумму десять миллиардов долларов!

Кризис в Персидском заливе может многому научить советских руководителей. Да, советская казна получила дополнительный доход от повышения цен на нефть. Ну а сколько миллиардов долларов она потеряла? При любом повороте событий Ирак уже никогда не вернет Советскому Союзу долг за поставки оружия (по одним сведениям, этот долг составляет 7 миллиардов долларов, по другим – вдвое больше). Но, быть может, и это не главное. Соединенные Штаты и их союзники уже затратили астрономические суммы только на то, чтобы предотвратить распространение агрессии, защитить Саудовскую Аравию. Но конца кризису еще не видно. Вероятно, расходы, связанные с военными операциями на Аравийском полуострове и в Персидском заливе, больно ударят по карману американцев и западноевропейцев. А в этом случае Запад просто не сможет оказать Советскому Союзу и странам Восточной Европы помощь, в расчете на которую строились планы восстановления их разрушенной экономики.

Вывод напрашивается сам собой.

3.

Если оружие советского производства составляет больше половины всего вооружения иракской армии, то тридцать процентов его – французского происхождения. Франция продала Ираку около сотни новейших истребителей «Мираж» Ф-1, 700 ракет «воздух–земля» типа «Эксосет», 300 легких танков и многие другие виды «оборонительного» оружия. Французский вклад в строительство иракских вооруженных сил не ограничился прямыми поставками оружия. Лишь сейчас становятся ясны масштабы не прямой военной помощи, которую Ирак долгие годы получал от правительства Франции и частных французских фирм. Так, в середине сентября парижский еженедельник «Le Nouvel Observateur» сообщил, что группа французских фирм, возглавляемая концерном Protec SA, тайно экспортировала оборудование и сырье для производства отравляющего газа «Табуна». (Этот газ использовался в войне с Ираном с 1984 по 1988 г.) Сообщениям подобного рода нет конца, но, пожалуй, самый скандальный факт – продажа Ираку атомного реактора в конце семидесятых годов. В сущности, француз-

ское правительство выступило в роли провокатора, причем выступило в этой роли дважды. Первый раз – когда спровоцировало Ирак начать работы по созданию атомной бомбы, второй – когда вынудило Израиль бомбить иракский атомный центр под Багдадом в 1981 г. Нелишне заметить, что в хоре голосов, осудивших израильскую бомбардировку, голос Парижа звучал громче всех, уступая лишь голосу Москвы. Но и это еще не все. Франция оказывала Ираку косвенную дипломатическую поддержку, прикрывала Саддама Хусейна даже в том случае, когда тот распорядился применить химическое оружие против мирного населения Курдистана. А.Д.Сахаров вспоминает, что в декабре 1988 г. он встретился с президентом Миттераном и премьер-министром Рокаром и выразил им озабоченность в связи с тем, что иракская армия использует химическое оружие против курдов. Хотя, как пишет Сахаров, и президент, и премьер-министр выразили озабоченность событиями в Курдистане, Рокар усомнился в точности сообщений о применении отравляющих веществ. Кроме того, он сказал Сахарову, что «проблема является очень деликатной», так как лидер курдов Барзани-младший во время войны будто бы сотрудничал с Ираном.

Чем объяснить «любовь и преданность» Парижа режиму Саддама Хусейна? Быть может, стремлением поддерживать дружеские отношения с арабским миром? Но почему, желая дружить с арабами, нужно непременно до зубов вооружать того или иного арабского правителя? Дело тут, конечно же, не в дружбе, а в том, что Саддам Хусейн готов был платить за оружие любые деньги. Со временем он стал одним из главных клиентов французской военной промышленности, интересы которой Елисейский дворец поставил выше принципов, которыми должно руководствоваться правительство демократической страны в своих отношениях с фашиствующими диктаторами.

За беспринципность приходится расплачиваться. Вояки Хусейна удерживают сегодня в числе заложников немало французских граждан, на резиденцию посла Франции в Кувейте был совершен налет. Но если бы этим все ограничилось! Вполне возможно, что французским парням придется сражаться в песках Аравии. Сколько их погибнет от тех самых ракет «Экзосет», которые запустят с «Миражей» обученные во Франции иракские летчики?

Этого мы не знаем, как не знаем и того, чем завершится кризис в Персидском заливе. Остается надеяться, что уроки, которые Саддам Хусейн преподал миру, не пройдут даром. ●

Эйтан Финкельштейн

СОТРУДНИЧАЙТЕ, НО НЕ ДРУЖИТЕ!

Сегодня, в разгар кризиса в Персидском заливе, нелишне заметить, что правительство президента Буша – под давлением обстоятельств, просьб союзников и нужд сегодняшнего дня – сотрудничает и, более того, домогается сотрудничества с теми лидерами на Ближнем Востоке, чей послужной список и моральный облик ничем не лучше, чем у врага, против которого мы объединяемся и даже готовы воевать.

Нового в этом ничего нет. В свое время Рузвельт принял Сталина в союзники против нацистской Германии, причем принял с распростертыми объятиями. Джимми Картер нашел партнера в Панаме в лице Омара Торрихоса, Рональд Рейган сначала склонялся на сторону Ирака, но в конце концов продал оружие Ирану. А вот теперь правительство Буша пытается вовлечь Сирию в коалицию противников Ирака.

Международная политика всегда побуждала правительства заключать союзы на основе сиюминутной выгоды. Широко бытует мнение, что правительство, избегающее «реальной политики», неспособно долго играть сколько-нибудь значительную роль на мировой арене, как неспособно и добиться собственных целей. Конечно, задача противостояния агрессии, создания системы коллективной безопасности, поддержания стабильности и порядка и защиты доступов к ближневосточной нефти – все это требует сотрудничества с правительствами, далекими от демократии. Соединенные Штаты могут сотрудничать с такими правительствами, но при этом обязаны оставаться верными своим основополагающим принципам. «Реальная политика» приемлема только в том случае, если американские политики не будут делать вид, будто природа их вынужденных, но малопривлекательных союзников в корне изменилось.

Западные правительства все еще полагают, что поддержка Ирака в то время, когда иранская армия угрожала свергнуть правительство в Багдаде, была разумной политикой. Однако та помощь, которую Запад оказал Саддаму Хусейну в строительстве огромной армии и создании оружия массового уничтожения, ничего общего с разумной политикой не имеет. То же самое можно сказать и о реакции Запада на применение Ираком ядовитых газов. «Реальная политика» вовсе не требовала от Соединенных Штатов или других стран делать вид, что Саддам Хусейн вдруг превратился в «умеренного». Самообман, которым всегда грешили сотрудники Государственного Департамента, лишь препятствовал и Вашингтону, и Баг-

даду проводить реалистичную политику. В недавней передаче телевизионной станции Эй-Би-Си подробно рассказывалось о многочисленных свидетельствах того, что Ирак давно готовился к вторжению. Об этом предупреждали и Министерство обороны Соединенных Штатов, и ЦРУ, и израильское правительство, но чиновники Государственного Департамента отмахнулись от предупреждений.

Тот факт, что Государственный Департамент США вовремя не предостерег Саддама Хусейна и, наоборот, неоднократно повторял, что Соединенные Штаты не считают себя союзником Кувейта и не связывают себя обязательствами по отношению к этой стране, не дал возможности Саддаму Хусейну реалистически оценить возможные последствия захвата Кувейта.

Настроения, приведшие к ошибкам по отношению к режиму в Ираке, живы и поныне и угрожают исказить политику США в отношении Сирии, чье руководство несет ответственность за не меньшее число погубленных жизней, чем Саддам Хусейн. Президент Сирии Асад с такой же жестокостью, но с большей изощренностью подорвал устои соседней арабской страны и разрушил ее. Более того, Асад прямо связан с организацией террористических актов против американских граждан. Однако настроения ученых-«арабистов» разделяются и Ближневосточным отделом Госдепартамента, и министерствами иностранных дел многих западноевропейских стран. В Ближневосточном отделе Госдепартамента работают интеллигентные специалисты в области языкознания, культуры, истории и политики арабских стран. Но многие из них привыкли смотреть на мир глазами тех, кого они изучают, проявляя большую снисходительность к арабским владыкам и испытывая раздражение по отношению к Израилю. Этим «специалистам» представляется, что заинтересованность США в демократии и соблюдении прав человека во всем мире не вполне приложима к изучаемому ими региону. Однако такого рода «клиентизм» пагубно сказывается на политике США, особенно по отношению к Ираку, Ирану, Организации Освобождения Палестины и Израилю.

Самой крупной жертвой такой политики стал Ливан. Эта страна, когда-то мирная и демократическая, была разрушена изнутри, оккупирована и почти уничтожена Сирией, Организацией Освобождения Палестины и израильянами, боровшимися с ООП. И при этом американское правительство, поддержавшее резолюцию Организации Объединенных Наций о выводе израильских войск из Ливана, никог-

да не призывало ООН потребовать вывода из этой страны боевых соединений ООП и сирийской оккупационной армии. И это несмотря на прямые доказательства участия Сирии в нападении на служащих ВМС США, находящихся в Ливане с миротворческой миссией! Одна и та же тенденция заставила Госдепартамент поверить в то, что ООП будто бы отказалась от терроризма, и отмахнуться от свидетельств того, что Ирак вот-вот нападет на Кувейт. Теперь эта тенденция может привести к тому, что Соединенные Штаты вступят с Сирией в связи более тесные, чем это диктуется необходимостью и чем того хочет большинство населения США. Порочный подход, возможно, уже привел к тому, что «специалисты» из Госдепартамента порекомендовали потихоньку связать израильско-палестинский вопрос с кризисом в Персидском заливе.

Международная политика может иногда оправдать или даже потребовать заключения союза с малопривлекательными лидерами или режимом. Но она не может оправдать требований к нашему союзнику Израилю пойти на неоправданный риск. Она не может требовать забвения того факта, что неизменные интересы Америки связаны с демократией и демократическим миром. ●

Джин Киркпатрик

ДОСЬЕ "ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ"

КТО ПОСЛЕ КАСТРО?

Волны перемен подкатываются к «Острову Свободы» и в ближайшее время захлестнут кастровскую Кубу. Это ни у кого не вызывает сомнения. Но кто придет на смену Фиделю Кастро, диктаторский стаж которого – 30 лет – уступает лишь стажу Альфреда Стресснера, недавно изгнанного из Парагвая после 34 лет единоличного правления?

Среди противников кубинского диктатора, претендующих на роль лидера посткастровской Кубы, наибольшей известностью и влиянием пользуются два человека: Хорхе Мас Каноса и Армадо Вальядарес. Мас Каноса – президент могущественного объединения кубинцев-эмигрантов в США, Кубино-Американского фонда. В Майами, этой «американской Кубе», широко бытует мнение, что после падения Кастро основная масса кубинских эмигрантов, располагающих долларами и вооруженных американским опытом, вернется на родину, чтобы на развалинах кастровского социализма построить капиталистическое общество американского образца. Возглавить массовое переселение

и строительство новой Кубы должен, по мнению многих, Мас Каноса.

Но есть и другие кубинцы, считающие, что Каноса слишком стар и консервативен и роль лидера кубинской фронды должен играть Армадо Вальядарес — поэт и критик режима Кастро с демократических, правовых позиций. Этот человек провел в застенках кубинской охраны 20 лет и лишь недавно был освобожден, благодаря широкой международной кампании в его защиту. Известность и популярность «кубинского Сахарова» выходят далеко за пределы Кубы и общины кубинских эмигрантов в США. В прошлом году Белый дом назначил Вальядареса послом США в Комиссии ООН по правам человека. Таково доверие и такой чести не был удостоен ни один эмигрант. Впрочем, сам Вальядарес не считает себя конкурентом Мас Каноса. Напротив, он постоянно повторяет, что готов работать вместе с ним во имя освобождения родины и победы принципов демократии.

Но сценарий, по которому перестройка на Кубе будет осуществлена руками вернувшихся в страну эмигрантов — под руководством ли Мас Каноса или Вальядареса, быть может, вообще никогда не будет реализован. Опыт восточноевропейских стран показал, что на смену коммунистическим диктаторам приходят не лидеры в изгнании, а противники режима, живущие и действующие внутри страны. Эти люди могут быть открытыми врагами коммунистической тирании или оппонентами диктаторов из числа партийных функционеров, но они должны находиться в нужном месте в нужный день и час, чтобы волна народного гнева, расстановка политических сил или Его Величеством случай вознесли их на политический Олимп.

Очень похоже, что Фидель Кастро будет смещен какой-то группой из партийной верхушки, связанной с высшими военными чинами. Фиделю предьявят счет за развал экономики и общую разруху в стране и объявят о проведении частичных реформ, чтобы не допустить коренных перемен по образцу восточноевропейских стран. По просочившимся сведениям, некоторые члены правящего Политбюро в частных разговорах высказывают недовольство бескомпромиссной линией Кастро, хотя официально во всем его поддерживают. Ясно, что эти люди не хотят рисковать своим положением и привилегиями, но ясно также и то, что грядет день, когда они сочтут, что попытка сместить одряхлевшего диктатора представляет для них меньший риск, чем дальнейшая его поддержка. Сместив Кастро, новые лидеры из старой гвардии будут нуждаться в поддержке улицы,

но они знают, сколь непопулярны в народе сподвижники диктатора. Следовательно, сменившая Кастро хунта будет лихорадочно искать союзников среди популярных у населения, но не отвергающих режим в принципе диссидентов. И тогда мы наверняка услышим имя Густаво Акроса Бергнеса, генерального секретаря Кубинской комиссии по правам человека — диссидентского объединения, подвергавшегося преследованиям кастровской охраны.

Акросу 63 года, и он не очень-то известен за пределами Кубы. Но ведь и другой человек, болгарин Желю Желев практически не был известен за пределами своей страны, когда боролся за права человека. Сегодня Желев — президент Болгарии...

Акрос известен в своей стране как пламенный революционер. Он начал борьбу с режимом диктатора Батисты в 1952 г. Позже он присоединился к группе Кастро, хотя никогда не был коммунистом и не скрывал своего недовольства жесткой дисциплиной, которую Кастро требовал от повстанцев. Особенно возмущался Акрос приказом Кастро расстреливать тех, кто был только заподозрен в предательстве. Тем не менее Акрос, по-видимому, был близок к Кастро. Во всяком случае, он находился в его машине во время знаменитого нападения на военные казармы в Монкаде в 1953 г. В этом сражении, занимающем центральное место в кастровской революционной мифологии, Акрос был ранен, схвачен солдатами Батисты и посажен в тюрьму на 15 лет. С помощью сподвижников Акросу удалось бежать, но вскоре он был снова схвачен — на этот раз вместе с Кастро, и сидел с ним в тюрьме на острове Пинес. Из тюрьмы Акрос был освобожден вместе с Кастро, а затем, в 1956 г., помог ему организовать также ставшую знаменитой экспедицию на Кубу из Мексики на борту яхты «Гранма». В конце концов Акрос приобрел репутацию героя революции, так что когда Кастро захватил власть в 1959 г., он тут же назначил боевого товарища на пост посла Кубы в Бельгии, на котором Акрос оставался вплоть до 1964 г.

Но, как видно, Акрос был из другого теста — он так и не смог смириться с полным пренебрежением режима Кастро к правам человека (с первого дня пребывания у власти Кастро распорядился проводить так называемые ускоренные суды), с массовыми казнями, с запрещением политических партий и частного предпринимательства. Акрос открыто высказал Кастро свое несогласие с «крайностями» режима, за что бывший друг лично распорядился отправить «мягкотелого» героя революции в тюрьму. Акрос провел в заключении три

года (с 1966 по 1969 гг.), а в 1981 г. был снова арестован, на этот раз за попытку (вместе с братом Себастьяном, бывшим командующим революционной армией) бегства за границу. Акрос просидел в тюрьме до 1988 г.

После освобождения Акрос вместе с Рикардо Бофиллом организовал Комиссию по правам человека, которая играет на Кубе роль, аналогичную роли Хельсинкских групп в Советском Союзе в брежневский период. Первым Генеральным секретарем Комиссии стал Р.Бофилл, но после его отъезда в Майями Акрос занял пост одного из двух Генеральных секретарей Комиссии.

Члены правозащитной группы постоянно преследуются режимом — их часто арестовывают, угрожают им и их семьям, дома правозащитников находятся под постоянным наблюдением кастровской охранки. Совсем недавно другой Генеральный секретарь Комиссии — Тая Диос Кастро — была арестована и в выступлении по телевидению «раскаялась», признала свои «политические ошибки».

Главный лозунг Акроса — «любовь и прощение» (вместо кастровского — «родина или смерть»). Бывший революционер призывает к национальной консолидации, к освобождению всех политических заключенных, он отстаивает право кубинцев свободно покидать свою страну и возвращаться обратно, он ратует за свободу совести, слова, он постоянно напоминает о необходимости соблюдать право граждан на организацию неподконтрольных государству ассоциаций и объединений. Ведущий правозащитник призывает к диалогу между режимом и его оппонентами на Кубе, к мирному решению всех проблем нации. Это противоречит доминирующим настроениям в кубинской эмиграции, которая отвергает диалог с режимом Кастро и мечтает о полном его искоренении. Так что в Майями Акроса часто обвиняют в вероломстве. Но подобные обвинения Акрос отвергает: «Там, в Майями, необходимо, наконец, понять, что перемены на Кубе должны носить мирный характер, мы ни в коем случае не хотим повторения того, что случилось в Румынии. Демократия не стоит тысяч жизней... Все это не означает нашей капитуляции — мы стремимся к радикальным переменам на Кубе, но эти перемены должны принести подлинную, правдивую, реальную демократию».

Итак, перед нами два сценария грядущих перемен на «Острове Свободы». Какой из них сработает? Ждать ответа на этот вопрос осталось недолго. ●

ЧЕХОСЛОВАКИЯ БЕЗ ШПИОНОВ

Приступив к изучению вопроса о заручившемся при коммунистическом режиме, новые лидеры Чехословакии обнаружили немало любопытных вещей. В частности, они установили, что из 550 человек, принятых в 1975 г. на службу в Министерство иностранных дел и посланных за рубеж в качестве постоянных и временных сотрудников различных посольств страны, 150 работали... на Министерство внутренних дел. Оказалось, что при прежнем режиме МВД отвечало и за внутреннюю, и за внешнюю безопасность. Эта пресловутая организация не только осуществляла тотальную слежку за населением, боролась с инакомыслием и преследовала диссидентов, но и промышляла шпионажем — естественно, во «враждебных», капиталистических странах.

Одним из первых декретов нового министра иностранных дел Иржи Динстбир распорядился отозвать разоблаченных дипломатов-шпионов в Прагу, куда они и прибыли в июне нынешнего года. Дальнейшее расследование установило, что все они занимались слежкой за гражданами Чехословакии, находившимися с визитами за рубежом, за эмигрантами и за собственными «коллегами» — сотрудниками чехословацких посольств и представительств. Дипломаты-шпионы составляли и направляли «куда надо» отчеты о поведении своих «подопечных», об их контактах и высказываниях. Одновременно многие из этих «дипломатов» занимались кражей промышленных секретов, переправляя их в Прагу и в Москву, в КГБ СССР.

Деятельность дипломатов-шпионов до последнего времени осложняла отношение Чехословакии с западными странами, мешала новым руководителям страны добиться доверия правительств демократических стран. (Только в прошлом году правительство Великобритании обвинило в промышленном шпионаже и выслало из страны четырех чехословацких «дипломатов».) Теперь МИД ЧСФР заявил, что все посольства страны «чисты», и чехословацкие дипломаты, равно как и технические работники посольств и представительств, исполняют исключительно прямые обязанности и не работают на другие учреждения — как отечественные, так и принадлежащие другим государствам.

Однако кроме агентов-стукачей при дипломатических представительствах ЧСФР существуют и две другие категории шпионов, выявить которых и вернуть домой значительно труднее.

Выяснилось, что в старом МВД существовал специальный отдел, который направлял агентов в страны Варшавского Договора, где они работали под крышей так называемого Договора о взаимном обмене информацией. Эти чешские агенты трудились совместно со своими коллегами из других восточноевропейских стран, шпионя фактически в пользу Москвы. «Мы не хотим быть партнерами этих стран на попрание шпионажа, — говорят сегодня руководители МИД ЧСФР, — «арендованные» агенты будут скоро отозваны». И действительно, в августе эти люди начали возвращаться в Прагу.

Однако наиболее серьезную проблему для руководителей страны представляют так называемые нелегалы. «Нелегалы» — это мужчины и женщины, тайно засланные в зарубежные страны и ставшие гражданами этих стран, а также завербованные чехословацкой разведкой граждане западных государств. Часть «нелегалов» действовала активно, а некоторые были «законсервированы», то есть никак не «проявлялись», дожидаясь соответствующей команды из Центра. Но в обоих случаях связь с ними осуществлялась по секретным каналам, минуя МВД, и Динстбиру и его команде сегодня очень трудно вывить этих людей. Тем не менее, новое руководство обещает рано или поздно обнаружить «нелегалов» и пресечь их шпионскую деятельность. Но тут, похоже, новые лидеры переоценивают свои силы: «акулы шпионажа» им явно не по зубам. И дело не в том, что у диссидентов в министерских креслах не хватает опыта или решимости, а в том, что «большая работа», ответственные операции планировались и направлялись с Лубянки. Там же всегда охотно использовали граждан стран-сателлитов СССР в тайной войне против всего мира и часто прикрывались Восточным Берлином, Софией, Будапештом или Прагой в наиболее грязных делах (вспомним хотя бы попытку убить папу Иоанна Павла II). Это, однако, не означало, что «дирижеры» из КГБ делились своими планами с руководителями восточноевропейских разведывательных служб. В Москве предпочитали оставлять младшим партнерам свободу рук в их собственной шпионской деятельности, которая больше походила на сыск за пределами страны, нежели на классический шпионаж.

Именно мелкая и средняя шпионская рыбешка и попала на глаза новым руководителям ЧСФР. Крупную же рыбу удаётся выловить только тогда, когда перестройка дойдет, наконец, и до Лубянки.

Тем не менее, руководители Чехословакии действуют разумно, акцентируя внимание на перестройке государственных орга-

нов таким образом, чтобы неразоблаченные агенты не могли нанести вреда политическому курсу страны и ее престижу.

Так, новая структура государственных органов ЧСФР предусматривает создание Бюро внешней безопасности, но его деятельность будет впрямь строго контролироваться парламентом страны. Сохраняется и Управление военной контрразведки, но оно будет находиться под строгим контролем министра обороны. Важно отметить при этом, что обоим ведомствам отныне запрещено заниматься шпионажем в зарубежных странах.

Чистка от шпионов, сколь бы кучей она ни казалась, уже помогла оздоровить обстановку в Министерстве иностранных дел и существенно улучшила отношения Чехословакии с западными странами. Совсем недавно Великобритания подписала с Чехословакией соглашение о сотрудничестве в борьбе с уголовными преступниками, террористами и контрабандой наркотиками. Это означает, что интересы разведок двух стран теперь совпадают, и чехословацкие разведчики просто обязаны быть лояльными по отношению к своим партнерам.

Министерство иностранных дел ЧСФР сегодня выглядит по-западному. При главных штабах международных и европейских организаций в Брюсселе, Праге и Страсбурге открываются чехословацкие дипломатические представительства. В то же время персонал посольства в Москве сокращается. В Восточной же Европе Прага не намерена снижать дипломатическую активность. Наоборот, общность интересов и приход к власти в Будапеште, Варшаве и Софии новых людей диктует Праге необходимость искать пути для совместных действий, объединять усилия с целью выхода из былой изоляции на международной арене и для решения непростых экономических и экологических проблем региона.

В новом Министерстве иностранных дел Чехословакии надеются, что промышленный шпионаж больше не понадобится. «Мы можем получить западную технологию легально, — говорят ответственные сотрудники МИДа, — причем лучший путь для этого — западные инвестиции в экономику страны. Вместе с инвестициями мы получим и самую современную технологию.»

С этим нельзя не согласиться — именно экономическое и техническое сотрудничество с западными фирмами, а не промышленный шпионаж, помогут обновить отставшую на десятилетия чехословацкую промышленность. ●

Отец Александр Мень

Беды Сибири

О.Александр Мень

9 сентября в Подмоскowie от руки убийцы погиб выдающийся православный богослов протоерей Александр Мень. О.Александр в 60-е гг. принадлежал к кругу молодых священников, в результате деятельности которых началось движение, получившее позднее название русского религиозного возрождения (Г.Якунин, Н.Эшлиман, Д.Дудко и многие другие). О.Александр Мень был крупным ученым, автором многочисленных богословских работ, в частности, семитомного исследования «В поисках Пути, Истины и Жизни», опубликованного в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом». Многие работы А.Меня появились под псевдонимами Э.Светлов и А.Боголюбов.

А.Мень нередко испытывал грубое вмешательство в свою деятельность со стороны КГБ (см. «Страна и мир», № 12, 1986). Был он ненавистен и русским шовинистам (в том числе и из церковной среды).

Мы публикуем интервью, данное о.Александром Менем журналисту М.Дейчу в начале 1989 г., которое в свое время нам не удалось опубликовать по техническим причинам. Пусть в последний раз прозвучит голос самого о.Александра.

Христианству на Руси исполнилось 1000 лет. Следовало бы ожидать, что за этот немалый срок в русских людях образуется некий стержень, с которым никакой пропаганде не совладать. Однако же за какие-то два десятка после-революционных лет православие слетело с русского человека, будто шелуха. Я имею в виду не только количество «уполномоченных», закрывавших и осквернявших сельские храмы, но и тот факт, что практически в каждом таком селе находилось немало своих, местных, кто под руководством «уполномоченного» с удовольствием сбрасывал кресты с сельских колоколен. Как бы вы это объяснили?

Эти 1000 лет не прошли даром. Сегодняшняя ситуация показывает нам, что Русская Церковь сумела устоять в таких катаклизмах, которые не выдержала никакая другая человеческая институция. Та кажущаяся легкость, с которой произошло разрушение, обусловлена определенной дискредитацией духовенства в синодальную эпоху, когда оно было подчинено государству. Общее недовольство государством одновременно было направлено и на духовенство. Далее. В силу подчиненности государству, просветительская и общественно-позитивная деятельность Церкви была ограничена. У нее была отнята древнейшая функция: функция печалования. Печалование – это ходатайство об угнетенных, невинно убиенных, то есть о репрессированных. Известно, на каком условии митрополит Филипп встал во главе Русской Церкви. Он заявил Ивану Грозному: только в том случае возьму на себя эту ношу, если дашь мне право печаловаться... В синодальную эпоху это право было у Церкви отнято, что сильно подорвало ее авторитет в целом, как социального института. Поэтому антирелигиозная направленность, которая возникла в первые годы революции, хотя и шла сверху, но получила широкую поддержку снизу. Этому процессу способствовали и расколы, потрясшие Русскую Православную Церковь в 20-е годы. Вспомним о том, что под сводами храма Христа Спасителя звучали слова о низложении Патриарха Тихона. И произнесены они были не представителями светских властей, а его церковными противниками.

Ныне православие переживает у нас второе рождение. Мои наблюдения привели меня к печальному выводу: большинство бросилось в христианство отнюдь не в стремлении обрести Бога. Одни пришли в Церковь из протеста, другие – следуя моде. Но ни уклончивый протест, ни модное повертие не способны избавить от неудержимо расплозющихся в нас равнодушия и черствости. Каковы ваши наблюдения?

Мой опыт охватывает лишь сельскую церковь. Тех, кто приходит ко мне, следуя моде, очень мало. Большинство приходит по внутренним причинам. Они остаются, они трудятся и внутренне, и внешне. А те, кто приходят из протеста, вскоре забывают об этом. Протест проходит, а внутренние проблемы остаются. Для того, чтобы отплыть в лодке от берега, надо оттолкнуться от него. Потом этот берег трогать не нужно. Нужно грести себе и плыть. А от чего оттолкнулся, не столько уж важно.

Знаменитые слова апостола Павла «Всякая власть от Бога» можно ли и нужно ли понимать буквально?

Власть как определенная структура социума необходима. Антипод власти – анархия, хаос, а хаос Церковью не признается. Власть как некая абстрактная система – она, конечно, от Бога. А конкретно – это уже совсем другое. Власть может идти против совести людей, и тогда в том же Писании сказано, что надлежит более слушаться Бога, нежели человека.

Кое-кто из современных деятелей Русской Церкви, обращаясь к нам с публичным покаянием, приводил эти слова в качестве аргумента, оправдывая ими свое покаяние. Поэтому я и спрашиваю: можно ли понимать их буквально? Ведь власть может быть и наказанием для людей...

Безусловно. Господь устроил так, что есть определенный нравственный мир и порядок. Но если к власти пришли нацисты – это не случайное явление, а зло, принятое волей народа. Народ принял нацистов, с удовольствием кричал «Зиг хайль». Потом, когда люди спохватились, было уже поздно. Так что принцип, исходя из которого власть необходима, а правительство – явление совершенно закономерное, – этот принцип незыблем. Все остальное – утопия. Можно ли представить огромное общество без власти? Допустим, нашу страну? Ну, вот завтра, к примеру, власть ушла, отправилась в эмиграцию. И что же? Полный хаос. Тогда-то и предстоит нам узнать, что власть от Бога.

Обычно православные священники не вмешиваются в дела светских властей. Что это – дань традиции или некая установка? И в том, и в другом случае не будет ли участие церкви в работе Верховного Совета фикцией?

Мне трудно ответить на ваш вопрос. Замечу только, что, например, православные священники в Греции активно участвуют в общественной и культурной работе. У нас же до последнего времени просто не было таких условий. А если они появятся, то, я думаю, у

нас есть церковнослужители, способные заниматься общественной деятельностью. Среди высших иерархов есть очень способные люди, государственные умы.

Занятие общественной деятельностью – не будет ли в ущерб церковной?

Это зависит от конкретного человека. Епископ всегда может распределить свои обязанности и время. У него есть заместители и секретари... В течение веков епископы нередко участвовали в общественной жизни. Не будем ссылаться на западную историю, нам хватит своей. Вспомните митрополита московского Алексия, Патриарха Никона, митрополита Филиппа – все они были активны в политической жизни. Даже очень активны.

Вы пойдете голосовать?

А почему бы мне не пойти?

За кого вы будете голосовать?

Ну, вообще-то я как-то не задумывался над этим. У меня столько проблем, что в эту я еще не вник.

Но будете вникать?

Я пока не вник в новую систему голосования.

Но голосовать тем не менее будете?

Конечно, буду. Я нормальный советский человек.

Скажите, всегда ли сохраняется тайна исповеди? Мне известны случаи, когда священники предупреждают некоторых своих прихожан: «К этому батюшке на исповедь не ходи...».

Я не знаю таких конкретных случаев, но тайна исповеди абсолютно свята и неприкосновенна. И священник, который ее нарушил, согласно правилам Церкви должен быть извергнут из сана. Это очень серьезно. Я не хочу ни на кого наводить тень, мне лично неизвестны такие случаи, когда что-то просочилось через исповедь.

Но вы знаете, о чем я говорю? Или делаете вид, что не знаете?

Прекрасно знаю. Но ничего нового здесь нет. До революции официальные инструкции предписывали священникам доносить на прихожан, известных своей политической нелояльностью. Как обстоят дела сейчас, я не знаю. Лично мне государственные органы никогда не предлагали нарушить тайну исповеди, и я не знаю случаев, когда это

кому-нибудь предлагалось. Если же среди моих коллег есть люди, не заслуживающие доверия, то, вероятно, за этим что-то кроется. Но я знаю, как легко в наше недоверчивое время люди могут подозревать друг друга без всяких серьезных оснований. Знаете, стукачебоязнь – она ведь распространена повсеместно. Так жили несколько поколений. Словом, все это надо проверить.

Но вы же понимаете, что проверить это практически невозможно.

В общем, да. Ну как проверить, нарушает ли батюшка тайну исповеди? Не знаю, у меня нет рецепта. Но если человек не доверяет священнику какие-то свои мысли, он может пойти к другому. В целом же мне кажется, что проблемы тут нет. Когда мы приходим на исповедь, мы должны говорить о своих грехах, а грехи – не то, что интересует следственные или другие органы.

Но мы же говорим на исповеди не только о грехах...

А надо – только о грехах. Все прочее только мешает.

Вероятно, институт исповеди не слишком хорошо развит, особенно у новообращенных...

Это наша вина: значит, наши объяснения были недостаточны. Многие говорят на исповеди о своих снах, о своих болезнях... Словом, некое невежество, неумение исповедоваться. Человек должен идти на исповедь и говорить только о грехах. Или же у него возникают какие-то другие вопросы, он может пойти к знакомому священнику, которому он доверяет.

В последние годы мне не раз доводилось слышать утверждение: «Русский человек может быть только православным». Как думаете вы?

Мне неизвестно, чтобы в нашем столетии какая-нибудь народность обязательно совпадала с какой-то религией. Сегодня миллионы русских людей ни во что не верят. Миллионы русских людей – баптисты и пятидесятники. Еще какая-то часть – католики. Большинство же исповедует православие.

Православие – одна из основ, на которых зиждется деятельность общества «Память»...

Я не читал устава общества «Память», поэтому я имею право сомневаться в том, что оно зиждется на православии.

Ваши сомнения логичны, но руководители и члены общества громкогласно утверждают это. Почему бы не поверить им на слово?

Когда отсутствует официальный документ, слова какого-нибудь параноика или экстремиста можно принять за точку зрения всего движения. Что-либо обсуждать сейчас сложно, поскольку в дальнейшем, если будет опубликован устав, мы можем оказаться в глупом положении.

Тогда попытаемся обсудить другой аспект. Что вы знаете об отношении православной церкви к этому обществу? Как вы сами к нему относитесь?

На проблему «Памяти» отреагировали два наших выдающихся иерарха: митрополит Ленинградский Алексий и управляющий делами Московской Патриархии митрополит Владимир. Смысл их высказываний состоит в следующем: патриотизм – вещь прекрасная, забота о сохранении культуры и памятников старины – тоже, но когда все это приобретает характер откровенного шовинизма, то противоречит основам христианства. Как отметил митрополит Алексий, поиски мнимых врагов всегда дают результат быстрый, но проблем не решают. Русская интеллигенция всегда отличалась терпимостью и отсутствием шовинизма. Достоевский гордился этой чертой, считая русского всечеловеком, открытым ко всем культурам.

Это сложный вопрос, о.Александр. Мне кажется, из интеллигентов был и доктор Булавин, не так ли?

Его нельзя считать представителем интеллигенции.

Да и у Достоевского, как известно, антисемитские настроения были довольно сильны...

Ну и что? В конце концов, это было его право. В целом же русская интеллигентность означает терпимость и доброжелательность ко всем народам, населяющим нашу многонациональную страну. Это благодородная, прекрасная черта, ее необходимо поддерживать.

А как вы относитесь к обществу «Память»?

Никак.

Какие надежды вы связываете с сегодняшней ситуацией в стране?

Я надеюсь только на Бога. А нынешнюю ситуацию я приветствую, потому что она – единственный возможный вариант для выхода нашей страны из кризиса духовного и материального. Иного не дано. Так называется книга. Мне нравятся эти слова.

Есть ли надежда на изменения к лучшему в вашей личной ситуации, в частности – в той работе, которую вы ведете среди верующих?

Я служу уже четвертый десяток. И тогда, в первые дни после рукоположения, и теперь я делаю то же самое. Просто были периоды, когда было легче или труднее. Но делал я всегда одно и то же.

Вы полагаете, теперь будет легче?

Я ничего не полагаю, это не в моих правилах. Я просто тружусь потихоньку. И не люблю праздных мыслей. Я надеюсь на Бога: что будет, то и будет. И потом, мне даже физически некогда предаваться таким размышлениям.

Как вы думаете, долго ли продлится нынешний ренессанс русского православия?

Это забота церковного руководства и самих верующих. Моя забота – выполнить свой долг перед Богом, перед людьми. Кроме того, вы, по-моему, не совсем точно выразились. Я бы назвал это по-другому: Бог снова дал шанс верующим. Вопрос лишь в том, как мы его используем. Я хочу сказать, что многое зависит от нас. Бог вновь призвал нас. Теперь наш ответ. Сумеет ли ответить? Сможем ли?..

В интервью журналу «Огонек» Председатель Совета по делам религий К.Харчев сказал: «Масса верующих приняла революцию». Много ли правды в его словах?

Это даже не вся правда. Я считаю, что революция была сделана верующими. Залп антирелигиозной пропаганды пришелся позднее. А массы, которые поддержали новое правительство, были в основном православными. Им были предложены свобода, братство, свобода совести, земля, мир. Верующие не могли не поддержать такую программу.

Зло пришло позже?

Видите ли, то, о чем я сказал выше, – факт объективный, поскольку атеизм и материализм были тогда уделом узких кругов, но не широких масс. Даже в старой антирелигиозной литературе времен стагнации мы можем найти несколько изумленную констатацию этого факта: дескать, в то время, оказывается, все были верующими! Теперь, конечно, мы можем говорить о том, что не все, и многие – поверхностно. Но в целом Россия, безусловно, не была атеистической. Дальнейшие события – процесс сложный, нуждающийся в тщательном изучении. Какие-то общие соображения ничего не прояснят. А история церкви этого времени еще не написана. ●

СИБИРЬ: ОСВОЕНИЕ ИЛИ ОГРАБЛЕНИЕ?

Сегодня в Сибири проживает 8,3% населения СССР, производится 11% национального дохода страны (в действующих ценах). По последним данным Сибирь дает более трети поступлений в СССР свободно конвертируемой валюты – преимущественно за счет экспорта нефти и газа. Какой ценой дается эта валюта?

По оценкам специалистов, за 20 лет «развития» нефтегазового комплекса региона экономический ущерб, нанесенный природе Тюменского Севера, составил 450 миллиардов рублей, а к 2005 г. эта сумма выльется в два триллиона при условии осуществления еще одного грандиозного проекта века – введения в строй пяти гигантских нефтегазохимических комплексов.

Запад охотно покупает у нас нефть, газ и другое сырье, сворачивая у себя добычу, переработку и техноемкие, экологически опасные мощности. Наши министерства играют роль полномочных представителей инофирм в этой разорительной для страны игре. Так, процветающие фирмы США, Японии, ФРГ и Италии ухватились за предложенный им для сотрудничества ямальский проект. Выгодно и чисто! 90% продукции передовой технологии завода по производству пластмасс, проектируемого в 40 км от Нового Уренгоя, пойдет инофирмам, и только 10% – нам. Насыщение же западного рынка нашей пластмассой приведет к падению курса цен на нее и не даст нам валюты в желаемом количестве, не говоря уже о том, что все затраты и трудности по созданию инфраструктуры региона тяжким бременем лягут на страну-хозяйку.

Теперь о топливно-энергетическом комплексе, который уже поставил народное хозяйство страны на колени. Мы добываем нефти и газа в 1,5 раза больше, чем США, а по производству валового национального продукта на единицу условного топлива отстаем от Америки в 3–5 раз, от Японии в 6 раз. В Японии, кстати, без увеличения потребления топлива лишь за счет передовой технологии валовый национальный продукт вырос в 1988 г. вдвое. Тем не менее мы продолжаем наращивать добычу. А ведь с добрый десяток тысяч скважин просто забро-

шены и большая часть их фонтанирует, загрязняя окружающую среду. В Нефтеюганске, например, весной 1989 г. был нефтяной ледоход, реки Большой и Малый Балык с нефтяными берегами утратили свое рыбохозяйственное значение. Уже 28 рек умерло в Ямало-Ненецком национальном округе.

Ученые, представляющие неофициальную науку, обеспокоены деградацией геологической среды в Тюменской области, могущей привести к глобальной геокатастрофе. Массированное выкачивание газа и нефти, снижающее давление в недрах, способствует гомогенизации (смешиванию) пластов земли, нарушается конденсированное ее экранирование, рвутся связи между ядром и чехлом земли, расчленяются блоки грунта по вертикали. Деформация пластов и смещение грунтовых вод ведут к появлению трещин, развалов и к землетрясениям. Прогнозируется ураганное развитие событий – через 20 лет начнется опускание суши в регионе.

Западносибирские земли превратятся во вселенское болото. Все это может произойти уже в ближайшие 50–70 лет.

Если не обуздать аппетиты топливно-энергетического монстра, то он превратится в молох, пожирающий самого себя. Альтернатива этому есть. Запасы топлива Западной Сибири – нефти, газа, угля – соотносятся как 1:10:1000. Идея подземной газификации углей, высказанная в XIX в. Менделеевым, в мировой энергетике сразу не прижилась. Запад решил подождать. В нашей стране до 1960 г. по этой технологии действовало Южно-Авинское месторождение под Киселевском в Кузбассе. Запасов топлива здесь хватит еще на 500 лет. Технология процесса хорошо отработана, проста, экономична (2–3 руб. на тонну угля), экологически чиста (кальций золы при сжигании хорошо схватывает серу), вся грязь физически индифферентна и останется под землей. Угли на территории СССР залегают равномерно и неглубоко, запасов хватит на тысячелетия. Это может стать существенной альтернативой газу Ямала и нефти Тюмени, даст возможность отработать научно обоснованные критерии добычи газа и нефти вообще, дабы не довести регион до эко-геоцеитнота с глобальными последствиями.

Если нефть, газ – это жестокий фронт, то тыловые диверсии – это бесконтрольная вырубка леса вот уже на протяжении полусотни лет. Ханты-мансийский автономный округ отдан на откуп лесозаготовителям, план которых – 90 тысяч м³ древесины в год. Вездеходы исполосовали тундру, исчезает скудная растительность, ягель, сворачивается оленеводство, охотоводство.

Умирает тундра, а вместе с ней и малые народности Севера, лишенные исконных промыслов как способа существования – охоты, рыболовства, оленеводства. Средняя продолжительность жизни манси – 47 лет, детская смертность здесь в 4 раза выше, чем в регионе. Поселок Угут – единственная нетронутая резервация аборигенов, на которую уже наступают нефтяники.

Если не остановить ведомственный геноцид, то вслед за малыми народами исчезнут и большие. Экологическая проблема уже давно переросла в экономическую, этнодемографическую и политическую проблему.

Надо остановиться. Жизненно необходимо объявить мораторий на рост добычи нефти и газа, приостановить действие постановления Совета Министров (№ 1399 от 2 декабря 1988 г.) о мерах по созданию нефтегазохимических комплексов в Тюменской области на базе углеводородного сырья месторождений Западной Сибири.

В плане защиты среды обитания показателен опыт Костромской области, проводимой экологической эксперимент. Воздух, вода, земля, животный и растительный мир имеют там экологический паспорт. Существует и ценник всех выбросов от деятельности предприятий, за превышение ПДК которых предусмотрены штрафы, растущие в геометрической прогрессии в зависимости от количества и опасности выбросов. Хозрасчетным предприятиям теперь не по карману отравлять окружающую среду.

Если бы это оказалось реальным и для Тюменской области, то возможно уже скоро богатства России стали бы «прирастать Сибирию». А пока нарастает угроза регионального и глобального экоапокалипсиса. ●

Людмила Егорова
(Москва, «Интерфакс»)

БЕЗ ДОГМАТА

ГОВОРЯТ — ОДНИ С ТОСКОЙ, ДРУГИЕ С ВОСТОРГОМ, — ЧТО МАРКСИЗМ УМЕР, ЧТО УШЛА В НЕБЫТИЕ ИДЕОЛОГИЯ, МОЖЕТ БЫТЬ, САМАЯ ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩАЯ И АГРЕССИВНАЯ ВО ВСЕЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЕСЛИ ТАК, ЗНАЧИТ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ВОСПИТАНИЯ ПРОПАГАНДОЙ, СТРАХОМ, САМИМ ОБРАЗОМ ЖИЗНИ НЕ ИЗМЕНИЛИ ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА. ЕСЛИ ТАК, ЗНАЧИТ, МОЖНО НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО УЖЕ В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ СТРАНА ПРЕОДОЛЕЕТ ТРУДНОСТИ И ВЕРНЕТСЯ НА ПУТЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ЕСЛИ ТАК... НО ТАК ЛИ ЭТО?

1. Первое впечатление при знакомстве с марксистской идеологией — перед нами *монолит*, абсолютно цельная и законченная система, где с железной последовательностью одно вытекает из другого. Из марксистской диалектики — исторический материализм; из него — социализм и коммунизм; из социализма как начальной стадии коммунизма — все прочее: государственная собственность на орудия и средства труда, централизованное планирование, принцип "от каждого по способностям..."

При близком рассмотрении монолит оказывается совсем не таким цельным. В нем отчетливо видны *зазоры, трещины, пласты*, сложенные совершенно из разных материалов. Естественным, что и место каждого из пластов в идеологическом фундаменте строя было различным. Для подавляющего большинства граждан материализм и идеализм, метафизика и диалектика составляли единое великое целое, не имевшее никакого отношения к *реальной* жизни.

С коммунизмом дело обстоит сложнее. "Призрак коммунизма" изобрели не Маркс и не Энгельс, он действительно бродил по Европе. Это надо понимать так, что в существовавшем тогда порядке вещей (капитализм XIX века) было нечто *противоречащее* природе человека, не учитывающее какие-то *существенные* особенности общественной психологии. На этом несовершенстве и взошел марксизм — учение, не корректирующее, а отрицающее данный порядок вещей, претендующее на то, чтобы заменить его иным, справедливым и разумным порядком.

Повторяю: не Маркс изобрел коммунизм. Однако в это понятие, достаточно общее и расплывчатое, он вложил *определенный* смысл. Мечта превратилась в *модель* — и тоже не слишком конкретную, но уже отчетливую. Конечно, это был эскиз. Однако даже в эскизе, если присмотреться, можно уловить черты личности конструктора: его характера, взгляда на мир, отношения к человеку.

Труды Маркса поражают не тем, что в них есть (в них есть много всякого), а тем, чего там *нет*. А нет там *человека*. Никакого: ни массового, ни индивидуального. Ощущение такое, что общество будущего классик собрался населить атомами, которым полагалось вести себя по законам больших чисел. И слеплены все эти атомы по одному образу и подобию, по образу и подобию самого Маркса. Если у них предполагаются побудительные мотивы, то лишь те, что существовали у Маркса: готовность довольствоваться простейшими материальными благами, стремление к замене подневольного труда свободным, направленным почти исключительно на развитие заложенных в нем (Марксе) способностей.

Удивительное сочетание. Основоположник научного коммунизма делит человечество на две категории. Первая, как две капли воды, похожа на него самого; вторая – вообще лишена отличительных черт, *атомизирована*. Таким образом, Маркс одновременно и *идеализирует* человечество, поднимая его до собственного уровня, и *низводит* его до уровня атома. Вряд ли основоположник считал, что у "худшей" части человечества нет ни характера, ни собственных потребностей. Просто все это было ему чуждо и неинтересно. Мало того, что этих людей он не знал, он и не *желал* знать.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть непредвзято на классическую формулу коммунизма: "От каждого по способностям, каждому по потребностям". Сейчас уже очевидно, что вторая половина этой формулы заведомо нереальна, ибо ресурсы Земли ограничены. Почему же основоположник этого не понимал? Потому, объясняют нам, что во времена Маркса эта очевидная истина совсем не была такой очевидной.

Странно. Марксу были хорошо известны, например, идеи Томаса Роберта Мальтуса. Да, Маркс их не принимал, но поскольку проблема эта обсуждалась, серьезный исследователь не мог от нее отмахнуться. А если все-таки отмахнулся, значит под "потребностями" он понимал нечто иное. Что же именно? *Элементарные* потребности: пища, одежда, крыша над головой...

Разумеется, это тоже немало. Допустим, однако, что эта задача решена. Чем же будет заниматься человечество дальше, какие стимулы придут на смену простейшим: голоду, холоду и т.п.? Для Маркса тут нет вопроса. Удовлетворив физиологические потребности, люди займутся главным своим предназначением – развитием *способностей* литературой, живописью, наукой. Ведь это же великое счастье – распоряжаться свободным временем по своему усмотрению...

Мы знаем, что ничего похожего с человеком не произошло. Любые потребности (не только элементарные), как только они удовлетворены, теряют значение. На смену им приходят другие, все более и более сложные. Стремление к их *удовлетворению* и составляет главный стимул развития подавляющего большинства людей. И – слава Богу, потому что страшно представить, к чему бы мы пришли, если бы стимулом прогресса стала реализация способностей каждого. Сколько сотен миллионов бездарных книг, симфоний, проектов перпетуум мобиле обрушилось бы на голову бедного человечества, сколько судеб было бы разбито, какой хлынул бы поток амбиций, обид, неудовлетворенных честолюбий! Появилось бы великое множество людей, не знающих, куда деть это проклятое свободное время. Миллиарды, играющие в домино, толпящиеся у пивных киосков, мрачно бродящие по лесу в поисках никому не нужных грибов, – картина, по-моему, жуткая. Похоже, что классик просто не дал себе труда додумать до конца *последствия* своей идеи.

И уж вовсе нелепо было бы ожидать этого от людей, штурмовавших Зимний, воевавших в гражданскую, проводивших коллективизацию. "Мы открывали Маркса каждый том", – это, понятно, гипербола. Огромная часть солдат революции никаких томов не открывала, светлое будущее рисовалось им в тумане: набитые едой и ситцем склады, никто не работает, никаких тебе благородий – все равны.

Как, *каким способом* будет создано это изобильное и справедливое общество, никто не думал. "Даешь!", и все. Между тем первые же *реальные* шаги этого общества ("военный коммунизм", трудовые армии) вызвали мощнейшее сопротивление самых разных слоев населения. Те самые люди, что умирали в боях за "коммуны", упорно не желали отдавать зерно в общие склады и работать на общих заводах, дезертировали из трудовых армий, торговали... Но самое поразительное, что полное неверие в принципы коммуны продемонстрировал Ленин. Это по его указанию уже в самом начале были организованы *специальные* склады для руководителей – то есть для тех, кто особенно верил в коммунизм.

Неправильно, однако, думать, что эта мечта не наложила своего *отпечатка* на революцию, гражданскую войну и всю последующую историю страны. Это сейчас, втолковывая нам, что такое социализм, говорят о "сильной социальной политике", "социальной защищенности", приоритете общественных интересов перед личными. Допустим, все эти прекрасные идеи и составляют суть социализма. Но сразу же возникает вопрос. Способна ли была бы такая программа (дешевые квартиры, бесплатное здравоохранение и образование, отсутствие безработицы) привести в революцию миллионы людей, вызвать всеобщее ожесточение, оправдать бесчисленные жертвы гражданской войны, коллективизации, индустриализации? Конечно, нет. Чтобы брат убил брата, а Павлик Морозов донес на отца, нужна была воистину *великая* идея. Бесплатная больница на эти жертвы явно не тянула, тут требовалось нечто грандиозное — всеобщее счастье, например.

Необходимость в *сверхидее* явственно ощущается и сейчас. Да, теперь очевидно, что коммунизм — химера чистой воды, что подобная система не может существовать по условию. Но партия, обещающая вывести из тупика, претендующая на роль авангарда, продолжает именовать себя *коммунистической*. И множество людей — националистов, либералов, радикалов, антимарксистов — остаются коммунистами, то есть членами *сюрреалистической* партии. В наш просвещенный век это производит столь же сильное впечатление, как признание себя идолопоклонником или сторонником возведения на российский престол короля Лилипутии...

Велик соблазн объяснить этот массовый сюрреалистический психоз причинами сугубо рациональными. К примеру, боязнь лишиться каких-то благ и места в партийной иерархии. Вряд ли, однако, все сводится только к соображениям меркантильности. Дело скорее в том, что даже явных противников марксизма *пугает* смерть идеологии, внезапный идеологический вакуум. Этим людям можно понять. Им кажется, что слишком стремительный переход из атмосферы, до предела насыщенной идеологией, к вакууму, может повлечь за собой катастрофу.

Но о какой идеологии идет речь? Неужто все эти долгие семьдесят лет миллионы людей жили верой в чудо, верой, что в один прекрасный день непрерывно прогрессирующий дефицит трансформируется в сказочное изобилие? Разумеется, нет. Все было гораздо сложнее. Рядом с высокой, "праздничной" коммунистической идеей существовала идея *будничная*, идея на *каждый день*. Идея реального социализма.

2. Термин "реальный" не следует путать с типовыми эпитетами: "развитой" или "полный". Назначение эпитетов состояло в том, чтобы как-то разнообразить унылые будни социализма, придать ему видимость движения. Напротив, определение "реальный" несет серьезную смысловую нагрузку. Это надо было понимать так, что социализм, который *построился*, имеет мало общего с идеальным, или "книжным", социализмом. Угадывался и следующий вывод: ничего другого из этой затеи выйти и не могло. Уж не обессудьте — что есть, то есть.

Но как раз о том, что же все-таки получилось, почти ничего не известно. "Мы мало знаем общество, в котором живем", — это сказал М.С.Горбачев. Еще меньше знает о нем американское ЦРУ. Недавний скандал с расчетом ВВП, валового национального продукта СССР, свидетельствует о том весьма убедительно. Речь идет не о приписках, очковитательстве и прочих мелочах. В стране, где нормальная экономическая жизнь подменена планами и отчетами, само понятие *действительного* теряет силу. Недавно газета "Труд", комментируя данные о прожиточном минимуме, глубокомысленно заметила, что расчетное потребление мяса 64 килограмма в год на человека — "не густо". Густо или не густо — об этом можно было бы поспорить. Но существуют ли эти килограммы в *натуре*? Судя по тому, что месячная порция выдачи мяса по талонам колеблется от 0,5 до 1,0 кг., явно не существуют. А еще важнее, пожалуй, что этого не знает никто.

Но ведь перед нами *простейший* случай — расчет того, что поддается измерению в килограммах или рублях. А как рассчитать и в каких единицах выразить продукцию реального социализма в таких невесомых сферах, как характер общественных отношений, трудовая мотивация, правосознание, культура, нравственность?

Не претендуя даже на эскизный охват темы, попробуем набросать схему будущих исследований. Как известно, формула идеального социализма довольно скромна: "От каждого по способностям, каждому по труду". На практике эта формула свелась к отсутствию безработицы, к всеобщей занятости. Цена, которую пришлось за это уплатить, — колоссальное снижение производительности труда. Скажем, в сельском хозяйстве производительность труда американского фермера выше, чем у нас, в десять, пятнадцать, двадцать раз. Уже одно это означает, что низкий уровень жизни в стране был как бы *запрограммирован*.

Но это, может быть, еще не самое страшное. Идеальный социализм уверял, что сумеет использовать "по способностям" каждого, — обещание явно завышенное; при реальном социализме — треть (или даже половина) трудоспособного населения страны занята тяжелым физическим трудом. Если следовать учению, то это надо понимать так, что десятки миллионов людей ни на что большее *не способны*. Воистину "я другой такой страны не знаю", где правительство решилось бы на подобную оценку способностей собственного народа.

Вторая половина формулы — каждому по труду — вроде бы звучит логично. Однако такие сентенции не следует воспринимать на слух. В нормальной экономике трудом признается, конечно, *полезный* труд — труд, удовлетворяющий определенные общественные потребности. В искусственной псевдоэкономической системе реального социализма эта предпосылка отсутствует. Государство берет на себя оплату *любого* труда: производство брака, строительство предприятий, которые начнут давать продукцию в середине третьего тысячелетия, сооружение объектов, которые вообще никогда ничего не будут давать.

Если бы в этих условиях государство действительно руководствовалось принципом "оплаты по труду", оно давно разорилось бы. Поэтому уже с начала 30-х годов был введен принцип, который можно назвать *иерархическим*. Суть его в том, что население было разделено на категории, оплата труда каждой из которых была связана с первой, "базовой" системой коэффициентов. При этом за "базу" приняли оплату, соответствующую прожиточному минимуму — в его советском понимании. Оплата следующих категорий определялась либо *должностью* (местом на иерархической лестнице), либо *значением*, которое имела данная категория в глазах хозяев государства. Так, труд в тяжелой промышленности оплачивается выше, чем в легкой; в военной — выше, чем в тяжелой. Труд в торговле или в суде оплачивался крайне скудно — социалистическое государство резонно полагало, что работники этих сфер будут кормиться за счет граждан. Примерно столь же низко оплачиваются рядовые работники культуры, хотя и по иной причине — за очевидной их бесполезностью. Всех этих библиотекарей, сотрудников музеев, школьных учителей хозяева государства были вынуждены терпеть, но скрывать своего отношения к этим бездельникам они не желали.

Конечно, сообразно с требованиями жизни система корректировалась (в более высокую категорию были переведены, например, ученые). Однако основной *принцип* оплаты, иерархический, оставался неизменным. Да иначе и не могло быть. Как государство, которое не имеет понятия, сколько чего в нем производится, сколько портится, теряется, гибнет, разворовывается, как такое государство способно платить по труду?

Когда разрыв связей между трудом и его оплатой длится десятилетиями, скрыть этот факт невозможно. Как невозможно скрыть и все остальное: иерархическую систему оплаты, стремление государства уравнивать уровень жизни своих граждан, сведя его к прожиточному минимуму, явное предпочтение, которое оно

отдает формам вознаграждения, вообще не связанными с оплатой и, следовательно, целиком зависящими от хозяев страны.

Прямые последствия этой политики лежат на поверхности: утрата непосредственных стимулов к труду, снижение качества продукции, всеобщее равнодушие, воровство на производстве. Гораздо труднее выявить последствия скрытые, *долговременные*, которые только теперь начинают появляться. Однако общий смысл этого явления можно обозначить вполне четко: *роль труда в процессе обезьянивания человека.*

В эпоху любезной марксистам первобытной общины отношение человека к труду определялось инстинктом самосохранения. Труд давал средства к существованию, тот минимум материальных благ, которые были абсолютно необходимы для жизни. С ростом производительности труда ситуация осложнилась. У человека появилась *альтернатива*. Он мог, продолжая работать с полной отдачей времени и сил, создавать блага, которые, строго говоря, не относятся к числу *жизненно необходимых*. Но мог и остановиться, ограничившись уровнем, близким к минимальному, или поставить перед собой задачу, которую предписал ему Маркс: сокращение времени, расходуемого на общественно необходимый труд.

Естественным для человечества оказался первый путь. Отсюда и поразительный прогресс, и многие издержки, связанные с прогрессом. Это, однако, не значит, что второй вариант развития автоматически исключался и не имел последствий. Недавно один из редких ныне поклонников Маркса высказал остроумную мысль: коль скоро "первобытный коммунизм" существовал вначале, следовательно — по закону исторической симметрии, — он должен повториться в конце. Это и в самом деле возможно. При том, разумеется, условиях, что люди готовы будут вернуться к уровню жизни, которому *соответствует* этот способ производства.

Я не иронизирую. Структура общественных отношений *хрупка*, как и все человеческое в человеке: об этом свидетельствует история XX века. Что в сущности побуждает человека трудиться сверх необходимого? Какую-то часть людей — интерес исследователя, любовь к работе, инстинкт самовыражения. Но будем реалистами. Значительная (безусловно, большая) часть человечества занята делом, которое вряд ли способно приносить удовлетворение. И тем не менее многие (опять-таки большинство) вкладывают в эти рутинные, неинтересные, часто даже неприятные операции куда больше трудовых усилий, чем это действительно необходимо для *поддержания* жизни.

Марксистский анализ явления сводится к ярлыкам и ругательствам: "ещизм", "потребительство", "страсть к наживе", "частнособственнические инстинкты". Все эти этикетки ровно ничего не объясняют. Миллиардеру "не нужны" новые миллионы — все, что он хочет, он имеет и без них. При этом владелец крупнейшей фирмы нередко работает интенсивнее, чем любой из его служащих. Но интенсивно порой работает и тот, у кого мало шансов стать миллиардером и, значит, иметь "все". Мотивация тут иная: человек сознательно *меняет* свой труд, свое рабочее время на те — в примитивном смысле отнюдь не жизненно необходимые — блага, которые ему почему-то очень важны. Совсем не обязательно, чтобы это была частная собственность, или капитал, или особые жизненные удобства. Есть люди, которые живут скромно, почти бедно, но путешествуют по свету, бывают на дорогих концертах, собирают редкие книги, фарфор, картины и т.п. Есть и такие, что просто копят: для наследников, на "черный день". Наконец, есть, конечно, немало людей, которые стремятся иметь нечто "свое": свой дом, свою землю, свое дело. Опять-таки не для того, чтобы кого-то эксплуатировать и наживаться, а потому, что такая система отношений — человек в своем деле — их *привлекает*.

Вопрос не том, хороши или плохи эти мотивы. Важно, что подобная мотивация *существует*, и именно она лежит в основе современной цивилизации. Конечно, и тут не все просто. Та же цивилизация породила людей, не желающих принимать

эти "правила игры": бродяг, пьяниц, наркоманов. Еще недавно советская идеология оценивала их по двойному счету: "чужих" поднимала на щит как борцов с буржуазными ценностями, "своих" — гневно клеймила и сажала в тюрьму как лентяев и тунеядцев. Сейчас стали говорить о *явлении*, но о явлении частном, странном, выпадающем из нормы. Если бы так...

Первый удар по всему комплексу трудовой мотивации нанес Ленин своим знаменитым лозунгом "Грабь награбленное". Ни тогда, ни позже никто не пытался, разумеется, ввести какие-то *критерии* того, что считать *награбленным*. Таковым признавалась любая собственность, хоть как-то превышающая *пределы* минимально необходимого, особенно та, что имела отношение к средствам труда. Так был задан, во-первых, общественный *стандарт* жизни. Во-вторых, учрежден *порядок*, при котором единственным производителем и носителем всех благ становилось государство.

И это не все. Тот, кто грабит — хотя бы и награбленное, — называется грабителем. А мотивация грабителя совсем *иная*, чем мотивация работника. Большевиком еще можно было бы понять, если бы они верили, что награбленного хватит стране (или им самим) на всю оставшуюся жизнь. Но ведь в это они явно не верили: едва ли не главное назначение первых ленинских статей и декретов — побудить людей работать. Параллельно (такова странная логика марксизма) и Ленин, и Сталин, и прочие вожди делали все, чтобы отбить у людей охоту к труду, уничтожая *побудительные мотивы*.

Человека последовательно лишают стимулов. Выращенного им урожая и сделанного им изобретения, мастерской и возможности путешествовать, коровы и коллекции картин, земли, дома и права читать то, что ему хочется. Особенно жестко лимитируется труд. У человека не остается *выбора*. Он не может работать у себя, не может — у другого человека, он обязан работать на государство. Работать в условиях, когда связь между трудом и оплатой заменена раздачей материальных благ по принципу иерархии.

3. Говорят, что идеология умерла. Но *какая* идеология? Если та, которой учили в институтах и в кружках "по изучению", то подобное откровение немногого стоит. И материалистическая диалектика, и грядущее пришествие коммунизма мало ощущалось в повседневной жизни. Зато очень сильно ощущалось другое. Глубочайшее *отвращение* хозяев государства к производительному труду — этому источнику человеческой независимости, хищную нацеленность на искоренение любых признаков богатства, собственности, образа жизни, отличающегося от предписанного. Государство изрядно постаралось, чтобы *привить* это отвращение обществу, сделать его *нравственной нормой*. Усилия не пропали даром. Тяжелая атмосфера этой будничной, повседневной идеологии и сейчас висит над страной. В воздухе витают призывы к равенству, к борьбе с эксплуатацией и наемным трудом, к социальной справедливости.

Читаем. Предлагается конфисковать "слишком большие" вклады. Провести денежную реформу, изъяв "излишек" денег. Пресечь спекуляцию. Не допустить проникновения на рынок "черных" капиталов. Уничтожить частные теплицы. Приструнить кооперацию. Обеспечить переход к рыночной экономике так, чтобы это не отразилось на равенстве, справедливости, социальных завоеваниях революции.

Демагогия? Конечно. Очень важно, однако, выявить *источники* этой демагогии, ее *социальную* базу. Ведь если база эта узка и поверхностна, то можно надеяться, что переход к нормальной экономике, к естественным трудовым отношениям — при всей его сложности — будет проходить в благоприятной обстановке. В противном случае к *естественным* трудностям (ослабление трудовых стимулов, утрата знаний и навыков) добавятся *искусственные* — сознательное отторжение обществом чуждой ему системы отношений.

Ну, с главным противником перемен, аппаратом, все более или менее ясно. Переход на рыночную экономику грозит не только его власти, но и самому существованию аппарата. Оригинальный совет Валерия Чалидзе — переквалифицироваться из партийных вождей в менеджеры, — звучит, боюсь, отвлеченно. Мало того, что они не способны переквалифицироваться, они этого и не хотят. В их сознании закон "оплаты по должности" гораздо прочнее и действительнее смутного закона Ома.

Мы до сих пор почему-то стесняемся называть их *классом*. Напрасно. И по характеру своего отношения к собственности, и по численности — это именно класс. Достаточно вспомнить, что только сельским хозяйством руководят 2,5 миллиона вождей — это больше, чем общее число фермеров в Соединенных Штатах. Интересы их очевидны. Какой же, простите, дурак сменит пост председателя колхоза (он же — бог, царь и воинский начальник) на рискованную, неверную, требующую постоянного напряжения профессию менеджера?

Итак, они *против*. Еще недавно этого было бы достаточно, чтобы исключить любые перемены. Теперь положение иное. Уже сегодня реальная власть этих людей совсем не так велика. А главное — им нечего *противопоставить* рыночной экономике. Даже консерваторами их можно называть лишь условно. Ведь консерваторы стремятся сохранить пусть устаревшую, но *действующую* систему отношений. Однако той системы, которую они отстаивают, нет — она развалилась. Работать на государство, получая взамен "социальную справедливость", люди больше не желают, заставить их государство не в состоянии. Что же остается? Остается вздыхать, ругать масонов и бессильно грозить кулаками Горбачеву.

Впрочем, один смутный *шанс* у них сохранился — реакция "низов", тех самых низов, которые, казалось бы, сильнее других заинтересованы в переходе к рыночной экономике. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что значительная часть населения уже сейчас не в восторге от этой перспективы. Но и те, кто в принципе признает необходимость перехода, испытывают страх и неуверенность.

Специалисты объясняют это объективными причинами. При избытке денег и недостатке товаров переход к рыночной экономике вызовет крутой рост цен, что поставит десятки миллионов людей в безвыходное положение. Это, видимо, правильно. И все-таки, кроме этой явной причины, есть и неявные, лежащие в сфере *психологии*.

Марксисты (если не сам Маркс, то его последователи) довольно рано поняли, что коммунистическая схема организации жизни не соответствует природе человека. Первая стадия коммунизма, социализм, как раз и была нужна для того, чтобы *изменить* психологию человека, "подогнать" ее под заданную схему. Прежде всего это касалось *потребностей*, — их следовало свести к тому минимуму, который действительно необходим для поддержания жизни. Грубо говоря, это триада: простейшая еда, жилье, одежда.

Советская история и есть, в сущности, история *воспитания* такого человека, человека с *атрофированными* личными потребностями. Всеми возможными способами человека убеждали в том, что иметь потребности, в чем-то превосходящие *минимум*, — стыдно и опасно, что основное его предназначение в жизни — отдавать все "лишнее" коллективу, обществу, государству. Эта *идейная* установка подкреплялась *материальной* нищенской оплатой, исчезновением из обихода сначала "излишеств", а потом и самых обычных товаров, неуклонным сужением ассортимента, ухудшением качества. Не думаю, чтобы все это делалось сознательно. Просто оба процесса — субъективный и объективный — шли в одном направлении.

Решил ли строй эту *стратегическую* задачу? На этот вопрос трудно ответить определенно. Судя по размаху коррупции в правящем (не самом бедном) классе, воспитать *данную* категорию населения явно не удалось. В том же убеждает и

новый массовый вид спорта – погоня за "импортом". Такой охоты за престижными товарами нет ни в одной стране.

Тем не менее общая картина совсем не так очевидна. Если даже допустить, что в этой игре участвуют миллионы людей, то десятки миллионов не имеют к ней никакого отношения. Не только потому, что средства не позволяют, но и потому, что нет у них этих потребностей, атрофировались. Человеку, который никогда не имел своей виллы, яхты или "мерседеса", не носил костюмов от Диора, не ел спаржи или загадочного плода киви, не отдыхал на Багамских островах, – все это в общем-то *без надобности*. А то, к чему он привык и что ему нужно, отнюдь не требует титанических усилий. Сносная зарплата да набор простейших товаров в магазинах – и ладно. Этого человека вполне устраивает продукт под названием "кофе". Откуда ему знать, что кофе тоже бывает разный: бразильский, эфиопский, кенийский, мексиканский... Во всяком случае, ни легко доступный западному потребителю кофе по-турецки, ни даже видеомэгафон – не те предметы, ради которых он согласится "вкалывать".

Людей, которые бы "вкалывали", я на Западе не видал. Но люди *работают*. Работают все: акулы капитализма, специалисты, рабочие. Наблюдая за ними, понимаешь, что работать – совсем не то, что вкалывать. Работа – сложный процесс, в котором, кроме таких очевидных элементов, как знания, навыки, искусство, незримо присутствует что-то *еще*. Условно говоря, *результат труда*. Люди не просто выполняют работу, а непременно делают что-то, что *нужно* другим людям, что имеет потребительскую стоимость. Разумеется, рядового работника эта сторона дела прямо не касается, свои деньги он получит в любом случае. Но *связь* эту он постоянно ощущает. Непроданный товар – финансовые затруднения фирмы – банкротство – потеря работы. Так что если где-то принцип "оплата по труду" и действует, то, конечно, не в социалистической, а в рыночной экономике.

Советский же работник, будем откровенны, этой связи не чувствует. Он знает, что его дело – вкалывать (желательно – мало и плохо), а там хоть трава не расти. Трава и не растет. Однако государство эту траву где-то *находит*: то ли в Америке, то ли в Африке. А потом *распределяет* – естественно, не по труду, а по должности: кому сколько положено. Не секрет, впрочем, что при определенных обстоятельствах можно получить и больше. В прежние времена для этого следовало примазаться (или подмазаться) к власти, в нынешние – по сильнее на нее нажать. Понятно, что к результатам труда ни тот, ни другой способ отношения не имеют. Неужто это и есть справедливость?! Нет, это *социальная* справедливость.

Устойчивость подобного порядка вещей опасно недооценивать. Мало того, что этот порядок *привычен*, для значительной части населения он еще и *выгоден*. Так что в иных обстоятельствах он мог бы просуществовать еще долго, будь у государства возможность его поддерживать за счет, скажем, экспорта нефти и импорта всего остального. Увы, такой возможности больше нет. Не будем, однако, обольщаться: не абсурдность и противоестественность этого порядка привела к его крушению, а всего лишь *ограниченность* природных ресурсов.

Соответственно не следует преувеличивать и степень готовности основной массы людей к переходу на рыночные отношения. Что такое сегодня для большинства этот загадочный рынок? Абстракция, сплошное "пфу". О принятии или непринятии рынка можно будет судить не по письмам в редакцию и не по опросам, а по *способности и желанию* работать и жить по правилам рынка. Правилам разумным, но жестким. Особенно для того, кто к ним не подготовлен, кто привык: если они делают вид, что платят зарплату, то и мы делаем вид, что работаем.

А как же та категория людей, которая знает толк в хороших вещах, – уж они-то, наверное, готовы выложиться, чтобы получить допуск ко всем этим джинсам, лайковым плащам, стерео и видео? Не уверен. Нынешняя советская жизнь устроена

так, что не заработает только уж очень ленивый. В условиях жесткой конкуренции будет несравненно *труднее*, обманом, элементарной спекуляцией, простой оборотистостью тут не обойдешься. Нужны знания, опыт, нужно много и тяжело работать. Конечно, кто-то из нынешних дельцов сумеет (и захочет) приспособиться и станет уже не дельцом, а деловым человеком. Но многие, очень многие, судящие о Западе только по этикеткам, будут горько разочарованы.

Трудности перехода к рынку обычно рисуются как трудности *внешние*: отсталая техника и технология, устаревшее, изношенное оборудование, отсутствие рыночных структур и опыта. Трудности эти в самом деле велики. Но не менее серьезны и трудности *внутренние, психологические*. Ведь ныне предстоит совершить обратную операцию: вернуть человека из призрачного мира идеологии в реальный мир, восстановить всю ту сложнейшую цепь трудовых отношений, которая, собственно, и составляет *живую ткань* свободного рынка.

Процесс этот, несомненно, вызовет сопротивление на разных уровнях. Если господствующий класс будет отстаивать свою власть и свои привилегии, то нижние слои — свое право *не работать*, получая за это какой-то минимум, своего рода *социальное пособие*. Надо признать, что сегодня миллионы людей усматривают в этом социальную справедливость.

Ныне принято все объяснять завистью. Не думаю, что советские граждане "генетически" завистливей американцев или немцев. Просто люди интуитивно ощущают, что естественное расслоение общества "по труду" подорвет основы существующего *порядка*, создаст *угрозу* их психологическому комфорту. Если Иванов, работающий в тех же условиях, что Петров, заработает в пять раз больше (и соответственно будет лучше жить), то всем, включая Петрова, станет ясно, что чего стоит.

Я уже говорил, что возможности правящего класса противостоять переменам, оперируя привычными марксистскими догмами, крайне ограничены. Однако его идеологи могут (и уже начинают) использовать социальную демагогию иного порядка, апеллируя не к "высокому" марксизму, а к той *будничной* идеологии, которая сформировалась за годы реального социализма. Это фактор, которым не следует пренебрегать.

Знаю, что далеко не все разделяют подобные опасения. Например, известный американский (в прошлом советский) экономист Игорь Бирман в превосходном интервью, которое он дал "Известиям", считает, что главное сейчас *перейти* к рыночной экономике. А уж рынок *сам* сформирует ту систему отношений и тот "социальный характер", которые ему соответствуют. В доказательство автор ссылается на эмигрантов: в условиях нормальной рыночной экономики они работают не хуже других.

С некоторыми оговорками это утверждение можно принять. Ясно, однако, что в обоих случаях ситуация *различна*. На Западе человек попадает в уже *сложившуюся* структуру. Грубо говоря, у него нет выбора: он должен либо приспособиться, либо жить на крохи, которые общество бросает неудачникам со своего стола. Не станем ссылаться на то, что среди эмигрантов не так уж мало людей, которых этот жалкий статус устраивает. Важнее другое: в условиях эмиграции такой выбор определяет *личную* судьбу человека — и ничего больше.

В Советском Союзе готовой рыночной структуры нет, ее только предстоит создавать. *В создавать*, ломая и существующую систему, и психологические стереотипы, неизмеримо сложнее, чем приспосабливаться к существующему порядку. И роль человека тут несравненно выше. Если значительная часть населения СССР отвергнет рыночные отношения, то они не утвердятся. И это будет уже не личная драма, а трагедия *страны*.

4. До сих пор разговор шел о воздействии идеологии на отношения в одной сфере, материального производства. Такой подход, наверное, оправдан. Производство составляет основу жизни. Естественно, что отношения в этой — самой важной и массовой — сфере во многом определяют характер отношений во всех других сферах.

Констатацией этого факта проблема, однако, не исчерпывается. Есть области, где влияние сознания, деформированного идеологией, проявляется, может быть, острее и болезненнее, чем даже в производстве материальных благ. Я имею в виду такие области жизни, как образование, воспитание, медицина, культура, правосудие. Иными словами, все то, что определяет *нравственное* здоровье общества, его *мораль*. Самое меньшее, чего добилась система в попытке сформировать новую, социалистическую интеллигенцию, — это равнодушие и цинизм. Полный разрыв связей между трудом и его оплатой, выбивание естественных человеческих качеств и замена их искусственными идеологическими конструкциями, само отношение к интеллигенции как к чему-то ненужному и вредному, привело к появлению популяций *нового типа*. Врачей, для которых больная такая же обуза, как для дворника — мусор. Учителей, спокойно излагающих не физику, историю или литературу, а последние установки партии в данной науке. Писателей, обладающих уникальной способностью видеть не ту жизнь, какая есть, а ту, которой надлежало быть.

Но, пожалуй, самый *страшный* удар был нанесен системе, которую в СССР называют правоохранительной. В советском понимании смысл ее деятельности ограничен локальной целью — борьбой с преступностью. Между тем для Запада эта задача (при всей ее важности) все-таки второстепенна. Неизмеримо важнее другая: утверждение в обществе *правосознания* — тех представлений о законе и законности, о правах и обязанностях человека и государства, о справедливости и нравственности, которые составляют *фундамент* общественной жизни.

В любой развитой стране труд этой категории людей (а судей особенно) высоко оплачивается. Не только затем, чтобы обеспечить им материальную независимость, сделать невосприимчивыми к коррупции. Главный смысл тут — обеспечить приток в эту сферу людей незаурядных, талантливых. Именно от них можно ждать особой совестливости, повышенного нравственного чувства. Такой подход закономерен: в нормальном обществе суд выступает *высшим гарантом* права и справедливости, задает *моральные критерии*, с которыми вынуждены считаться *все*: и рядовые граждане, и чиновники, и государство.

Конечно, в жизни нет идеальных механизмов. Суд — не исключение. У самого честного и добросовестного судьи бывают ошибки и заблуждения. Но сама тенденция, бесспорно, разумна. Общество стремится сделать все, чтобы система правосудия функционировала *наилучшим образом*, чтобы судьи были защищены от воздействия любых влияний.

Социалистическая идеология (это началось не с Ленина или Сталина, а с Маркса) отвела суду четкую роль. Он должен был стать *исполнителем воли* господствующего слоя, проводником его политики подавления. Роль, как легко понять, не слишком возвышенная. А поскольку власть очень скоро убедилась, что в ее распоряжении есть другие, куда более простые и эффективные средства *подавления*, то суду было отведено место на *задворках* системы. Соответственно и сам судья превратился в мелкого чиновника, подчиненного множеству других чиновников и обслуживающего не только интересы "класса", но и частные потребности его представителей.

Штампая миллионными тиражами несправедные приговоры, суд в своем новом качестве продуцировал и нечто большее — общую *антиправовую* атмосферу в стране, воинствующую *безнравственность*. Терялись всякие ориентиры, из памяти человека

и общества вытравлялись исходные, *фундаментальные* представления о моральном и аморальном, плохом и хорошем, о добре и зле.

Если операция переделки человека, подгонки его под систему и удалась, то сильнее всего это ощутимо в сфере нравственности: человек утратил моральные *ориентиры*. Похоже, сами ваятели, десятками лет формировавшие именно этого человека, теперь испугались. Дело не в росте преступности, преступление все-таки *отклонение* от нормы. Настоящий ужас внушает *норма*: обыденная жестокость сознания, будничное воровство, всеобщая озлобленность, тупая зависть...

Нас уверяют, что все это связано с утратой *догмата*, той великой цели, которая раньше объединяла миллионы людей. Но неужто этими качествами обладала идеология, которая семьдесят лет каждый день опровергала себя в большом и малом, доказывая свою искусственность лживость, оторванность от реальных земных проблем? Идеология, оставившая после себя не вспаханное (пусть плохо вспаханное) поле, а *пустыню*? Но такова *реальность*. И любая перестройка вынуждена с ней считаться.

Конечно, заманчиво начать перестройку с верхних этажей, с идеологии. Подобные попытки уже делаются: возврат к идее правового государства, возврат к религии. Говорить о правовом государстве сейчас, по-моему, *несерьезно*. Для этого нет ни основы, ни хотя бы критериев. Фиктивная конституция, бездействующие законы, отсутствие правового сознания, следствие, прокуратура и суд, десятки лет служившие не закону, а беззаконию. Что можно построить на подобном фундаменте?

Возможность религии выше хотя бы потому, что власти всегда рассматривали ее как противника. Не то чтобы церковь в эти годы себя не скомпрометировала, но она скомпрометирована *меньше других*. Отсюда естественная тяга людей к единственному, может быть, ценностям, которые власти не сумели выхолостить, лишить содержания. Сам по себе возврат к религии не может не радовать. Вопрос лишь в том, способна ли религия *заполнить* идеологический вакуум. Мне кажется, нет — по крайней мере, сегодня. И дело не в том, что на дворе XX век, и даже не в том, что веру из нас выкорчевывали бульдозерами. Главное — что в стране отсутствует *питательная среда* любой идеологии — *гражданское общество*, связанное системой нормальных трудовых отношений. Вне этого любая идеология окажется искусственной, выращенной на песке.

Поразительно, как быстро взрослеет наше, казалось бы, окончательно раздавленное общество. Еще совсем недавно простое упоминание о частной собственности вызывало всеобщий взрыв негодования. Теперь о частной собственности пишут спокойно. Звучат уже голоса, видящие в частной собственности источник государственности, основу права и нравственности.

Я думаю, что закономерность тут очевидна. Если частная собственность и не служит полной гарантией свободы, демократии, правового государства, то обратная зависимость бесспорна. Ни одно государство, уничтожившее частную собственность во имя общественной, не стало (и, похоже, не станет) ни свободным, ни демократическим, ни правовым.

В этом смысле началом подлинной перестройки, той самой революции, о которой мы слышим уже шестой год, может стать лишь утверждение в стране частной собственности, переход к рыночной экономике. Но из того, что других разумных выходов нет, не следует, что этот переход может быть простым и легким. Напротив, как раз на этом пути страну ожидают такие трудности — экономические, социальные, психологические, — что не исключен *любой* поворот событий. В этом числе и попытка найти *неразумный* выход.

Марксизм как государственная религия, как догмат умер. Но умер, посеяв *семена* марксизма будничного, повседневного: искореженное мифами сознание, глухая враждебность к людям и миру, неверие, что назначение человека, истинная идеология в том, чтобы спокойно, мирно и счастливо жить на земле. ●

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ

Замечания на программу Шаталина—Явлинского

Из всех официальных экономических программ, предложенных в период перестройки, концепция С.Шаталина—Г.Явлинского — первая действительно рыночная и достаточно реалистичная. Есть в ней, однако, уязвимые пункты и, кроме того, просматриваются препятствия, которые могут осложнить ее реализацию, если их загодя не учесть. Начну с главного.

Республиканская валюта

При исполнении программы "предполагается... согласованность действий союзных республик" ("Переход к рынку", часть I, август 1990, М., "Архангельское", с.43а. В дальнейшем в ссылках указывается только страница). И еще резче: "Пакет необходимых законов и нормативных актов... вводится в действие одновременно на всей территории СССР" (с.237). Но готовность республик к реформам различна, и подобно тому, как скорость флота меряют по самому тихоходному кораблю, так и в нашем случае придется ориентироваться на условия, наименее благоприятные. Да и вообще по нынешним временам законы и нормативные акты, изданные центром, не воспринимаются республиками. Такова реальность, а потому на союзном уровне программа может иметь лишь рекомендательный характер. Реформу экономики можно провести только на уровне союзных республик — самостоятельных государств, что не препятствует формированию будущего экономического союза. Напротив, национальные рыночные экономики будут стремиться к новой общности.

Если республика совершает переход к рынку самостоятельно, сразу же выдвигается одно обязательное, хотя и чрезвычайно неприятное условие: нужна своя, республиканская валюта, собственные деньги. В рыночной модели деньги играют неизмеримо большую роль, нежели в плановой, и "рубль, как единственное законное платежное средство на территории СССР" (с.42), не способен обслуживать перестройку хозяйства, если она идет не строго синхронно по всему Союзу.

Это обнаружится уже на самом первом этапе исполнения программы. Действительно, все начинается со стабилизации денежного обращения, а между тем республики будут стремиться к эскалации расходов у себя, поскольку такие расходы измеряются в единых рублях и ответственность за общую их массу несет Союз в целом. Мы наблюдали это, когда союзные парламентарии дружно голосовали за увеличение пенсий, пособий и прочих социальных расходов, но столь же единодушно — против высоких налогов на прибыль и на личные доходы. Программа требует радикального сокращения безмерно раздутых инвестиций — республики увеличат число строек, финансируемых в единых рублях. Будет расти государственный долг. Немыслимо уменьшить эмиссию денег, когда все республики станут требовать обратного, каждая для себя. Опыт показал уже, что некоторые республики самостоятельно устанавливают цены на потребительские товары, и если соседи не защитят свой рынок национальной валютой, тогда придется ставить вдоль границ солдат с ружьями, чтобы помешать утечке товаров. И вообще едва обозначится хозяйственный успех в какой-либо республике, как "чужие" рубли обрушатся на эту республику — все растащат. Сложится обстановка взаимной подозрительности и неприязни. Программа верно определяет: "...основным субъектом государственного регулирования является союзная республика". Но ведь главный инструмент такого регулирования — это и есть деньги, и такой инструмент должен быть в руках республики. Можно привести еще десятки доводов в пользу национальных валют.

Предлагаю вариант решения задачи для России. Безналичные деньги в банках России автоматически становятся новыми рублями. Вклады в сбербанках РСФСР засчитываются в новых деньгах. Обмен наличных производится через сбербанки — по предъявлению российской прописки сбербанк принимает, допустим, в течение двух недель любое количество денег от населения и выдает уже в новых дензнаках. В период обмена ходят на равных старые и новые деньги. Другие республики, если пожелают, могут сохранить у себя теперешнюю денежную единицу — она обеспечена их достоянием.

Словом, технически задачу решить несложно. Отлично сознаю, однако, что принять решение будет трудно по соображениям политического свойства: получается, что Россия —

инициатор развала Союза. Но события неостановимо идут в эту сторону, и так ли уж важно, какая республика первой догадается ввести свои деньги? А главное, диалектика экономических процессов такова, что консолидация пойдет успешнее именно при национальных валютах. В рамках России собственные деньги станут тем средством, которое способно еще спаять ее хозяйство, упредить распад на регионы. В масштабах нынешнего Союза республиканские деньги не только не препятствуют хозяйственным связям, но, напротив того, будут способствовать замене немощных планово-директивных связей и набирающих силу натуральных обменов нормальной торговлей. Финансовый рынок определит соотношение национальных валют между собой. Чем успешнее развивается хозяйство республики, тем выше курс ее валюты, что само по себе является стимулом для рыночных реформ во всех теперешних союзных республиках.

В ходе реализации программы Шаталина–Явлинского Россия непременно столкнется с проблемой собственных денег. Важно осознать это, как говорится, на берегу. Решение все равно придется принимать, иначе реформы просто не пойдут, и лучше сделать это сейчас. Да, я предлагаю тяжелый вариант, но другого тут нет.

Либерализация цен

Программа заявляет: "Если государство не может обеспечить нужное количество товаров по установленной им цене, оно обязано доверить определение цен самому продавцу и покупателю" (с.101). Отлично, лучше не скажешь! Авторы совершенно справедливо критикуют программу Абалкина–Рыжкова именно за намерение административно повышать цены – в этом случае проклятушие дефициты товаров будут воспроизводиться, но на более высоком уровне цен. Без свободных цен рынок работать не умеет.

Между тем, и в программе Шаталина–Явлинского директивное назначение цен сохраняется на длительный период. Документ предполагает такую последовательность: сперва финансовое оздоровление, затем, по мере оздоровления, либерализация цен. Так не получится. Сколь это ни сложно, процесс надо вести одновременно. Более того, поскольку свободные цены – важнейший способ оздоровления экономики, либерализация ценообразования должна опережать все другие мероприятия.

Иначе успеха не будет. Рассмотрим сначала ситуацию с оптовыми ценами. Согласно программе, на весь 1991 г. государством назначаются цены на топливо, черные и цветные металлы, электроэнергию, сельхозсырье, а также транспортные тарифы (см. с.42, 51, 58, 104), тогда как цены на продукцию обрабатывающих отраслей отпускаются на свободу. Последствия нетрудно предвидеть. В обрабатывающей промышленности рост цен будет непрерывным, а в сырьевых – ступеньками, с пересмотром в лучшем случае раз в год (чаще не получится). Расходы на сырье, энергоносители, металл станут занимать все меньшую долю в стоимости конечной продукции. Нет смысла экономить ресурсы. А ведь уже сейчас мы расходует на единицу валового национального продукта примерно в семь раз больше топлива, чем США (достоверные расчеты у меня есть). При искусственной дешевизне сырья дефицит его сохранится, для восполнения его нужны будут новые потоки инвестиций в базовые и сырьевые отрасли, что блокирует структурную перестройку в пользу отраслей, напрямую работающих на человека. Мы будем воспроизводить колониально-сырьевую структуру экономики.

Если техника и прочие ресурсы, используемые для производства сырья, непрерывно дорожают, а само сырье в одной цене, то его производители окажутся в крайне невыгодном положении: рентабельность у них будет падать и вскоре сменится убытками. Шахтеры, нефтяники, газовики, металлурги справедливо потребуют более высокой оплаты труда, поскольку оплата мало зависит от их усилий. Иначе говоря, мы заранее провоцируем забастовки в отраслях, где ситуация и без того накалена. По логике вещей начнется перераспределение доходов одних отраслей в пользу других посредством дотаций, стабилизационных фондов и т.п., что, кстати, и предусматривает программа (см., например, с.105б).

Оптовые цены на сырье надо отпускать на волю одновременно с ценами на продукцию обрабатывающей промышленности. Авторы программы опасаются в этом случае тотального роста оптовых, а затем и розничных цен. Однако из расчета, приведенного на стр.281, видно: даже при намеченном директивном удвоении цен на топливо и сырье общий – разовый – рост оптовых цен составит лишь 25-30%, что вполне терпимо. В условиях либерализации рост цен окажется, конечно, более значительным, но надо ясно сознавать: наши оптовые цены, как правило, гораздо ниже мировых, и при вступлении в мирохозяйственные связи динамика цен все равно направлена на их повышение.

Для России это прямое благо. Сегодня внутренняя цена сибирской нефти – 23 рубля за тонну, а мировая – около 150 долларов. Продавая за бесценок свой важнейший природный

ресурс внутри страны, Россия тем самым субсидирует другие республики, затыкает дыры в хозяйстве Союза. Этому надо положить предел. Предлагаю такой механизм. Цены на энергоносители определяются по замыкающему топливу — углю — и по худшим условиям его добычи. Шахта в наилучших горно-геологических и иных природных условиях должна работать с нормальной рентабельностью, если рынок признает необходимость ее продукции. "Сверхприбыль", образуемая вследствие сравнительно лучших условий добычи энергоресурсов, в основном изымается в виде ренты собственником природных ресурсов и входит в цену топлива. Поскольку наши недра состоят в собственности РСФСР и ее регионов, рентные платежи поступают в их и только в их распоряжение. Доход от ренты делится между республикой и регионом по договоренности — в такой пропорции, чтобы населению региона было выгодно отдавать природные ресурсы в разработку.

В программе предусмотрен специальный налог на использование невозобновляемых природных ресурсов. Но это отличная идея подавлена запроектированным механизмом установления директивных цен на сырье. Не ясна величина налога — он должен быть близким к полному объему ренты. И наконец, не следовало бы ограничиваться только невозобновляемыми природными ресурсами. А древесина? Ведь пока что попенная плата у нас чисто символическая, и леса России буквально истребляются.

Учет ренты в ценах на продукцию — решающее условие успеха экономической перестройки России. Более чем вероятные ошибки при проведении в жизнь программы Шаталина—Явлинского можно исправить, используя этот колоссальный резерв. За свои нефть, газ, золото, алмазы, древесину мы можем получить любые нужные нам товары в других республиках и за рубежом, уплачивая за них истинную цену. Здесь, кстати, и условие укрепления экономического союза самостоятельных республик.

Обратимся теперь к ситуации с розничными ценами. Программа предлагает до конца 1991 г. заморозить цены на 100–150 товаров и услуг и даже в 1992 г. контролировать цены на хлеб, мясо, молоко, сахар, растительное масло, медикаменты, а также транспортные и коммунальные тарифы (с.102). Но это не все. В случае чрезмерного (как это определить?) роста цен, выведенных из-под контроля, не только республики, но и местные власти получают право "временно" замораживать цены (см. с.46 и 102). Можно с уверенностью сказать, что это право будет использовано расширительно и на полную катушку. Так к рынку мы не перейдем никогда. И, боюсь, при фиксированных ценах с ситуацией не сладит даже такое популярное правительство, какое мы имеем сегодня в России. Вспомним сигаретные бунты — на волоске висела власть в регионах и республиках, не говоря уже о союзном правительстве. Напротив, двух–трех кратный рост цен на табак даже без какой-либо компенсации относительно стабилизировал обстановку, приглушил страсти.

Подавленная инфляция все равно переросла уже в открытую. Через госторговлю по официальным ценам продается все меньшая доля товаров (с.101), а основная их масса реализуется по ценам черного рынка. В этих условиях было бы безумием растягивать а годы реализацию розничных цен. При анализе программы отчетливо видно, к каким отступлениям в проведении реформ ведет такая затяжка. На стр. 39 объявлено: "...с 1 января 1991 года прекращается выплата всех дотаций и субсидий предприятиям, кроме ограниченного круга включенных в согласованный перечень". Но если розничные цены ниже оптовых и закупочных, то при снятии дотаций немедленно останавливается множество предприятий, в том числе выпускающих потребительские товары либо сырье для них. В итоге рынок еще беднеет. Поэтому, вопреки своему благовому намерению, авторы программы возвращают товаропроизводителям дотации в виде стабилизационных фондов, формируемых за счет бюджета. Средства фонда используются в виде "прямых дотаций, субсидирования льготных ссуд, гарантий по кредитам" (с.64). Кроме того, создается дотационный фонд для компенсации товаропроизводителям разницы между оптовыми и твердыми розничными ценами, причем для наполнения этого фонда помимо бюджетных средств и налога с оборота вводится еще один спецналог с оборота отчисления в бюджеты от товаров, реализуемых по свободным ценам (с.105а — 105б).

Ясно, однако, что дотироваться будут почти исключительно продовольственные товары, как это было заведено во всех странах реального социализма (человек рассматривается лишь в качестве работника, и если штаны дороги, то не беда, а вот если пицца дорога, работы с человека уже не спросишь). Меры, предусмотренные программой, еще более искажают сложившиеся, ненормальные ценовые пропорции между продовольственными и промышленными потребительскими товарами. Это прекрасно прослеживается по прогнозируемому расчету динамики групповых цен, помещенному на стр. 280: по всем трем вариантам цены на непродовольственные товары (кроме изделий легкой промышленности) растут быстрее, нежели на продовольствие, государство продолжает от щедрот своих кормить людей с рук. В течение всего 1991 г. динамика снижения дотаций нисколько не нарастает и за год

снижение составит лишь 32 млрд. руб., то есть примерно треть от нынешнего уровня дотаций (см. таб. 5 на стр. 275)

В программе предусмотрен союзный фонд сельхозпродукции, куда попадает дотируемая продукция (с.202). Кроме того, за счет Союза закупается продовольствие за рубежом для распределения между бедными регионами (с.201, 202). Деlež союзного фонда и импортных ресурсов непременно будет проходить в обстановке распрей и скандалов, а скорее всего делить будет нечего – никто не пожелает наполнить эти фонды.

На стр. 106 описан "основной метод государственного регулирования цен": производители обязаны обосновать рост цен в "компетентных государственных или местных органах", которые и принимают окончательное решение. Этот механизм действует многие десятилетия и доказал свою полную неэффективность – обосновать можно любую цену. Разнобой в ценах на один и тот же товар в разных республиках предлагается упреждать так: "координировать действия в этой сфере компетентных органов соседних республик и регионов, не допуская чрезмерных разрывов в ценах у них" (с.106). В жизнь не скоординировать! Страна будет занята исключительно координацией и утверждением цен в компетентных органах, спекуляцией и борьбой с ней – производить товары станет некому.

Даже при либерализации розничных цен сохраняются низкие цены на долю товаров, входящих в прожиточный минимум (с.203). В итоге появляются двойные цены, что дезорганизует торговлю, породит злоупотребления, потребует массы чиновников, распределяющих продовольствие. Проще компенсировать потери покупателей деньгами.

И наконец, без либерализации цен немислима намеченная программой первоочередная приватизация торговли, замедлится создание торгово-закупочных кооперативов, формирование одноличных и кооперативных сельских хозяйств.

Вывод: как оптовые, так и розничные цены надо решительно и быстро отпускать на свободу. Возможную гиперинфляцию и связанное с нею сокращение объемов производства потребительских товаров следует подавлять оздоровлением бюджета и разумной мерой социальных программ (об этом ниже).

Директивные хозяйственные связи

Слабым пунктом программы я считаю идею сохранения действующих и установления новых хозяйственных связей в директивном порядке. На стр. 41 прокламируется замораживание нынешних связей до 1 июля 1991 г., на стр. 45 объявлено о директивном размещении госзаказов и распределении продукции на III и IV кварталы 1991 г., а на стр. 56 этот порядок пролонгируется и на 1992 г. По-человечески понятны опасения авторов: при резком переходе к оптовой торговле не исключен хозяйственный хаос с остановкой тысяч предприятий.

Однако пора осознать реальность: плановые поставки все равно уже не исполняются и впредь будут исполняться еще хуже. В тех случаях, когда такие поставки все-таки идут, мы имеем дело лишь с видимостью плановой дисциплины: партнеры договариваются о натуральных обменах и только при взаимном согласии отчитываются наверх об исполнении поставок, оформляют прохождение товаров денежными расчетами. Строго говоря, директивные хозяйственные связи у нас всегда были натуральными – центр делил ресурсы в потребительных стоимостях, денежные потоки играли второстепенную роль. С распадом управления натуробмен лишь "демократизирован" – товаропроизводители и регионы договариваются об обменах, минуя центр. Поэтому в нынешней критике натурализации связей отчетливо чувствуется ностальгия по деlež той же природы центром, тоска по тотальному плану.

Сейчас союзное правительство высказывает чрезвычайную озабоченность тем, что медленно идет договорная кампания на 1991 г., и стремится приказами ускорить дело – иначе, мол, как будет работать страна, начиная с января? Но хозяйственная жизнь не начинается с 1 января, она непрерывна, а, значит, непрерывен и процесс установления хозяйственных связей. Если мы уходим от плановой системы, то вовсе незачем завершать договорную кампанию к какой-то определенной дате. Для большинства предприятий достаточно иметь заказы и договоры о поставках на полгода, а то и того меньше. Истинным препятствием к налаживанию связей является не самовольство и беспечность товаропроизводителей, а, наоборот, остатки послушания верхам: предприятия опасаются принимать заказы, так как не знают, какая часть мощностей будет загружена обязательными государственными заказами. В этом смысле госзаказ скорее дезорганизует, чем стабилизирует экономику.

Именно так и надо рассматривать содержащиеся в программе перехода к рынку предложения о сохранении госзаказов еще на два с лишним года и о замораживании нынешних плановых связей. Госзаказ всегда имеет тенденцию к экспансии. Он уже исходно

громаден: на союзном уровне в госзаказ согласно программе, попадает оборонная продукция, продукция для непромышленной сферы, для спецпотребителей, экспортные поставки по межправительственным соглашениям, межреспубликанские поставки топлива, сырья, материалов, потребительских товаров (с.50), а на республиканском уровне объем госзаказов вообще не ограничен. И если на с. 55 и 57 предусмотрено обеспечение производства госзаказной продукции материальными ресурсами, то логика вещей заставит плановиков включать в госзаказ и эти ресурсы, а затем — ресурсы для производства ресурсов.

Правда, авторы программы утверждают, что выгодность госзаказа обеспечивается договорной, а не директивной ценой (с.57), однако далее выясняется: "...органы государственной контрактной системы обладают полномочиями утверждения цен, в том числе и в случае, когда согласованного решения достигнуть не удастся" (с.104), и даже могут прекращать действие заключенных между предприятиями договоров, чтобы высвободить мощности для госзаказов (с.60). Полный производ, не уступающий достопамятному диктату в недавние времена!

Но жизнь переменялась, диктат не срабатывает. Как тогда предполагается сохранить дисциплину? Очень просто: "Обязать государственные предприятия до конца 1990 г. обеспечить поддержание объема поставок на уровне, не ниже предусмотренного заключенными договорами" (с.56); участники переговоров по заключению договоров на исполнение госзаказов и установлению цен на них "должны проявить социальную ответственность и понимание того, насколько разрушительными могут быть последствия их чрезмерных требований" (с.105). Трудно принять такие заключения всерьез.

Ради явно безнадежного дела далее предлагается создать громоздкую бюрократическую структуру. Как известно, органы, занятые планированием и дележом ресурсов, приспособлены к действиям в масштабах Союза и не пригодны для республик. Поэтому программа предлагает создать вместо них Государственную контрактную систему с территориальными органами, в которых будут товарные отделы, ведающие размещением госзаказов и распределением продукции (с.59). Сверх того, создаются подразделения, координирующие обеспечение госзаказов ресурсами (с.59). Все эти структуры будут излишни при переходе к нормальной оптовой торговле, то есть максимум через два года, как прокламирует сама программа. Да их не удастся даже сформировать к моменту ликвидации.

У меня такое ощущение, будто весь раздел о директивных связях и госзаказе писала чья-то чужая рука. Раздел словно ненароком, случайно попал в рассматриваемую программу, текст явно "не из той оперы".

Вывод: программа должна предусматривать быстрый переход к нормальной оптовой торговле; экономике противопоставлено сохранение командно-административной системы. Опять-таки сознаю, сколь нелегко принять такие решения. Элементы хозяйственного хаоса при резком переходе неизбежны, и противники рынка обязательно обвинят в том реформаторов, принявших решения. Но сохранение планово-распределительной модели гарантирует наступление полного экономического хаоса.

Социальная защита

Раздел о социальной защищенности написан очень социалистической рукой. Через 500 дней всем гражданам обещан законодательно утвержденный прожиточный минимум (с.110 — 111) и соответствующие минимальные доходы. Размер дохода на душу населения должен в всяком случае превысить 105 руб. в ценах 1988 г. (с.112). Этот гарантированный доход обеспечит не только удовлетворение физиологических потребностей, но и возможность иметь жилище, пользоваться услугами медицины и образования, содержать нетрудоспособного. Прокламированы права на труд, на жилище и т.д. (с.110). Все это смахивает на обязательство Н.Хрущева построить коммунизм к 1980 г. Убежден, что за 500 дней таких благ достичь не удастся, и ответ придется держать тем, кто наобещал их. Подобную декларацию для ясности лучше бы исключить из программы — надо, наконец, научиться говорить людям правду. А правда заключается в том, что столь высокий гарантированный прожиточный минимум не только недостижим в названный срок, но и не нужен, вреден — не будет смысла работать при существующих довольно неразвитых потребностях населения, мы превратимся в общество социальных иждивенцев.

Чрезмерной представляется объявленная индексация доходов. Вообще говоря, индексация — один из самых неудачных, нежелательных способов социальной защиты, но без нее нам пока не обойтись. Придется индексировать пенсии, стипендии, пособия. Но вот на стр. 116 предлагается ввести индексацию заработной платы в государственном секторе. Это явный перебор. Вполне достаточно пересматривать по мере роста цен зарплату только государственных служащих (учителей, врачей, офицеров и т.д.). Занятые в производственной сфере пусть защищают себя сами, своим трудом. Чисто популистским я считаю

предложение о выплате пособий по безработице в течение 18 месяцев (с.121) — даже в такой богатой стране, как США, пособие платят 6 месяцев и за этот срок все желающие работать устраиваются. Нереалистичны и размеры пособий: 70% среднемесячной зарплаты в первые три месяца, 60% — в следующие три месяца и 50% — в течение года (с.132). При перешершней средней зарплате минимальное пособие составило бы 130 руб. в месяц. Таких возможностей у страны нет, если не считать печатный станок.

Вся система социальных гарантий чрезвычайно усложнена: здесь и минимальные тарифы, и индексация доходов, и гарантированные низкие цены на потребительский минимум. Последнее при всех условиях излишне. Местные советы наделены правом ограничивать плату за аренду частного жилья (с.218). Зачем? Будут тайные переплаты, только и всего.

В конечном счете взносы товаропроизводителей на социальное страхование (170 млрд. руб.) вдвое превышают бюджетные доходы за счет налогов с прибыли (с.282). Товаропроизводителю безразлично, отчислять ли деньги на соцстрах или платить налог. При таких громадных поборах мы наверняка погубим предпринимательскую активность и одновременно стимулируем гонку оптовых цен. Запроецированные на 1991 г. расходы бюджета на социально-культурные мероприятия (244 млрд. руб.) и пособия по безработице (25 млрд.) скорее всего будут непосильными и на практике приведут к взвинчиванию розничных цен. Кто же тогда выгадает от раздутых социальных программ? Разве что популисты, формально исполнившие свои обещания.

Банковская реформа

Двухуровневая модель (резервная система — коммерческие банки) сама по себе возражений не вызывает. Однако если реформ экономики пойдет через союзные республики, если они введут собственную валюту, единая резервная система Союза будет нежизненной. Тогда достаточно иметь на уровне Союза банк для финансирования общих программ, переданных республиками в ведение Союза, а функции резервной системы и эмиссии переместятся в центральные банки республики.

Ключевой момент кредитной реформы — коммерциализация банков. К сожалению, программа вводит слишком много отступлений от этой замечательной идеи. Предусматриваются, правда, в исключительных случаях, кредиты на срок до 12 месяцев из резервной системы союзному и республиканскому бюджету (с.98). Так не годится, исключение станет правилом. Если в бюджете прореха, пусть соответствующее Министерство финансов берет ссуды в коммерческих банках как обычный клиент и с договорной платой за кредит — иначе резервная система быстро превратится в собес. На стр. 189 сказано: "Регулировать распределение инвестиций можно с помощью кредитных ставок". Нельзя! Вся идея коммерческого кредита держится на том, что банки продают и покупают деньги, самостоятельно устанавливая как выплату по вкладам, так и кредитные ставки. Государственное регулирование ставок может осуществляться только через плату за кредиты коммерческим банкам из резервной системы, и никак иначе. Если республика желает предоставить льготы по кредитам кому бы то ни было, пусть она возьмет на себя полностью или частично оплату процентов за кредит коммерческим банкам. Последние не должны отвечать по обязательствам государства, их задача — делать деньги, и только. Между тем, авторы программы то и дело предусматривают льготные кредиты под низкий процент: на приобретение жилья (с.219), на поддержку крестьянских хозяйств (с.212), для наращивания выпуска потребительских товаров (с.43) и т.д. В программе объявлено о повышении процентных ставок по вкладам населения в сбербанке (с.43). В дальнейшем объявлено, однако: "сбербанки всех уровней... развиваются как нормальные коммерческие банки" (с.87). Коль так, государство не в праве диктовать ставки по вкладам — их должен устанавливать сам сбербанк в зависимости от конъюнктуры на рынке денег. Кстати, и для вкладчиков такой порядок надежнее: при быстрой инфляции договорная плата за вклады будет обязательно выше, чем гарантированная государством, сбережения населения будут защищены надежнее.

Предполагается сохранить "один государственный банк, который при поддержке бюджета предоставлял бы льготные кредиты для стимулирования хозяйственной деятельности в интересах государства" (с.39—40). Смысл этого отступления от двухуровневой банковской системы неясен — как уже сказано, льготы по ссудам должны выражаться в полной или частичной оплате государством процентной ставки обычным коммерческим банкам.

Согласно программе, резервная система аккумулирует 5—10% депозитов коммерческих банков (с.90). Как рассчитана эта величина, не объяснено, однако, судя по опыту других стран, резерв представляется маловатым. В Польше, например, коммерческие банки обязаны бесплатно иммобилизовать в резерв 15% своих депозитов.

Оздоровление бюджета

Либерализация цен как непереносимое условие перехода к рынку, при определенном раскладе может привести к гиперинфляции, при которой деньги окажутся неспособными регулировать экономические процессы в стране. Тогда нам грозит спад производства в жизненно важных отраслях, включая даже потребительский сектор. Гиперинфляция могут вызвать два решающих фактора. Первый — непомерный рост денежных доходов населения и социальных программ, о чем я уже говорил. Второй и еще более важный стимул гиперинфляции — растущая несбалансированность между доходной и расходной статьями бюджета. Здесь программа предусматривает крутые меры. Но достаточно ли они круты?

Уже в IV квартале на 10–20% сокращается финансирование Министерства обороны и КГБ (с.38). Но из расшифровки на стр. 267 мы узнаем, что сокращение этих расходов достигается за счет одного — уменьшения закупок военной техники на 50–70%. Выходит, численный состав армии не меняется. Что это будет за армия — больше четырех миллионов лбов без оружия? Экономика, да и политические соображения императивно требуют сокращения армии до миллиона человек максимум, формирования профессионального войска, в первую очередь в ракетных частях. Здесь таится главный резерв сокращения бюджетных расходов, а, значит, и оздоровления экономики. Коль скоро реформы пойдут через республики, наилучшим был бы следующий вариант: Верховный Совет РСФСР определяет абсолютную сумму вклада России в оборону страны (порядка 20–25 млрд. руб.), другие республики вносят по договоренности соответствующий вклад. Общая сумма и составила бы военные расходы — укладывайтесь в нее, других денег не будет. При одноканальной системе налогов такой вариант — единственно возможный. Между тем, в соответствии с программой в 1991 г. военные расходы сокращаются только на 14 млрд. руб. (с.275) и составляет 80-90 млрд. (с.282), что выше официально объявленных расходов 1990 г. (71 млрд.). Так бюджет нам не оздоровит. Что же касается расходов на содержание КГБ, то это ведомство должно быть вообще упразднено — вместо него предстоит создать другую службу с ограниченными функциями, а, стало быть, и более дешевую.

В 1991 г. на 75% сокращается помощь иностранным государствам (с.38). На мой взгляд, ее надо снять целиком, а главное — прекратить, наконец, скрытое субсидирование (через переплаты за импорт из "дружественных" стран, через экспорт наших товаров по ценам ниже мировых, через поставки в долг без отдачи и т.п.). Расчеты показывают: высвобожденных средств было бы достаточно для серьезной стабилизации нашего потребительского рынка. Положение в экономике настолько отчаянное, что в пору давать радиопрограммы судам, которые везут наши товары на Кубу и в подобные ей страны: возвращайтесь домой.

Программа предлагает в 1991 г. законсервировать не менее 60% строек производственного назначения (с.185). Решение верное и смелое, но одновременно предусматривается в будущем финансировать через союзный бюджет 15% инвестиционных расходов (с.185) и еще 15–35% из республиканских бюджетов (с.186). В сумме бюджетные финансирование составят до 50% инвестиций, что фактически выше нынешнего уровня. Где же тут оздоровление бюджета? Где переход к финансированию за счет собственных средств и коммерческого кредита?

Как видим, расходные статьи раздуты. Глянем теперь на доходные. Для России мощным источником поступлений в бюджет должны стать рентные платежи, о чем шла речь выше. Они учтены в малой степени — в виде налога на невозобновляемые природные ресурсы.

Было бы справедливо национализировать и распродать имущество КПСС — оно нажито незаконно и должно быть возвращено народу. Не поддается разумному объяснению тот факт, что КПСС фактически монополизировала весьма прибыльное издательское дело и на доходы от него скупает теперь различную собственность, приносящую новые доходы, организует собственные коммерческие банки, делает крупные вклады в другие банки. Немалую часть доходов КПСС использует на паразитическое потребление функционеров, воздвигая шикарные дома, повышая зарплату аппаратчикам и т.д.

Эти источники доходов не учтены в программе. С другой стороны, предусмотрены нереальные или, по крайней мере, сомнительные статьи поступлений в бюджет. Так, намечено выпускать союзные облигации (с.98). Но чего они будут стоить, кто их купит, когда Союз распадается? Излишне оптимистичны надежды на поступления в бюджет от продажи жилья, акций, мелких предприятий, незавершенных строек. Существует, однако, не рассмотренный в программе, но весьма надежный способ связывания лишних денег населения — свободная продажа и покупка долларов по твердому курсу. Механизм тут таков. Устанавливается завышенный, можно даже сказать грабительский курс доллара относительно рубля — например, 10 руб. за доллар. При теперешней среднемесячной зарплате в

чистоте 210 руб., валютный эквивалент составит всего 21 доллар. Цифра смехотворная. Даже при пятикратном росте номинальной зарплаты в условиях инфляции месячный валютный эквивалент поднимется едва до 105 долларов, что будет все равно еще меньше реальной покупательной способности зарплаты, потраченной в рублях. Но в условиях инфляции население воспримет стабильный курс как гарантию сбережения (доллар – всегда доллар). Во внутреннем обращении ходят только рубли, никакой долларизации денежного обращения не допускается. При плате за вклады в сбербанках 15-25% годовых (а это скорее всего будет минимальная плата при инфляции) выгодно держать в сбережения в рублях – прирост вкладов в любой момент можно обменять на доллары, но уже на большее их количество. Успех будет зависеть от стабильности курса – скажем, 10 руб. за доллар и сегодня, и через год. Для гарантии обменов понадобится стабилизационный фонд – для России порядка 4–5 млрд. долларов. В Польше, где аналогичная акция проведена, стабилизационный фонд составлял 1 млрд. долларов, причем из него не истрчено ни цента – предложения злотых и долларов уравнивались. Доверие к правительству России пока достаточно высоко, и в случае введения российских денег успех такой внутренней конвертируемости рубля был бы практически гарантирован.

При использовании всех указанных резервов, считаю, что удалось бы свести бюджет 1991 г. без дефицита или с минимальным дефицитом, как это предусмотрено программой (с.282–283).

И в заключение опять говорю: программа Шаталина–Явлинского правильная, реалистичная, тянуть с началом ее реализации нельзя, а ошибки и шероховатости можно исправить по ходу дела.

●

Томас ВЕНЦЛОВА (Нью-Хейвен, США)

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Думаю, не ошибусь – надеждой жили мы все: и в Литве, и в эмиграции; праведники и грешники; правые и левые. Одни отдавали надежде все душевные силы и помыслы, другие подсознательно жили в ожидании этого момента, не осмеливаясь даже себе сознаться, что надеются и верят. Но тех, кто рассчитывал своими глазами увидеть независимую Литву, пожалуй, можно пересчитать на пальцах одной руки.

Я не принадлежу к тем, кто считает, что идти вместе с Литвой может лишь тот, кто живет там. Эмиграция всегда была нужна нации – как в эру выходящей в Восточной Пруссии «Аушры» и издававшегося в США «Единства литовцев», так и в годы последних оккупаций. Правда, эмигранту не очень-то пристало давать разъяснения и советы соотечественникам, когда на родине совершается революция, – хотя бы потому, что он лишен повседневной связи с ними, а революции меряются на дни, а то и на часы. То, что произошло, из нашего далека выглядит немислимым чудом. Но, если не ошибаюсь, это точно такое же немислимое чудо и для людей в Литве – тех, кто непосредственно участвует в событиях, тех, кто сегодня движет вперед ее историю. Поэтому разговор между нами отнюдь не является невозможным. Скорее он даже необходим.

Литва неотделима от нас: это то, что не дает застыть душе, спасает от отчаяния, наполняет смыслом наше существование. Литва – это поле притяжения, воздействии которого мы ощущаем, где бы ни находились: в лагерях в устье Лены или на площадях Парижа, в Воркуте или Чикаго. Принадлежность к этому полю притяжения и определяет литовца. Тут второстепенны происхождение и кровные узы, католическое вероисповедание или отсутствие его, даже знание или незнание языка.

Всего несколько лет назад жизнь в оккупированной Литве казалась глубоко бессмысленной и унижающей человека, а советский оккупационный режим – незбылмым, как египетские пирамиды. Не стоит тешить себя иллюзиями. Приспособленцев и даже откровенных коллаборантов в Литве было не меньше, чем, скажем, в оккупированной нацистами Франции, – иными словами, большинство. Все, за

небольшим исключением, изо дня в день прославляли самую передовую в мире социалистическую систему, советских освободителей, Ленина, великий и щедрый русский народ. Многие шли на это, презирая себя и оправдываясь тем, что нельзя иначе – если желаешь, чтобы Литва дождалась лучших времен. Другие – их, возможно, было меньше – безо всяких угрызений совести находили общий язык с московскими властями: тут приходил на помощь абсолютный цинизм обеих сторон. Нам неизвестен процент донощиков и агентов КГБ, но вряд ли кто сомневается в том, что их было достаточно.

Черные в Южной Африке, разумеется, живут в гораздо худших условиях, чем литовцы и другие балты. Но от них хотя бы не требуют восхвалять систему апартеида и своих мудрых поработителей. От литовцев же требовалось нечто подобное, и большинство уступало этим требованиям.

Находились люди, которые физически не могли выносить такого унижения и оказывались платить дань. Они обычно оказывались в тюрьмах или в ссылке – на Востоке, реже на Западе. Но и до изгнания они существовали на задворках общества: «нормальная» интеллигенция считала их поведение отклонением от единственно верного, полезного для нации пути, иногда называла их опасными безумцами, честолюбцами или фанатиками.

Возможно, это здоровый рефлекс для людей, готовых заплатить любую цену за выживание нации. Но согласимся, что купленная такой ценой жизнь (а часто и личное благополучие) все-таки вызывает отвращение. Да и стоит ли жить, согнувшись в три погибели, а то и с переломанным хребтом? Одним из самых частых оправданий было: важны намерения и «верность Литве в глубине души», а не обязательная дань. (Иные из тех, что восхваляли Сталина и партию, куда более всех остальных могли бы даже сказать на суде истории, что они как-никак сохранили литовские школы, университет, культурные учреждения – ту инфраструктуру, которая стране всегда понадобится.) Но не следует ли помнить, что обязательная дань губила добрые намерения, отравляла сознание, превращала в гниль даже литовский язык, который мы так стремились уберечь? Стоит ли сохранять минимальные признаки национальной жизни, идя по такой скользкой тропе? Возможно – стоит. Но я хорошо понимаю тех, кто говорил «нет».

Всего несколько лет назад нация, хотя и жившая несравненно спокойнее, чем в послевоенную эпоху, была унижена, втоптана сапогом в пыль и грязь, лишена прошлого, лишена настоящего, лишена будущего. Лицемерие, сервилизм, достойный сожаления материализм всосались в плоть и в кровь, хотя зачастую прикрывались псевдодуховностью и псевдопатриотизмом. Однако оказалось достаточным нескольких трещин в глухой стене советской империи, и все начало меняться – внезапно и необратимо, в невероятном темпе. Оказалось, что советская власть так и не сумела полностью задавить своих рабов: отравляла, унижала, эксплуатировала, превращала в послушное стадо – и все-таки не преуспела до конца. Диссиденты и «фанатики» сыграли роль катализатора. Пример их одинокой борьбы заставлял одних устыдиться, других – вдохновлял. Возможно, не я один, наблюдая на экране многолюдные вильнюсские и каунасские митинги, повторял про себя знаменитые слова Йитса об ирландской революции: All changed, changed utterly: a terrible beauty is born (Все изменилось, изменилось безвозвратно, родилась грозная красота).

Недаром мне припомнилась ирландская революция. Время признать: то, что происходит в Литве, в моральном смысле вполне сравнимо с тем, что происходило в 1916 г. в Ирландии, в 1821–34 гг. в Греции и в 1775–76 гг. в Америке. Сравнимо, возможно, не только в моральном, но и в политическом смысле. Именно нашей родине было суждено начать демонтаж последней – и, пожалуй, худшей – колониальной империи. До сего дня литовцы выполняют эту задачу с завидной дисциплинированностью, единодушием и сдержанностью; это даже заядлого скептика (каков я от природы) заставляет испытывать гордость. Михаил Горбачев, пожалуй, не без основания считающийся умным политиком, скандально не сумел оценить подлинных настроений, выдержки, решимости и упорства Литвы. Распад империи остановить нельзя. Нельзя аннулировать декларацию от одиннадцатого марта 1990

года. Ее действие можно приостановить – с огромными жертвами, беспощадно растоптав жизнь еще одного поколения; но и тогда империя вскоре потерпит поражение, как это случилось в Венгрии, Чехословакии, Польше, Восточной Германии. Литовцы сегодня показывают пример всем друзьям по несчастью и, что важнее всего, самому русскому народу – он ведь тоже их друг по общей беде.

Для каждого из нас, даже для отчаянных либералов и космополитов, Литва была и остается осью мира. Однако в последние месяцы она превратилась в ось мира и для других. Никогда в своей истории Литва не значила так много для человечества, как сегодня. Литва стала центральной темой мировой печати и телевидения – и, видно, еще долго останется в фокусе их внимания. Разумеется, это не будет продолжаться вечно. Но *уже никогда* Литву нельзя будет игнорировать и не замечать. Перед тем, что происходит в Литве сегодня, меркнет не только провозглашение независимости в 1918 г., но и восстания против царского самодержавия, битвы при Дурбе и Грюнвальде. Литва становится одним из символов свободы на все времена. И это невозможно вычеркнуть из истории, равно как и акт от одиннадцатого марта.

Во многом можно упрекнуть политиков литовского Возрождения, найти у них немало слабых мест – хотя, как я уже говорил, эмигранту это вроде бы и не пристало. Умные люди в самой Литве говорят, что Саюдису не хватает прагматизма, который заменяется романтическими ритуальными жестами (но тут стоит заметить, что всегда были и будут ситуации, когда романтический жест в судьбе нации играет более важную роль, чем рациональные расчеты). Литовские политики иногда принимают решения импровизированно, экспромтом, не успевая или даже не стараясь выработать конструктивную платформу для будущего. В будничной жизни Саюдиса случается открытая, не всегда достойная борьба разных группировок, цель которой – не что иное, как власть; допускаются поверхностная риторика и пустая демагогия, сомнительные политические маневры. К Саюдису прилипает гораздо больше, чем хотелось бы, жуликов, национальных кликуш, приспособленцев – часто тех самых, кто еще недавно прилипал к коммунистической власти. В свое время мы не успели создать ничего, что можно было бы поставить в один ряд с польской Солидарностью или чешской Хартией-77. Группы явных диссидентов были немногочисленными, как правило, недостаточными сильными в интеллектуальном отношении, их беспощадно громилла госбезопасность; сегодня они оказались на еще более дальних задворках общественной жизни, чем при Брежневе и Андропове, и многие их лидеры, увы, не умеют адекватно реагировать на это неудобное положение. Но все это характерно для нормального политического бытия: это та неизбежная цена, которую общество платит за демократию.

Несколько более опасной мне кажется национальная мистика, привлекающая очень многих литовцев, заполняющая ту идеологическую пустоту, которая образовалась после дискредитации марксизма-ленинизма. Слово «нация» в Литве нынче часто пишется с большой буквы. Для многих, пожалуй, это стало главной и даже единственной ценностью. А ведь существуют ценности и более высокого ряда. Стоит поберечь прописные буквы для них: пусть христианин употребляет прописную букву для Бога, либерал – для Совести. Когда нация обожествляется и превращается в кумира (хотя это и понятная реакция после десятилетий страшных унижений), возникают и другие сомнительные явления.

Малообещающим представляется тяготение к своеобразному балтийскому изоляционизму, культ патриархальных обычаев, патриархальной «доброты», язычества, осуждение «пришедшего в упадок» Запада. Все это бытовало и по-прежнему бытует в нашей поэзии и прозе. Такая тенденция не поможет войти в нормальную современную европейскую жизнь – скорее помешает. Это толкает к своеобразной новой утопии – несколько лучшей, чем та кровавая утопия, от которой, слава Богу, мы наконец освобождаемся; но вряд ли и новую утопию можно признать конструктивной и осмысленной.

Не стоит мазохистски смаковать страдания нации (пусть они и в самом деле были тяжелыми). Мы склонны в любых обстоятельствах оправдывать себя, изобра-

жать свою нацию великомученицей, единственная перспектива для которой – быть среди народов обиженной Золушкой; а наряду с этим мелодраматическим пессимизмом существует тенденция считать нацию непогрешимой Святой Девой. Самооправдание, любование своими страданиями и собственные заблуждения чаще всего оказываются печальной компенсацией за период страха и конформизма.

Мне чужды получившие хождение в последнее время выражения: «сатанизм» или «тьень дьявола». Они отдают манихейским, демонологическим пониманием истории, из которого во многих странах следовали практические выводы: «сатанисты» (а так можно обозвать кого угодно) изгонялись из человеческого общества, с ними допускалась и поощрялась борьба любыми средствами, так что в конце концов, мягко говоря, оказывалось неясно, кто же в этой борьбе подлинное орудие дьявола. Литва в самом деле не раз бывала жертвой империалистических сил (среди них и самых страшных – тоталитарных). Но порой мы склонны усматривать демоническую волю, злой заговор даже там, где несчастье Литве приносили безлические исторические процессы, характерные для любого развитого или развивающегося общества, не обязательно связанные с тоталитаризмом и империализмом.

Не стоит выяснять, кто хуже: Гитлер или Сталин. Нет выбора между чумой и холерой. И надо без обиняков сказать, что те, кто приветствовал Гитлера, повредили литовской нации, нанесли ущерб ее чести, морали, международному престижу не меньше тех, кто приветствовал Сталина.

Не пристало поддаваться ксенофобии, непродуктивному и не делающему чести обсуждению своих добродетелей и пороков иных народов. Не пристало отгораживаться от других культур – даже если страны, представляющие эти культуры, долгие века были или по сей день остаются нашими политическими противниками.

Я не мог бы жить без литовского языка. Хочу, чтобы он имел такие же права, как другие, даже великие языки. Я уверен, что разнообразие и многочисленность языков – одно из главных сокровищ мировой культуры. Но я не хочу поддаваться мистике языка. Сохранение и пестование языка необходимо – но не следует думать, что только это принесет спасение. Разве нельзя сказать по-литовски нечто злое или неверное?

Я знаю, что литовской нации, как и каждой нации, необходима независимость. Но знаю и то, что независимость далеко не тождественна свободе и демократии. Абсолютно независимы сегодня в мире только Албания, Иран и Ливия.

Будем помнить, что права человека логически предшествуют правам нации. Разумеется, если нация порабощена, то и права человека в ней нарушены. Но справедливо и обратное утверждение. Нация может доминировать в государстве; но если в этом государстве попираются права человека и права меньшинств, то главенствующая нация в сущности остается рабой, никаких прав не имеет. Так случилось с немцами во время нацизма, так случилось с русскими в царские, тем более в коммунистические времена; и мне бы очень не хотелось, чтобы так случилось с литовцами.

Чрезвычайно важно и необходимо заполнить белые (и тем более – объяснить кровавые) пятна в истории Литвы. Но это иногда превращается в апологию – даже в восхваление лиц, которые не отличались высокими моральными или политическими качествами и принесли Литве больше вреда, нежели пользы. Мыслители местного масштаба – если только они были антикоммунистически, католически или пролитовски настроены – наделяются эпитетами, которые стоило бы поберечь для Сократа, Канта или Соловьева.

Таким образом, сегодня в Литве создается некая новая политическая и культурная мифология. Правда, она обратна скомпрометировавшей себя коммунистической мифологии, но вывернуть миф наизнанку – не столь уж великое интеллектуальное достижение. Во всем этом следует винить прежде всего, разумеется, оккупационную власть и постыдную изоляцию страны. «Холодильник», в котором держали литовскую интеллигенцию, сейчас окончательно вышел из строя, но все-таки отчасти сделал свое дело. Единственным, чуть ли не главным источником силы для многих стали комплекты литовских журналов пятидесятилетней давности. А они, даже если в свое время и сыграли положительную роль, почти ничем не могут помочь стране,

которая стоит перед вызовом современной жизни, индустриального или постиндустриального общества. Но тут виновата не только коммунистическая власть. Многие наши конформисты (или бывшие конформисты) приобрели неподдельную популярность, ибо своей деятельностью и творчеством поддерживали и пытались увековечить литовские мифы и стереотипы. Общество принимало эти мифы и стереотипы некритично уже только потому, что они не были коммунистическими. Надо сказать, что власть препятствовала распространению этих стереотипов и преследовала за них куда меньше, чем принято считать. Национальные мифы часто использовались как предохранительный клапан, заготовленный на всякий случай путь для отступления, как способ показать, что «своя», «патриотическая» номенклатура – единственная законная защитница интересов Литвы (патриотизм, по меткому выражению англичан, – последнее прибежище подлеца). Чем более униженным чувствовал себя приспособившийся к режиму интеллектурал, чем чаще он платил обязательную дань, тем больше он был склонен повторять высокие лозунги о вечных корнях нации, о красоте ее языка, о несравненной глубине ее мироощущения, о своей преданности земле и хлебу. Так он пытался искупить свое верноподданничество официальным кругам, которые снисходительно взирали на эти патриотические усилия, а нередко и поощряли их премиями и хвалой. Увы, наша интеллигенция отчасти виновата в том, что в Литве законсервировалось много элементов узкого и анахроничного сознания. Отпустим ей этот грех, но не будем забывать, что конформизм – не добродетель.

Наши деятели культуры решили важную задачу: в трудных условиях они обеспечили выживание литовского языка и национального сознания. Но их сил – а возможно, и желания – не хватило для второй, не менее важной задачи: подготовить литовцев к цивилизации, которая опиралась бы на личный выбор и разнообразие мнений, цивилизации, в которой инакомыслящий не обвинялся бы ни в ереси, ни в предательстве. Было бы лучше хотя бы часть нашей энергии направить не на сугубо защитные и апологетические, а на конструктивные задачи: на то, чтобы побольше узнать о мире, о культурных течениях и тенденциях, появившихся за те полвека, которые Литва провела в тюрьме, об основах демократии, о западных политико-экономических структурах, и тем самым развеять старые наши мифы и стереотипы. Мы вступили в независимость как бы одной ногой, сохранив литовское сознание и любовь к Литве, но все еще не подвергнув надлежащей философской и политической критике тоталитаризм (в любых его видах).

Я не очень верю, что мы станем «северными Афинами» – уникальным культурным центром, мостом между Востоком и Западом или какими-либо другими регионами земного шара. Дай нам Бог стать нормальным, скромным, цивилизованным европейским государством (которым мы не совсем успели стать в 1918–1940 годы). После десятилетий оккупации уже одно это было бы неописуемым счастьем. Но для этого мы должны учиться не только национальному самосохранению (чему мы выучились совсем неплохо), а прежде всего – скептицизму, ответственности, умению видеть свои недостатки и ошибки, терпимости, уважению к соседу, партнеру и оппоненту.

Да будет такой новая независимая Литва – страна, о которой мы мечтали и которую видели во сне, страна, в появление которой внесли свою долю лучшие: и те, кто сжег себя; и те, кто провел в тюрьмах долгие годы; и те, кто издавал подпольную прессу; и те, кто печатал честные книги, писал картины не по приказу, ставил талантливые спектакли, занимался подлинной наукой, осмысленной экономической деятельностью, осмысленной политикой. За последние пятьдесят лет мир изменился не менее, чем за период от Средних веков до Первой мировой войны. Поэтому и наша третья независимость будет отличаться от второй, межвоенной, не менее, чем вторая отличалась от первой, средневековой. Будем же достойны независимости и будем стремиться к тому, чтобы Литва достойно ответила на вызов нового, уже совсем близкого тысячелетия. Признаюсь, сегодня я больше думаю о том приближающемся тысячелетии, чем о древних балтах, об их князьях Гедимине и Витовте, о национальных героях прошлого. ●

ЗАКОН И МЕНЬШИНСТВА

В прошлом году в Верховном суде США рассматривался ряд дел, связанных с расовой дискриминацией и ущемлением гражданских прав. Судопроизводство по этим делам коснулось широкого спектра законодательных актов и правонарушений и обратило на себя внимание общест­венности. Особо острую реакцию вызвали три дела по обвинению в создании преимуществ для одних расовых групп за счет других – в данном случае в пользу меньшинств.

В деле «Ричмонд против Кросона» Верховный суд постановил, что распоряжение городских властей, по которому 30% коммунального строительного фонда закрепляется за фирмами, принадлежащими чернокожим гражданам или другим меньшинствам, является нарушением Конституции США. В деле «Wards Cove Packing Co против Атонио» решение суда существенно ослабило обязывающее действие установлений о процентной норме для представителей меньшинств при приеме на работу. И, наконец, в деле «Мартин против Уилкса» суд отменил решение низшей инстанции о том, что при продвижении по службе предпочтительным правом обладают чернокожие (в данном случае речь шла о пожарниках города Бирмингема, штат Алабама). Более того, суд постановил, что на такое продвижение могут претендовать также белые, причем не только прямые участники процесса, но вообще любые белые работники пожарной охраны города.

Судья Гарри Блекман, несогласный с решением по делу Атонио, высказал мнение, которое разделяют многие критики упомянутых трех постановлений Верховного суда: «Невольню задаешься вопросом: а сознает ли вообще большинство, что расовая дискриминация – точнее, расовая дискриминация, направленная против цветных – остается серьезной проблемой нашего общества, и помнит ли оно, как выглядела эта проблема еще совсем недавно?». Летом того же года Бенджамен Хукс, исполнительный директор Национальной ассоциации цветных адвокатов, сделал еще более решительное заявление, которого Блекман, будучи членом Верховного суда, не мог себе позволить: «Верховный суд, – сказал Хукс на годовом собрании своей организации, – представляет собой большую опасность для законных чаяний чернокожих граждан нашей страны, чем старые противники движения за гражданские права». «Расизм, – подчеркнул он, – остается важнейшей проблемой, перед которой стоит черная Америка». В августе того же года в Вашингтоне активисты движения за гражданские права провели молчаливый марш протеста. В настоящее время предпринимаются попытки юридическим путем оспорить решения Верховного суда. Как предупредил Хукс, «если законодательство в этом вопросе не сработает, единственным средством борьбы для нас останется кампания гражданского неповиновения, которая будет проведена в масштабах, невиданных в нашей стране».

Такую угрозу можно, хотя и не обязательно, принимать всерьез. Как бы там ни было, реакция общественности и перспектива судебного пересмотра дел заставляет внимательней присмотреться к действиям Верховного суда. И на поверку – к вконец разочарованию Хукса и его коллег – действия суда оказываются абсолютно правомерными: оспоренные им *политические* решения и нормы были лишены смысла и остро нуждались в корректировке с помощью закона. Конечно, Хукс и его коллеги прекрасно понимают, что упомянутые судебные постановления закладывают фундамент новой законодательной доктрины: после дел Кросона, Атонио и Уилкса расовые предпочтения в

федеральных судах ожидает трудное будущее. Эта перспектива портит кровь активистам правозащитных движений, но горячо приветствуется подавляющим большинством американцев, верящих в равные права для всех, независимо от цвета кожи.

Можно отметить характерную особенность многочисленных комментариев к трем упомянутым судебным решениям: все они отличаются самым общим характером. Их авторы выступают за или против гражданских прав, за или против закрепляющих их административных актов, но все они выпускают из вида детали этих дел.

При ближайшем рассмотрении постановление городских властей Ричмонда штат Вирджиния (оспоренное в деле Кросона), резервирующее 30% коммунального строительного фонда за фирмами, принадлежащими «чернокожим, испаноязычным, а также владельцам восточного, индейского, эскимосского или алеутского происхождения», объясняется необходимостью исправить сложившееся в прошлом положение. Но что же подлежит исправлению? Предположительно, нечто очень плохое. Сторонники муниципального постановления, правда, туманно ссылаются на некую расовую дискриминацию в строительной промышленности, но сами городские власти не предприняли ни малейших усилий для того, чтобы представить суду доказательств какой-либо дискриминации в деле предоставления контрактов – или в любой другой сфере. Вместо этого приводится отвлеченная статистика, лежащая в основе умозрительных схем, подтверждающих наличие расовой дискриминации. По данным начальника хозяйственной части городского управления, за период с 1978 по 1983 г. менее одного процента предоставленных муниципалитетом строительных контрактов пришлось на фирмы, принадлежащих представителям меньшинств. И это в городе, среди жителей которого цветные составляют более 50%! Но муниципалитет Ричмонда не пошевелил пальцем, чтобы доказать, что это разительное несоответствие является прямым следствием расовой дискриминации. Город так и не продемонстрировал нам «моральной язвы», подлежащей лечению. Более того, чисто расовый подход оказался единственной «панaceей» от так и не продемонстрированного зла. Муниципалитет Ричмонда и не подумал пересматривать практику проведения конкурсов на проектирование и строительство объектов, так чтобы они оказались доступными для всех заинтересованных фирм; не разработал системы специального рекламирования, которая побуждала бы подрядчиков из числа меньшинств подавать заявки на конкурс; не создал фонды и программы, призванные помочь цветным бизнесменам, не имеющим возможности выписывать закладные или брать дополнительные банковские кредиты. Нет, первым делом, так и оставшимся единственным, городские власти решили забронировать 30% контрактов на коммунальное строительство за подрядчиками из числа меньшинств. Поразительный факт: игнорируя уроки современной истории о том, что насаждаемые властью расовые различия разобщают и озлобляют людей, муниципалитет Ричмонда просто перенес бремя расового неравенства на «плохую», в данном случае белую, расу.

Да и сама квота – 30 процентов – представляется совершенно произвольной. Почему не 20 или не 40? Лишен какого бы то ни было смысла и выбор подлежащих защите меньшинств. Можно понять, что муниципалитет постарался поставить в выгодное положение чернокожих, составляющих, по данным переписи 1980 г., 51,3% от общей численности населения Ричмонда. Но при чем здесь испаноязычные граждане, азиаты, индейцы, эскимосы и алеуты? Все они в общей сложности составляют лишь 1,82% в городском населении, причем эскимосов в городе трое, а алеутов – двое. Но поскольку декрет никак не оговаривает, что воспользоваться привилегиями могут только постоянные жители Ричмонда и окрестностей, можно смело предположить, что в борьбу за строительные подряды ринутся иногородние представители «правильных» рас. Ну, почему, спрашивается, чернокожий подрядчик, предки

которого из поколения в поколение жили в Ричмонде, должен бороться за подряды с алеутами, привлеченными декретом в Ричмонд, но проживавшими до того на Аляске? Или – что еще более вероятно – с успешным испаноязычным предпринимателем из Лос-Анжелеса?

Конечно, можно попытаться, как это и сделал Ричмонд, оправдать процентную норму ссылкой на федеральный Указ, поддержанный Верховным судом. В 1977 г. Конгресс принял постановление, по которому 10% федеральных строительных работ должны осуществляться подрядчиками из числа меньшинств. В 1980 г. на судебном процессе «Фуллилав против Ключника» Верховный суд отверг конституционный иск против этого закона. Во многих отношениях Ричмондское постановление смоделировано в соответствии с федеральным законом. К примеру, в обоих случаях определенная доля контрактов закреплена за одними и теми же национальными группами. Но есть между ними и существенные различия. Так, федеральный закон опирается на факты дискриминации, установленные специальной комиссией Конгресса. К тому же согласно закону, любой бизнесмен, подающий заявку на конкурс в качестве представителя меньшинства, должен документально доказать, что он был лишен возможности конкурировать на равных именно по расовым причинам.

Не случайно в процессе «Фуллилава» Верховный судья Бургер особо оговорил, что закон этот *теряет силу в тех случаях, когда контракты предоставляются на основе расовой принадлежности, а не на основе доказанной дискриминации*. В любом случае Ричмондская процентная норма представляется менее продуманной и логичной, чем федеральный закон.

Дело Фуллилава было не единственным конституционным иском, сопоставимым с процессом Кросона. Прецедентным по отношению к последнему следует считать процесс 1986 г. по делу «Уайгент против Учебной части школы Джексона», в ходе которого суд признал незаконным распоряжение учебной части школы, согласно которому на место уволенных чернокожих преподавателей могли быть приняты только чернокожие учителя или дополнительно уволены белые, так чтобы доля черных в преподавательском составе школы оставалась неизменной. Суд отверг такую практику, включающую в себя и тезис о необходимости компенсации за «общественную дискриминацию». Решение по делу Уайгента делает безнадежным любые попытки общественных организаций закрепить расовые преимущества в судебном порядке. Оно означало также, что Ричмондское установление было с самого начала обречено. «Прецедентное дело Уайгента, – написала в своем заключении судья Сандра Дей О'Коннор, – требует именно того, чем Ричмонд демонстративно манкировал: неопровержимого фактического материала, доказывающего необходимость принятия исправительных мер».

Требование вполне разумное. Решение по делу Кросона должно стать серьезным предупреждением всем штатным и муниципальным органам, с необычайным легкомыслием штампуящим постановления о расовом предпочтении. Ведь Ричмонд – не единственный случай такого рода. В документах защиты на суде приводились сведения о том, что подобные процентные нормы приняли уже администрации 36 штатов и 190 местных органов власти. Все они считали свои программы вполне конституционными. Теперь же многим из них пришлось возвращать проекты на доработку. Дело не только в том, что штатные или муниципальные власти обязаны установить и представить конкретные факты дискриминации (не ограничиваясь ссылками на статистические данные о неравенстве, относящиеся к обществу в целом). Дело в том, что, затеявая разговор об исправлении несправедливости, они обязаны для начала испробовать нейтральные в расовом отношении средства и меры (вроде тех, которые даже не рассматривал муниципалитет Ричмонда). А уж если эти меры не срабатывают и власти намерены прибегнуть к предоставлению льгот по расовому признаку, они должны представить веские доказатель-

ства того, что получателями этих льгот являются подлинные жертвы дискриминации и что льготы не наносят ущерба третьим лицам только потому, что те принадлежат к «неправильной» расе.

Решение по делу Кросона заставляет администраторов городского масштаба и масштаба штатов учитывать справедливые требования всех групп населения. Это очень важно в стране, открытой пришельцам со всего света. Но особую значимость решение по делу Кросона приобретает в ситуациях, подобных ричмондской, когда представители меньшинств контролируют городские органы власти.

Дело Атонио связано с применением Билля о гражданских правах от 1964 г., раздел VII, запрещающим дискриминацию при приеме на работу любого лица по причине его расовой принадлежности.

Решение Верховного суда по делу «Григгс против Duke Power Co» (1971 г.) толкует Раздел VII как запрещающий не только «откровенную дискриминацию», но и такую практику приема на работу, которая «является справедливой по форме, но дискриминационной по существу» – например, выдвижение особых требований, связанных с ростом или весом претендентов на вакантное место. И если иски по делу об откровенной дискриминации, согласно Разделу VII, требуют доказательств субъективных дискриминационных намерений работодателя (так называемое «обжалование неравного отношения к претендентам»), то иски по тому же Разделу, обжалующие «косвенное неравенство как следствие» нейтральной по форме практики трудоустройства, таких доказательств не требует. Со времени процесса Григгса иски по делу о «косвенном неравенстве как следствии» стали доминирующей формой тяжб с привлечением Раздела VII, так как доказать «косвенное неравенство как следствие» сравнительно легко. Привлекая одни лишь статистические данные, несложно продемонстрировать, что очень и очень многие методы отбора при приеме на работу имеют косвенным следствием неравные условия для представителей разных меньшинств. А сделав это, несложно переложить на плечи работодателя необходимость оправдывать оспоренную практику «производственными нуждами».

В последние годы наиболее агрессивные адвокаты довели теорию «косвенного неравенства как следствия» до абсурда, оспаривая даже вполне разумные методы приема на работу только потому, что работодателю не удалось соблюсти «правильную» процентную норму для представителей меньшинств или для женщин. Во многих случаях речь идет о работодателях из числа государственных или городских органов, отказавшихся принять на работу в полицию рецидивистов с преступными наклонностями, в водители пассажирского транспорта – зарегистрированных наркоманов или в пожарники – людей слабосильной конституции. И поскольку некоторые федеральные суды в отдельных случаях принимали решение в пользу истцов, а издержки судопроизводства обычно весьма высоки, многие работодатели предпочитают «выбрасывать полотенце на ринг», даже не пытаясь оправдывать оспоренную практику производственной необходимостью, ибо сделать это чаще всего не удается. Такие работодатели либо принимают к исполнению существующие инструкции о процентной норме, либо на своих предприятиях вводят «неписанные» приемные квоты, лишь бы иметь возможность выказать «правильное соотношение» рас.

Дело Григгса, используемое в качестве прецедента, проложило путь к тому самому положению, с которым конгрессмены намеревались бороться, принимая в 1964 г. Билль о гражданских правах. Как заявил на слушаниях сенатор Хьюберт Хамфри (это его заявление вызвало многочисленные отклики среди сторонников Билля в обеих палатах Конгресса): «Этот раздел (Раздел VII) не предусматривает создания предпочтительных условий при приеме на работу ни для негров, ни для каких-либо других лиц и групп. Он не допускает введения каких-либо процентных норм для поддержания расо-

вого равновесия на предприятиях. Наоборот, этот раздел прямо запрещает создание предпочтительных условий для любых групп населения...»

Должен же был Верховный суд когда-нибудь скорректировать ложную интерпретацию этого установления, которая, посредством приговора по делу Григгса, так далеко увела правоведов от его первоначального, морального безупречного, смысла! Такой разумный шаг и был сделан Верховным судом в процессе Антонио. Не говоря уже о том, что в данном деле суд столкнулся с процессом причудливым статистическим обоснованием обвинения.

В деле Атонио группа цветных рабочих консервного завода – уроженцев Филиппин и Аляски – возбудила дело против своих работодателей: двух компаний, владеющих заводами по консервированию лососинной рыбы на Аляске. В основе иска лежал тот факт, что они составляли большинство среди «неквалифицированных рабочих консервного производства», в то время, как большинство квалифицированных рабочих, труд которых оплачивался лучше, составляли белые. Работодатели обвинялись в том, что в расовом неравенстве повинна практика приема на работу. Рабочие проиграли дело в окружном суде, но обжаловали решение и выиграли дело в Американском апелляционном суде Девятого округа, приговор которого основывался *исключительно* на количественном соотношении рабочих двух упомянутых категорий по расовому признаку – как на самостоятельном доказательстве того, что в данном случае имеет место типичное «косвенное неравенство как следствие» методов трудоустройства.

Отменяя решение апелляционного суда Девятого округа, Верховный суд постановил, что единственно правильным критерием является сравнение численности отдельных рас среди квалифицированных рабочих на рынке рабочей силы и среди рабочих на данном производстве. Сверх того, указывается в решении Верховного суда, статистические данные сами по себе не составляют самостоятельного доказательства «косвенного неравенства как следствия». Сторона, возбуждающая дело о дискриминации, обязана строго оговорить и документировать конкретные примеры того, как *практика приема на работу ведет к расовому неравенству*. И наконец, Верховный суд весьма разумным образом распределил обязанности по представлению доказательств. Теперь работодателю достаточно привести подтверждения производственной необходимости в оспоренной практике приема на работу, якобы вызывающей неравенство, но представление бесспорного доказательства дискриминации – дело истца. Именно в этой части решение по делу Атонио подвергалось серьезной критике.

Действительно, до 70-х годов среди бирмингемских пожарников не было чернокожих. В 1981 г. судебный процесс по Разделу VII, возбужденный бирмингемскими чернокожими пожарниками, завершился согласительным приговором, согласно которому среди лиц, производимых ежегодно в лейтенанты пожарной охраны, должно быть не менее 50% черных – до тех пор, пока соотношение рас в городском Управлении пожарной охраны не будет доведено до уровня, существующего на городском рынке труда, где черные составляют 28% среди работоспособного населения. В этом согласительном пригово-

¹ В параграфе 703 Раздела VII мы читаем: «Ни одно из положений этого раздела не может быть истолковано как побуждающее какого-либо работодателя, агентство по трудоустройству, профсоюзную организацию или смешанный орган администрации и трудового коллектива, являющихся субъектами данного раздела, создавать предпочтительные условия любому лицу или группе лиц по признаку их принадлежности к расе, цвету кожи, религии, полу или национальному происхождению, со ссылкой на наблюдающееся несоответствие между общей численностью или процентной долей лиц данной расы, цвета кожи, религии, пола или национального происхождения, занятых на предприятии, зарегистрированных в картотеках или регистрах агентств по трудоустройству или профсоюзных организаций, принятых в ученики или на учебные курсы, и общей численностью лиц данной расы, цвета кожи, религии, пола или национального происхождения, проживающих на территории населенного пункта, Штата, административной единицы или области, или их долей в общем числе жителей в продуктивном возрасте на территории данного населенного пункта, Штата, административной единицы или области».

ре бросается в глаза его оригинальное обоснование. В нем и речи не идет о какой-либо компенсации для подлинных жертв трудовой дискриминации (представителей белой расы – Ред.) или о введении курсов повышения квалификации для чернокожих, так чтобы они могли эффективно претендовать на продвижение по службе. Вместо этого требования о дополнительной оплате труда задним числом, выдвинутые теми, кто считал себя жертвой дискриминации, были рассмотрены в одном-единственном ракурсе – в ракурсе количественного соотношения, которое делает несущественным любое выявление профессиональных качеств претендентов, в том числе результаты сложных многочасовых письменных экзаменов.

В 1984 г. группа белых пожарников возбудила иск против городских властей за то, что те препятствуют их продвижению по службе по расовым причинам на основании старого судебного решения по делу, в котором они вообще не выступали в качестве одной из сторон. Окружной суд отказал в иске на том основании, что упомянутое судебное решение обжалованию не подлежало. Выходило так, что приговор имел обязательную силу для белых пожарников, хотя они никогда не давали согласия на мировую сделку.

Независимо от нашего отношения к процентной норме в Бирмингемском пожарном управлении и к системе расовых предпочтений в целом, мы не можем признать законным лишение белых пожарников права апеллировать к суду. Это основополагающее право человека на справедливость, и уже хотя бы поэтому можно считать, что процесс по делу Уилкса прошел на законном основании. Федеральный апелляционный суд признал обоснованность аргумента белых пожарников и отменил решение окружного суда. Верховный суд, подтвердив приговор предыдущей инстанции, отметил, что «согласно глубокой укорененной исторической традиции, каждый гражданин нашей страны имеет право быть выслушанным в суде». От имени Верховного суда судья Уильям Ренквист четко сформулировал принцип: «Решение какого-либо дела в суде обязательно для обеих сторон тяжбы, но не затрагивает права какой-либо третьей стороны, не имеющей касательства к данному разбирательству».

Можно только гадать, как воспользуются своим успехом белые пожарники. Не вызывает сомнения, однако, чисто практическое значение решения Верховного суда по делу Уилкса. До сих пор федеральные суды низшего уровня практиковали в делах по Разделу VII исключительно утвердительное толкование согласительных приговоров (мировых сделок) как общего правила, применимого независимо от контекста. Доктрина, разделяемая этими судами, сводилась к тому, что такие приговоры сохраняют силу как косвенно относящиеся к спору и не подлежащие обжалованию. Таким образом, нередко третья сторона, не принимавшая участия в мировой сделке, но жизненные интересы которой затрагивали установления такой сделки, «лишалась права быть выслушанной в суде» – суды отказывали ей в иске против процентных норм при приеме на работу или продвижении по службе, предусмотренных согласительным приговором.

Дело Уилкса положило конец доктрине о косвенном отношении согласительных приговоров к спору и о невозможности их обжалования. Отныне не только непосредственные стороны мировой сделки, но и третья сторона, интересы которой такая сделка задевает, должны быть привлечены к судопроизводству. И вряд ли это можно считать преувеличенным требованием. Такое решение не только само по себе справедливо, но и является ориентиром во всех делах подобного рода – именно потому, что оно справедливо.

Три решения Верховного суда, наделавшие так много шума, характеризуют его как орган, который не терпит непродуманных квот (дело Кросона), не подчиняется давлению одной из сторон, навязывающего процентную норму (дело Атонио), отнюдь не собирается защищать процентную норму, как таковую (дело Уилкса). Эти решения характеризуют Верховный суд как ор-

ган, стремящийся непредвзято и справедливо решать вопросы, связанные с гражданскими правами.

В деле Кросона Верховный суд, по существу впервые, констатировал, что согласно Конституции случаи расовой дискриминации должны подвергаться строго фактическому и конкретному рассмотрению, независимо от формы, в которой дискриминация проявляется. Это означает, что прямая персональная дискриминация традиционного типа и так называемая «благонамеренная» дискриминация (типа декрета Ричмондского муниципалитета) рассматриваются судом как проявления одного и того же зла. В деле Атонио суд позаботился о том, чтобы судопроизводство по делам о «косвенном неравенстве как следствии» велось с соблюдением тех же правил, что и все другие процессы гражданского права. А решение по делу Уилкса дает гарантию того, что впрямь мировые сделки, подразумевающие расовые привилегии, не будут неоспоримыми и неподлежащими пересмотру. Во всех трех случаях суд отказался проявить снисхождение к расовым привилегиям, чем бы они не оправдывались. Во всех трех случаях Верховный суд настоял на принципе равного отношения к сторонам в споре.

Это, конечно, не значит, что Верховный суд окончательно исключил любую возможность расового покровительства для лиц, в действительности не являющихся жертвами какой-либо подпадающей идентификации дискриминации. Судья Антонин Счалиа попытался поставить вопрос именно так, как об этом свидетельствует его комментарий к делу Кросона. Но пока еще эта позиция не разделяется Верховным судом. Тем не менее, суд продемонстрировал надлежащую строгость в вопросе о расовых привилегиях, допуская их возможность лишь в особо оговоренных обстоятельствах. К примеру, частный работодатель имеет право добровольно выказывать расовое предпочтение при приеме на работу с целью преодолеть барьер расовой исключительности в некоторых профессиях. Но он не обязан делать этого для поддержания «расового баланса». Федеральные суды могут предписать расовые ограничения для устранения многолетней дискриминации, если ее не удастся ликвидировать иными методами – иначе говоря, в качестве последнего средства и в строго оговоренных масштабах, так, чтобы возможный ущерб для любой третьей стороны был минимальным. Прибегнуть к расовой избирательности могут и коммунальные работодатели – типа городских властей Ричмонда – но опять же только в том случае, если для такой меры есть солидные основания, если она выступает в качестве последнего средства и действие ее строго ограничено оговоренными рамками.

Критики этих решений обвиняют Верховный суд в «юридическом активизме» как это делает, к примеру, судья Стивенс в своем протесте по делу Уилкса. «Юридический активизм» – эмоциональный термин, значение которого часто зависит от того, на чью большую мозоль наступили. Но пресечение порочной практики, явно противоречащей правовым нормам – как это сделал Верховный суд в делах Кросона, Атонио и Уилкса – это нечто, прямо противоположное «юридическому активизму». Работу Верховного суда в этих трех случаях скорее можно определить как «юридическую покорность». В области гражданских прав, как и во всех других сферах, суд продемонстрировал только то, что и он, как и все другие институты, склоняется перед авторитетом Конституции и стремится интерпретировать и применять законы согласно ее букве и духу.

Активисты-правозащитники вроде Бенджамена Хукса прекрасно понимают это, хотя и не решаются признать. Остается фактом, что Верховный суд – больше не «их» суд (это же, кстати, относится и к федеральной юрисдикции). Хотя им удалось сорвать назначение судьи Борка членом Верховного суда, на поверку это оказалось Пирровой победой. Судья Энтони Кеннеди, который наконец был назначен на освободившееся после Пауэлла место, оказался стойким противником любых расовых привилегий, в то время, как судья

Льюис Пауэлл таковым не был. А судья О'Коннор, которая стала центральной фигурой в процессах, связанных с расовыми привилегиями, также склонна терпеть давление активистов в гораздо меньшей мере, чем ее предшественник.

Вот почему битва вокруг процентных норм теперь постепенно переносится с площадки Верховного суда на территорию Конгресса. Среди откликов законодателей на последние решения суда следует отметить предложение сенатора Пола Саймона (демократ из штата Иллинойс), по которому штаты и местные органы управления должны быть наделены правом «резервировать часть общественных фондов для меньшинств». Целый ряд представленных в Конгрессе законопроектов сформулирован так, чтобы опрокинуть решение по делу Атонио. Ни один из них, разумеется, не декларирует прямо свою скрытую цель – воскрешение процентных норм. В таких законодательных проектах, в пику решению по делу Атонио, делается попытка подорвать постановление Верховного суда о том, что в обязанности истца входит представление доказательств того, что конкретная практика приема на работу имеет косвенным следствием расовое неравенство, и вменить в обязанность работодателю необходимость доказывать, что оспоренная практика вызвана производственными нуждами. Иными словами, эти проекты, став законами, воспроизвели бы методы, с помощью которых расовые квоты устанавливались в прошлом.

Но эти законопроекты не просто умалчивают о своей подлинной цели – они еще и выдаются за нечто, прямо противоположное своей сути. К примеру, один из них носит название Билля о восстановлении гражданских прав. Кто бы посмел не согласиться с таким благородным делом? Стратегия этих законодателей проста и сводится к затушевке сущности противостояния. А сущность противостояния такова: равенство статистических данных против равенства возможностей, дискриминация против равных прав для всех. Тот факт, что множество американцев из самых благородных побуждений в течение длительного времени вкладывали душевную энергию, чтобы культивировать и поддерживать расовые привилегии – серьезная трагедия нашего общества. Выдвинутые на ранних этапах аргументы защиты расовых предпочтений – как явления временного, допустимого лишь в особо сложных обстоятельствах – в последнее время слышатся все реже и реже. Постепенно выясняется, что расовые привилегии существуют ради самих привилегий, и, в конечном счете, подменяют собой гражданские права. Расовые привилегии извратили и подорвали саму сущность гражданских прав и утвердили юридический цинизм в подходе к расовым процессам.

В практической плоскости расовые квоты в Бирмингеме, и не только там, оказались кратчайшим путем – но куда? В любом случае не к социальному и экономическому прогрессу в таком его понимании, когда люди всех рас рассматриваются как равные существа. Достигнут обратный результат: система расовых предпочтений уводит нас все дальше и дальше от единственного принципа, на котором всегда зиждился национальный консенсус в расовом вопросе и на котором он только и может быть восстановлен. Этот принцип – равными правами обладают все, дискриминации не должен подвергаться никто. ●

ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНЕ

К теме Ислама и мусульманства, становящейся год от года (и даже день ото дня) все более актуальной, наш журнал уже обращался неоднократно, а однажды даже посвятил ей тематический номер (№ 3, 1987 г.). Сейчас сама логика событий делает все более необходимым новое обращение к этой теме. Два события лета 1990 г. продемонстрировали всю остроту проблемы. Во внешнеполитической области — это кризис в районе Персидского залива, вызванный иракской агрессией против Кувейта; во внутривнутриполитической — столкновения в Киргизии. Ясно, что и то и другое — не изолированные случайные события, а лишь вершины айсберга, подлинные размеры которого нам еще предстоит оценить.

Мировая мусульманская община или *умма* (буквально — народ) весьма разнолика. Умма не имеет ничего общего с понятием народа, нации в этническом смысле. Умма многонациональна и даже многорасова и продолжает расширяться, захватывая даже Америку и Австралию. В 35 странах мусульмане составляют большинство населения (в 28 странах Ислам признан государственной религией). В 20 странах мусульмане образуют влиятельное меньшинство. Мусульманская община оказывает заметное воздействие на общественно-политическую жизнь более чем в 120 странах Азии и Африки. Общее количество мусульман сейчас оценивается примерно в миллиард — четверть населения Земли.

События развиваются таким образом, что в глазах стороннего наблюдателя современный Ислам и мусульманская умма предстают прежде всего как дестабилизирующий фактор: исламская революция в Иране, Муаммар Каддафи, гражданская война в Ливане, ирано-иракский конфликт, захват Саддамом Хусейном Кувейта, мятеж черных мусульман в Тринидаде и Тобаго, Сумгаит и Баку, Фергана и Ош, Новый Узень и Душанбе... Велик соблазн расистских обобщений, и надо сказать, что многие ему поддаются. Тема "людей в тюбетейках" и "узкоглазых" становится все более популярной и в нашей стране (хотя лишь малая часть мусульман — монголоиды и, тем более, носят тюбетейки), вытесняя собою другую популярную тему "еврейского засилья". Это обстоятельство не может не тревожить всякого демократически мыслящего человека, волнует оно и самих мусульман. В нашей подборке детальному обсуждению темы "нового врага" посвящены статьи С.Ганнушкиной и сирийской писательницы Раны Каббани. Мы рады, что наш журнал одним из первых привлекает внимание к этой теме, которой, увы, суждено становиться все более и более больной.

Тем не менее перечисленные выше факты общеизвестны и требуют объяснения. Нам кажется, такое объяснение есть, и состоит оно во взрывоопасной, глобальной политизации исламской религии. Политизация религии всегда таила и таит в себе страшный разрушительный заряд, устраняя из политики необходимый ей рациональный элемент и отдавая ее в распоряжение иррациональному. К сожалению, этому отчуждению в сторону политики подвержены практически все религии (из мировых религий единственное поразительное исключение, пожалуй, составляет буддизм). Христиане (точнее, люди европейской, христианской культуры), осуждающие "людей в тюбетейках", могли бы вспомнить такие позорные периоды христианской истории, как крестовые походы, религиозные войны в Европе, инквизицию, деятельность конквистадоров по "христианизации" Америки и т.п. Сейчас тревожные симптомы отчуждения в политику проявляет теология освобождения с ее "народной церковью".

Конечно, имманентно политизированной религии не существует. Вспышки ее политизации всегда связаны с конкретными историческими условиями, и эти условия сами по себе нуждаются в анализе. Однако и в самой религии должны присутствовать элементы, допускающие ее отчуждение в сторону политики. Такие элементы есть в христианстве. В еще большей степени они присутствуют в исламе, и в этом отношении Г.Старовойтова, которую резко критикует С.Ганнушкина, не вполне права.

Аятолла Мортаза Мотahari, статью которого о "природе исламской революции" мы помещаем, принадлежал к числу наиболее либеральных деятелей революции в Иране. Тем важнее центральный пункт его построений: для мусульманина "отделять себя от политики значит отделять себя от религии". У него есть основания для таких заявлений: с самого начала существования Ислама, со времен Мохаммеда, государственная и религиозная власть в исламских государствах находилась в руках одного человека. Ислам создал централизованное государство потому, что разные племена были политически объединены в единое целое именно на религиозной основе. В XIX в. слияние политики и религии стало основой идеей Джемаль-ад-Дина аль-Афгани, основоположника панисламизма. В настоящее время мы наблюдаем новую волну политизированного Ислама. В этом двуединстве нередко основную роль играет именно политика (например, в ряде республик советской Средней Азии, где позиции Ислама как религии никогда не были сильны).

Говоря об Исламе, нельзя не говорить и об общественно-политической жизни уммы. Поэтому наша подборка включает в себя самые разнообразные материалы. Здесь и подробный обзор современной ситуации в странах арабского мира, сделанный П.Дэвидом, и документы "из первых рук": письмо имама Хомейни М.Горбачеву, речи М.Каддафи и др. Советской части уммы посвящены статьи ряда публицистов, рассматривающих проблему с разных сторон и порой совершенно по-разному оценивающих современную ситуацию в "мусульманских" советских республиках. Дано слово и представителю фундаменталистского течения — Г.Джемалю. Читатель обратит внимание и на оценки, которые делают внешние наблюдатели. Особый интерес представляет богатое фактами интервью серьезного специалиста С.Полякова. Важны наблюдения "неформального" социолога В.Пономарева.

Особое место в нашей публикации принадлежит материалам по "делу Салмана Рушди" и его "Шайтанских сур" ("Сатанинских стихов"). Дело Рушди, смертный приговор, вынесенный ему имамом Хомейни, хорошо известны. Об этом много писали в советской прессе. Дело Рушди далеко не прекращено. Недавно, 6 июня с.г., президент Ирана Рафсанджани вновь подтвердил смертный приговор С.Рушди. "Мы не имеем права отменять фетву имама, — сказал он. — Она остается в силе". В деле Рушди сейчас как в капле воды отражаются сложные отношения между мусульманским и христианским мирами. Оно уже приобрело характер символический.

Мы не считаем возможным обсуждать дело Рушди, не познакомив читателей с самим предметом спора (не будем повторять уже набившее оскомину выражение: "Я N., конечно, не читал, но..."). Поэтому мы, впервые на русском языке, публикуем большой фрагмент из знаменитого романа, а также подборку статей европейских и мусульманских авторов, по-разному оценивающих книгу С.Рушди. При этом мы старались отдать предпочтение критикам С.Рушди (противоположная, условно говоря, "европейская" точка зрения о необходимости свободы творчества для писателя неоднократно излагалась в прессе и хорошо известна). Заключает подборку фрагмент недавно появившейся брошюры С.Рушди "Честно", в которой он подводит итоги своего знаменитого "дела" и формулирует свою позицию.●

К.Л.

КОГДА ИСТОРИЯ ПРОХОДИТ МИМО

Очерки арабского мира

Сцена: званый ужин в Аммане. Действующие лица: бизнесмены, журналисты, несколько дипломатов. Беседа полна юмора и грустной самокритичности, характерных для арабского мира. В основе – общее настроение отчаяния по поводу трагического положения арабов. «Посмотрите на нас, – жалуется один иорданский журналист. – Мы в ужасном положении. Весь мир добивается демократии, только не мы. Наша экономика совершенно расстроена, мы слабы, мы от всех отстаем. Мы даже не можем остановить иммиграцию советских евреев в Израиль!»

Большинство обобщений, которые делаются относительно арабского мира, либо слишком расплывчаты и потому бесполезны, либо просто неверны. Само понятие «арабский мир» – весьма туманно. Двадцать одно государство (22, если считать Палестинское) входит в Лигу арабских стран, они раскинулись от Атлантики до Тигра и от Хартума до Алеппо. Миллионы их граждан – как например, негры Судана и Мавритании – вовсе не считают себя арабами. Некоторые арабы считают себя прежде всего арабами, а уже потом – сирийцами, иракцами, ливийцами. Другие осознают себя арабами так же мало, как белые жители США и Англии ощущают свою англо-саксонскую этническую принадлежность.

Народы арабского мира говорят в основном по-арабски, но также и по-французски, по-курдски, по-берберски. Но и диалекты арабского различаются настолько сильно, что алжирцы и иракцы, например, с трудом понимают друг друга. Большинство арабов мусульмане, причем суннитов среди них больше, чем шиитов; однако миллионы арабов – христиане. Арабы делят себя на западных (из Магриба) и восточных (из Машрика). Образованные северные арабы из Ливана и Сирии считают южных арабов Аравийского полуострова дикими кочевниками. Жители Дамаска и Каира равно убеждены в том, что именно их город есть истинное сердце арабского мира.

Предлагая здесь эти обобщения, я сознаю, что на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Но одно обобщение совершенно бесспорно. Путешествуя по арабскому миру в первые месяцы 1990 г., невозможно не заметить, что арабы не разделяют эйфории всего остального мира в связи с началом нового десятилетия. Чтобы понять их настроение, посмотрите, как арабы воспринимают три великие перемены, происходящие в мире.

В Восточной Европе происходит крах коммунизма, в Румынии кончается тирания. Арабам это напоминает главным образом о том, что их собственные Чаушеску все еще на коне. В нескольких странах – в Иордании, Алжире, Тунисе, а возможно, скоро и в Кувейте¹ – делаются попытки провести несколько демократических реформ. Но пока это всего лишь бледное подобие восточноевропейских событий.

Европейское экономическое сообщество гигантскими шагами приближается к еще большей интеграции. Это напоминает арабам о слабости их собственных попыток добиться экономической координации с помощью Лиги арабских стран и трех более новых организаций. Совет сотрудничества стран Персидского залива (СССПЗ), созданный в 1981 г., объединяет Саудовскую Аравию, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Катар и Оман. В 1989 г. образовались еще два союза: Марокко, Алжир, Мавритания, Тунис и Ливия

¹ Статья написана до аннексии Кувейта Ираком. – *Ред.*

составили Союз арабского Магриба (САМ), а Египет, Ирак, Иордания и Северный Йемен¹ образовали Совет арабского сотрудничества (САС). Но пока что эти объединения не принесли практической пользы.

Холодная война кончается, Советский Союз приступает к обширным реформам. Для арабов это означает, главным образом, потерю некогда надежного союзника в борьбе с Израилем. При президенте Горбачеве СССР сократил помощь Сирии и позволил сотням тысяч евреев эмигрировать в Израиль. Решения Венгрии, Польши и Чехословакии восстановить отношения с Израилем посыпали солью эту рану.

Добро, без которого нет худа

Что и говорить, не все новости плохие. В странах Персидского залива, где экономика основана на добыче нефти, кончается экономический спад. В 90-х годах ожидается резкое повышение цен на нефть (и, значит, рост международного влияния этих стран). Прекращение ирано-иракской войны и смерть аятоллы Хомейни устранили опасность того, что иранская революция заразит арабский мир. Конец холодной войны ослабил советско-сирийские связи, зато начала ослабевать и связь США с Израилем. Если этим умело воспользоваться, все это скорее поможет, нежели повредит достижению арабо-израильского мира.

К сожалению, хорошие вести касаются скорее внешнего окружения арабского мира, нежели серьезных внутренних процессов, препятствующих стабильному развитию. Арабские правительства тратят много времени на обсуждение того, как им объединить свои внешнеполитические усилия или как достичь успехов в борьбе с Израилем. Но все это не имеет абсолютно никакого отношения к серьезнейшей практической проблеме, которая вскоре станет главной для арабского мира: проблеме народонаселения.

Арабский мир переживает непрекращающийся демографический взрыв. Его более чем 200-миллионное население удвоится в ближайшие 25 лет. Причем это удвоение произойдет главным образом за счет тех стран, которые и без того с трудом могут прокормить и обеспечить работой уже имеющееся население. Некоторые из основных ресурсов – в частности, вода – уже сейчас используются полностью и вряд ли увеличатся в будущем. В Алжире в 1988 г. и в Иордании в 1989 г. экономические трудности привели к уличным беспорядкам. Но страдают не только самые бедные. Арабским правительствам становится все труднее удовлетворить требования городских средних классов, от чьей поддержки, возможно, будет зависеть их политическая судьба.

Разрыв между потребностями и ресурсами везде чреват бедой. А в арабском мире ситуацию обостряет отсутствие демократически избранных правительств. Ни один из правителей, входящих в Лигу арабских стран, не был избран демократическим путем. Все эти режимы легитимируются в основном традицией, страхом или написанным договором между правителем и подданными: за ваше послушание я обещаю удовлетворять ваши основные социально-экономические потребности. Возможно, такой договор и хорош в условиях изобилия, но стремительный рост населения уже сейчас делает для правительств трудным выполнение их обязательств.

Обсуждая вопрос, почему арабское население растет так быстро и как с этим справиться, нельзя не сказать о нехватке воды в этом регионе, где объем природных ресурсов уже теперь совершенно не соответствует численности населения. Шансы на выход из экономического кризиса можно увязать с вероятностью резкого повышения цен на нефть. Но главное – это вопрос о возможности демократии. В одном отношении арабские страны столкнулись с

¹

той же трудностью, что и СССР, и страны Восточной Европы: чтобы решить серьезные социальные и экономические проблемы, необходимо прежде всего осознать необходимость не менее серьезных политических изменений.

Самоочевидно? Увы, нет. Арабисты на Западе предостерегают от попыток внедрения западных моделей демократии в арабских странах. По их мнению, арабы приучены исламом принимать и даже любить авторитарные режимы. Они полагают, что без сильного руководства некоторые молодые арабские государства, созданные великими державами в конце Первой мировой войны, распались бы на враждующие группировки, как это произошло в Ливане. Поэтому лучшее, на что якобы могут рассчитывать арабы, – это постепенное и подконтрольное оживление политической жизни, а полноценная демократия западного типа должна быть отложена на неопределенное будущее.

Едва ли это справедливо. Конечно, арабским правителям такие идеи выгодны. Но рядовым арабам нетрудно разобраться в том, что понимают под демократией на Западе и – теперь все больше – на Востоке. Арабы не менее индийцев, американцев, поляков и румын хотят, чтобы авторитарное правление в их странах было ограничено и имело надежный противовес. Они предпочли бы избавиться от своих правителей посредством выборов, а не восстаний и переворотов. Но этого права они лишены по вине держащихся за власть правителей, а не вследствие какой-то изобретенной профессиональными арабистами культурной отсталости.

Взрыв

Переписи в странах региона не очень часты, но, несомненно, в арабском мире нет такой страны, где бы годовой прирост населения составлял менее 2,5%. Почти по всех странах четверо из десяти человек моложе 15 лет. Население арабского мира, как уже сказано, должно удвоиться в ближайшие 25 лет. Государства, которые уже теперь с трудом удовлетворяют растущие потребности своих граждан, окажутся еще в более трудном положении.

Это происходит по двум причинам. В последние двадцать лет в результате повышения уровня жизни и улучшения системы здравоохранения снизилась смертность раннего детского возраста. Эта тенденция будет усиливаться, ибо и сейчас в арабских странах уровень детской смертности все еще гораздо выше, чем на Западе (Кувейт – приятное исключение). В более бедных странах – Йемене, Мавритании, Судане – из тысячи младенцев в возрасте до одного года умирает более ста, в Египте – более девяноста. Даже в богатой Саудовской Аравии эта цифра составляет 83 против 9 в Северной Европе.

Вторая причина роста населения – стремление арабов иметь большие семьи. В Северном Йемене, где женщина в среднем рождает больше восьми раз, видимо, достигается самый высокий в мире уровень плодovitости. В целом же в арабских странах уровень плодovitости вдвое выше, чем во всем мире. На этот фактор правительства могли бы воздействовать, пропагандируя преимущества небольших семей и применение противозачаточных средств. Это, однако, делают лишь немногие правительства. Полковник Каддафи в Ливии, правители нефтедобывающих стран Персидского залива полагают, что рост населения укрепит их государства. Ирак, который только что вышел из войны с превосходящим по численности населения соседом, гордится тем, что остановил тенденцию к уменьшению семей, щедро стимулируя повышение рождаемости. Иракцы получают беспроцентные займы на покупку домов после рождения четвертого ребенка, а матери имеют право на годовой послеродовой отпуск с сохранением содержания. Во время войны в Ираке можно было увидеть такой плакат: «Роди ребенка – и ты поразишь врага в самое сердце».

Бангладеш на Средиземном море

Правительства других стран (иорданское втихомолку, а египетское вслух) признают, что темпы роста населения опережают темпы роста экономики. Но чтобы замедлить рост населения, необходимо преодолеть традиционную веру арабов в то, что большая семья – знак благословения Аллаха, а также убежденность в несовместимости контрацепции с исламом. В последние годы пример Египта показал, что контроль над рождаемостью возможен и в арабском мире. Но он же продемонстрировал, как медленно происходят благоприятные изменения.

В начале прошлого века население Египта составляло менее 2,5 миллионов человек. Сегодня оно достигло 55 миллионов и каждые восемь месяцев увеличивается еще на миллион. Египет не в состоянии обеспечить жильем и работой свое нынешнее население, не говоря уже о тех 50 миллионах, которые прибавятся в ближайшие четверть века. Ожидать экономического чуда – все равно, что надеяться на то, что вновь расступятся воды Красного моря. Египет имеет шансы стать еще одним перенаселенным государством типа Бангладеш.

К счастью для Египта, его президент готов обсуждать демографическую угрозу. В своих речах Хосни Мубарак редко упускает случай сказать о необходимости ограничения размеров семьи. Но его оппоненты в парламенте – исламские фракции – не считают эту проблему столь острой. Типично мнение, выражаемое лидером «Братьев-мусульман» Мамоном Одейби. Он согласен, что ислам допускает контроль рождаемости, когда это абсолютно необходимо. Он согласен и с тем, что рост населения в Египте опережает экономический рост. Но он полагает, что для решения проблемы нужно направить все усилия на развитие экономики, а не на контроль над рождаемостью (что полностью соответствует шариаху – мусульманскому праву). В ответ египетское правительство делает огромные усилия, доказывая, что можно пользоваться противозачаточными средствами, оставаясь при этом правоверным мусульманином. В 1988 г. великий муфтий мечети аль-Азхар издал фетву о допустимости контрацепции. Египетский Центр информации, образования и связи – правительственная организация, которая пропагандирует контроль над рождаемостью, – в качестве аргументов прибегает к Корану и хадисам. Директор Центра Набил Осман подчеркивает, что согласно этим священным текстам, личные качества мусульманина важнее численности народа. По-видимому, правительство побеждает в этом споре. Правда, аборт запрещен законом, если беременность не угрожает здоровью матери, а стерилизация осуждается религиозными руководителями. Однако считается, что в Каире 60% женщин детородного возраста применяют противозачаточные средства (в 1984 г. их было 30%). За пределами столицы развитие происходит гораздо медленнее: в некоторых городах Верхнего Египта в среднем менее одной пары из пяти пользуются контрацептивами. Как показывают опросы, лишь очень малая часть женщин отвергает противозачаточные средства по религиозным мотивам; большинство опасается побочных явлений.

И все-таки даже при самых героических усилиях понадобится очень много времени для стабилизации численности населения. Египетское правительство стремится к 2001 г. сократить ежегодный прирост населения с 2,8% до 2,1%. Для этого нужно добиться, чтобы число супружеских пар, использующих противозачаточные средства, удвоилось. А пока что 6 из 10 египтян моложе 20 лет и около 40% моложе 15. И все эти люди успеют пройти через репродуктивный период, прежде чем появится намек на то, что рождаемость начала снижаться.

Политические последствия

Демографический взрыв – это, несомненно, самое опасное и самое заметное явление в жизни арабского мира. Пройдите по авеню Хабиба Бургибы, глав-

ной улице Туниса, в будний день, и вы увидите кафе, полные скучающих молодых людей: до 40% жителей Туниса – безработные. Сонная Касабланка стала трехмиллионным городом со все расширяющимся поясом мрачных трущоб. В 1984 г. в северных городах Марокко разразились голодные бунты. В Большом Каире живут 13 миллионов человек, сотни тысяч ночуют на кладбищах, в картонных лачугах, парках и подворотнях. К концу десятилетия Каир станет пятым в мире городом по числу жителей.

Большинство арабских режимов – и бедные, и богатые – привыкли покупать покорность своих подданных. Граждане Саудовской Аравии и Кувейта получают баснословные займы на покупку домов; египтяне обеспечиваются пищей по субсидированным ценам; выпускникам университетов автоматически предоставляется работа в государственных учреждениях. Но демографический взрыв угрожает все это разрушить. Очередь на получение гарантированных рабочих мест для университетских выпускников составляет сейчас 2 миллиона, и ждать приходится несколько лет – хотя предлагаемое жалование столь низко, что служащим приходится подрабатывать на такси, чтобы сводить концы с концами.

Египет есть Египет: бедный, перенаселенный, страдающий от нехватки природных ресурсов. А как обстоит дело в богатых нефтяных шейхствах Персидского залива? Им-то нет причин бояться значительного прироста населения?

Горе богатых

Большинство этих режимов приветствует рост рождаемости. Он позволяет надеяться, что со временем страны Персидского залива смогут обходиться без импорта иностранной рабочей силы и без нежелательных иностранных идей, которые несет с собой эта рабочая сила. Но и у этих стран есть причины для беспокойства. Население в странах Персидского залива растет еще быстрее, чем в Египте: примерно на 3,5% в год. Это значит, что в ближайшие 20 лет оно удвоится – с 10 до 20 миллионов. Но трудности начнутся раньше. Как считает британская консультативная фирма «Birks and Sinclair», к 1992 г. почти половина жителей Саудовской Аравии будет моложе 14 лет.

Правительствам стран Персидского залива все труднее будет соблюдать неписанный общественный договор. Будучи богатыми, они дали своим гражданам невыполнимо щедрые обещания. Граждане этих стран не должны платить подоходный налог, оплачивать учебу в школе и медицинское обслуживание или платить за электроэнергию по ее фактической цене. Граждане Саудовской Аравии уверены, что найдут достойную и хорошо оплачиваемую работу независимо от своих профессиональных данных. Каждый житель этой страны имеет право получить от государства участок земли и беспроцентный заем в размере 80 тысяч долларов на строительство дома. Конечно, у Саудовской Аравии огромные запасы нефти. Но Оман проявляет почти такую же щедрость, хотя его нефтяные ресурсы могут истощиться в ближайшие 20 лет.

Один из возможных способов борьбы с перенаселением – это миграция. Плотность населения в арабском мире неодинакова. Собственная рабочая сила богатых стран Аравийского полуострова по-прежнему малочисленна и низкой квалификации. С 30-х годов, с начала развития здесь нефтедобывающей промышленности, страны Персидского залива неизменно привлекают арабов отовсюду. Нефтяной бум, наступивший после войны Судного дня в 1973 г., превратил эти страны в крупных импортеров арабской и неарабской рабочей силы. Их способность обеспечить работой безработных Египта, Йемена и Иордании сделала их политически необходимым предохранительным клапаном для стран – экспортеров рабочей силы.

По данным Международной организации труда, каждый пятый египтянин – безработный. От 2 до 4 миллионов египтян работают за границей. Боль-

шинство в Ираке, остальные в основном в Ливии, Иордании, Северном Йемене и в странах Персидского залива. Деньги, которые они присылают домой, и сбережения, привозимые по возвращении, стали необходимой частью египетской экономики.

В Иордании миграция вызвана не столько нехваткой работы вообще, сколько нехваткой такой работы, которую иорданцы готовы выполнять. В гостиницах Аммана филиппинцев среди прислуги не меньше, чем арабов. В иорданских хлебопекарнях работают почти исключительно египтяне, получающие жалование, которое иорданцы считают смехотворным. Большую часть иорданских безработных составляют недавние выпускники высших учебных заведений, которые не могут найти работу, соответствующую их запросам. Многие иорданцы сами едут в страны Персидского залива, где выполняют квалифицированную инженерную работу. Они неизменно жалуются на низкую зарплату, в то время как их фирмы вынуждены нанимать множество местных жителей в качестве «охранников» и «шоферов» – ненужных, низкоквалифицированных, но высокооплачиваемых.

Необходимость направлять поток рабочей силы как раз и послужила одним из мотивов создания трех экономических союзов: СССРПЗ, САМ и САС. Но есть две причины, делающие миграцию политически опасной. Во-первых, напряженность может возникнуть из-за того, что потребность в рабочей силе в странах Персидского залива не всегда одинакова. Во-вторых, у этих стран двойственное отношение к растущим армиям иностранных рабочих.

Потребность в рабочей силе в странах Персидского залива резко возросла в связи с нефтяным бумом 70-х годов, а потом столь же резко снизилась в последовавшие за тем годы спада. В результате этих скачков многие египтяне, йеменцы и иорданцы были вынуждены вернуться домой. Заработная плата оставшихся снизилась, и они стали меньше посылать домой. Ирано-иракская война принесла некоторую компенсацию: в разгар войны до 2 миллионов египтян нашли работу в Ираке, заменив иракцев, отправленных на фронт. В 1988 г. наступило прекращение огня, и ситуация в Ираке снова изменилась.

По мере демобилизации Ирак стал высылать на родину тысячи египетских рабочих. Кроме того, Ирак ограничил количество твердой валюты, которую египтянам разрешается посылать домой. Ирак и Египет – союзники по недавно созданному Совету арабского сотрудничества, так что Ирак должен был бы предоставить египетским рабочим преимущественные права. Но в действительности миграция портит отношения между этими странами. Вернувшись домой, египтяне жалуются на плохое обращение в Ираке и говорят, что их бывшие хозяева не до конца с ними расплатились.

Монархии, входящие в состав СССРПЗ, тоже все более неохотно предоставляют работу иностранцам. Хотя они и обладают сказочными богатствами, основу этих государств составляют небольшие традиционные общины племенного типа, которые уже и так страдают от того, что их страны буквально наводнила иностранная рабочая сила. Они приветствуют свободное передвижение арабов в странах – членах СССРПЗ, представляющих собою однотипные общества, но их совсем не радует бесконтрольный приток рабочих из более широкого арабского мира.

Их опасения понятны. Уже сейчас в Кувейте на каждых двух собственных граждан приходится три иностранца: в основном это иорданцы и палестинцы. В 1985 г. в Саудовской Аравии из 4,4 миллиона работающих 2,7 миллиона составляли иностранцы. Оман активно препятствует иммиграции арабских рабочих; большинство наемных рабочих здесь индийцы и пакистанцы. Но при этом больше половины школьных учителей в Омане – египтяне. Потенциальные мигранты из северных арабских стран недовольны тем, что монархии Персидского залива все больше предпочитают более дешевых и покладистых рабочих из Азии.

Приезжие рабочие в шейхствах Персидского залива пока еще не требуют расширения своих прав. Многие, живя в постоянном страхе перед высылкой, боятся выражать свои требования. Но со временем они это сделают. Значительная часть иностранцев живет в Кувейте давно, и они считают, что поскольку они помогли построить новое государство, то заслуживают стать полноправными его гражданами. А вместо этого Кувейт максимально затруднил натурализацию. Те, кому посчастливилось получить гражданство, еще на 20 лет лишены права избирать, но и после этого не смогут быть избранными.

Но проблема иностранной рабочей силы стоит не только перед арабским миром. Для стран Магриба, как и для Египта, в условиях перенаселения миграция стала необходимостью. Жители Магриба пересекают Средиземное море и направляются в Европу, вместо того чтобы ехать на юг, в страны Персидского залива. По некоторым подсчетам, за последние 20 лет в Европе работало 9 миллионов жителей Северной Африки.

В принципе имеется обширная область для сотрудничества с Западной Европой, где население не растет, но стареет, и Магрибом, где оно увеличивается и постоянно молодеет. Через 20 лет общее население Марокко, Туниса и Алжира может вдвое превысить население Франции; тогда стук в ворота Европы станет громче. Но 1,5 миллиона выходцев из Северной Африки уже живут во Франции, и это привело, в частности, к обострению расовых конфликтов. А что если в будущем Западная Европа в поисках рабочей силы обратится к братьям-христианам в недавно освободившихся странах Восточной Европы, а не к мусульманскому югу? В конце концов арабский мир должен найти способ решить проблемы своего народа, вместо того, чтобы просто его экспортировать.

Обожженная земля

В засушливых землях Ближнего Востока вода – бесценное сокровище. На встречах арабских руководителей на высшем уровне много говорится о «гарантиях водообеспечения». В прошлом году эта проблема встала особенно остро. Арабы считают, что неарабские страны, расположенные выше по течению трех важнейших рек этого региона – Евфрата, Иордана и Нила, – угрожают лишить их доступа к воде.

Это не пустое беспокойство. В январе нынешнего года Турция на несколько недель прервала течение Евфрата по его древнему руслу в Месопотамскую низменность. Туркам была нужна вода, чтобы наполнить новое водохранилище Ататюрка – крупнейшее из 21 водохранилища, которые входят в Великий Анатолийский проект. Посредством этого проекта турки надеются создать до 2 млн. га новых посевных площадей и обеспечить гидроэлектросилой юго-восточные области страны. Это сулит Турции большие перспективы, а Сирии и Ираку, расположенным ниже по течению Евфрата, внушает столь же большую тревогу.

Раньше Евфрат в среднем давал Сирии около 30 миллиардов м³ воды в год. Водоохранилище Ататюрка вмещает 50 миллиардов м³. Чтобы наполнить его за один раз, Турции пришлось бы остановить течение Евфрата примерно на два года. В действительности наполнение будет постепенным. И все же полное осуществление Великого Анатолийского проекта может сократить постоянную долю воды для Сирии на 40%, а для Ирака на 80%.

Турки, конечно, не будут постоянно лишать воды лежащие в нижнем течении Евфрата страны. А может быть, и будут? Арабы помнят печальный прецедент с Иорданом, который до впадения в Мертвое море протекает через Сирию, Израиль и Иорданию. В середине 80-х годов эти три страны обсуждали американский план раздела вод Иордана. Из-за состояния войны между Израилем и его арабскими партнерами этот план так и не был осуществлен. Вместо этого Израиль через Национальную ирригационную систему

стал отводить воды Иордана до его впадения в Тивериадское озеро, направляя их в центральные области страны и в пустыню Негев. Иордания все же получает воду из реки Ярмук через Восточно-Гхорский канал, но та небольшая часть воды, которая течет из Тивериадского озера на юг, сейчас настолько соленая, что не годится для полива.

Сельское хозяйство Египта целиком зависит от Нила. В 1986 и 1987 гг. засуха в Судане и Эфиопии привела к понижению уровня Нила, что вызвало беспокойство у египтян. Обильные дожди 1988 г. их несколько успокоили. Но сейчас у египтян новые тревоги. Правительственные чиновники полагают (хотя и не приводят никаких доказательств), что израильские гидротехники изучают водные ресурсы Эфиопии и Уганды. Это вызвало опасения, не планируют ли правительства стран, расположенных выше по течению Нила, создать ирригационную систему, которая уменьшит объем воды, достигающей Египта.

Разговоры о войне

В этой ситуации стало модно говорить, что следующая война на Ближнем Востоке случится из-за воды. Но война все же маловероятна. Конечно, прервав на месяц течение Евфрата, Турция поступила недопустимо, но последовавшие за этим протесты Сирии и Ирака показали, какого рода последствий следует в этом случае ожидать. Осуществление Турцией Великого Анатолийского проекта максимально отразится на водах Евфрата в 1994 г., так что остается еще достаточно оснований для трений. Но трения – не то же самое, что война.

У Сирии и Ирака есть серьезные основания для беспокойства. По меньшей мере половина жителей Сирии занята в сельском хозяйстве, которое в основном зависит от орошения водами Евфрата. А Ирак тревожат не только турецкие, но и сирийские плотины. Когда в 1975 г. Сирия построила мощную плотину в Аль-Тавре, Ирак обвинил ее в понижении уровня Евфрата ниже допустимого уровня и немедленно подвел свои войска к границе. Сейчас Сирия строит вторую плотину. Сирийцы опасаются, что Турция может использовать контроль над Евфратом в политических целях: например, чтобы заставить Сирию прекратить помощь курдским повстанцам в Анатолии. Турция в свою очередь предполагает, что Сирия может использовать свою помощь повстанцам как средство давления в переговорах о воде.

Турция приводит вполне разумные гидрологические обоснования необходимости строительства плотин. Имеет смысл строить плотины на такой реке, как Евфрат, которая подвержена сезонным разливам. Имеет смысл строить плотины именно в относительно прохладной Турции, а не в жарких Ираке и Сирии, где вода будет гораздо больше испаряться. Ирак, как указывают турки, пользуется Тигром и с некоторыми затратами может направить его воды в русло Евфрата.

Более того, Турция проявила понимание тревог своих соседей, находящихся ниже по течению. Эти три страны вели практические переговоры о воде в течение 80-х гг. (и несмотря на взаимную ненависть Сирии и Ирака, 16 апреля с.г. эти два государства подписали договор о совместном пользовании Евфратом). Турция даже предложила построить «водопровод мира», который отвел бы на Ближний Восток воды Джейхана и Сейхана – турецких рек, которые впадают в Средиземное море, не принося никакой пользы. По плану Турции, который ее арабские соседи отвергли как пропагандистский трюк, предполагалось провести один рукав водопровода через Сирию и Ирак, а другой – через Сирию, Иорданию и Саудовскую Аравию. Одна американская строительная компания оценила стоимость этого проекта в 21 миллиард долларов. Это дорого, но гораздо дешевле войны.

Турция поддерживает дипломатические отношения и расширяет торговые связи со своими арабскими соседями. У Израиля нет ни того, ни другого, по-

этому, считают некоторые, спор о воде скорее возникнет между арабами и Израилем. Те, кто придерживаются этой точки зрения, напоминают об артиллерийских перестрелках между Сирией и Израилем, происходивших в 50-е годы, когда Сирия пыталась вынудить Израиль прекратить строительство Национальной ирригационной системы, а также в 1965 и 1966 гг., когда Израиль применил силу, чтобы помешать Сирии отвести воды Иордана в его верховьях. Арабы утверждают, что Израиль перекрывает воды реки Эль-Литани в Южном Ливане и что израильские фермеры берут слишком много воды из колодцев на оккупированном Западном берегу.

Проблема воды действительно присутствует в арабо-израильском конфликте. Она могла бы стать предлогом для начала войны в будущем и, несомненно, должна учитываться при любых переговорах. Но все-таки она вряд ли может привести к войне, в особенности к арабо-израильской. Иордания, в военном отношении уступающая Израилю, уже лишена возможности пользоваться Иорданом и вряд ли решится воевать ради воды. Сирия и Израиль, напротив, хорошо вооружены, обладают ракетами и ядерными боеголовками. Воюя друг с другом, они потеряют больше, чем приобретут от манипуляций с водами Иордана.

Безусловно, постоянная напряженность отношений между Израилем и его соседями не позволит никому из них осуществить какие-либо действия, связанные с водой, в одностороннем порядке. Израиль строил свою Национальную ирригационную систему, когда был несравненно сильнее Сирии. Теперь он хорошенько подумал бы, прежде чем затевать дорогостоящий военный конфликт с президентом Асадом. Сирии и Иордании еще только предстоит начать работу по строительству давно запланированной плотины Аль-Вахда («Единство») на реке Ярмук близ Галилейского моря. Без этой плотины Иордания к 1995 г., возможно, не будет хватать воды, однако Иордания понимает, что было бы безумием начать строительство без согласия Израиля. Сирия, Иордания и Израиль ведут не прямые секретные переговоры о сооружении плотины «Единство».

А что же Нил? Совсем неудивительно, что Эфиопия консультировалась по вопросам воды с израильскими инженерами (хотя изнуренная войной Эфиопия вряд ли в состоянии осуществить обширный строительный проект). Израиль и Эфиопия недавно возобновили дипломатические отношения. Более того, Израиль в свое время избрал политику, которую он назвал «периферийной». Она состоит в том, чтобы дестабилизировать враждебные ему арабские государства путем заигрывания с такими соседями арабов, как Иран и Эфиопия. Но это было задолго до заключения мирного договора с Египтом. Трудно предположить, что Израиль нарушит этот договор ради строительного контракта или улучшения отношений с шаткой империей эфиопского президента Менгисту Хайле Мариама.

Споры из-за воды, наверное, не приведут к войне. И все же это серьезная проблема для арабского мира. Элиас Саламех, возглавляющий Центр по исследованию водных ресурсов при Иорданском университете в Аммане, считает, что в среднем жители Иордании потребляют 83 л воды в день на человека (для сравнения: жители соседнего Израиля потребляют более 250 л, а жители Западной Европы – 350 л в день). Причем в Иордании, как и в Сирии, летом в водопроводе часто нет воды. У Иордании мало шансов на расширение водных ресурсов, притом что в ближайшие 20 лет ее население удвоится.

Вырастить самим

Как же быть этим странам? Они могут эффективнее использовать воду, если у них есть деньги на возведение ирригационных сооружений. Но многие иорданские фермы уже и так используют воду настолько эффективно, на-

сколько это позволяет современная технология. Чтобы обходиться собственными гидрологическими ресурсами, арабскому миру пришлось бы просто признать необходимость сокращения объема сельского хозяйства. Но – увы! – немногие правительства готовы принять этот вывод.

Куда там! Большинство арабских стран считает, что способность обеспечить себя продовольствием необходима для поддержания национальной безопасности. Это мнение особенно укрепилось в 70-х гг., когда некоторые американские политики предлагали использовать продовольствие в качестве оружия против арабов, – так же как арабы использовали нефть для борьбы с Западом. Эти западные угрозы с тех пор почти не раздавались вновь. Однако многие арабские правительства и поныне мечтают о несбыточном: о полном обеспечении своих стран продовольствием. И это несмотря на то, что рост населения и изменение рациона питания приводят к увеличению доли валового внутреннего продукта (ВВП), затрачиваемой на импорт пищевых продуктов.

Стремление добиться самообеспечения продовольствием приводит к бессмысленной растрате драгоценных подземных вод, которые расходуются на выращивание злаковых вместо ценных экспортируемых культур. Саудовская Аравия с помощью артезианских скважин в пустыне добывает воду для выращивания пшеницы. В прошлом году правительство покупало пшеницу у фермеров, платя им более 500 долларов за тонну. Неудивительно, что некоторые фермеры продавали при этом больше пшеницы, чем сами выращивали. Они покупают ее за границей, нелегально ввозят в страну и, продавая ее правительству как свою, наживаются за счет непомерно высоких государственных цен.

В 1989 г. правительство Саудовской Аравии субсидировало производство пшеницы на сумму в один миллиард долларов, превратив страну в конечном счете в экспортера зерна. Импорт такого же количества пшеницы по рыночным ценам обошелся бы всего лишь в 120 миллионов. На это власти возражают, что благодаря такой политике страна смогла обеспечить себя продуктами питания на 35%, в то время как в 1985 г. эта доля составляла только 15%. К 1988 г. 3 миллиона га стали пригодными для земледелия, тогда как в 1975 г. площадь обрабатываемых земель составляла только 150 тысяч га. Саудовская Аравия считает, что субсидирование сельского хозяйства – прекрасный способ разнообразить экономику, которая до сих пор определялась только добычей нефти, и дать возможность фермерам тоже извлечь выгоду из нефтяных богатств страны.

Возможно, это небесмысленно. Но проблема в том, что подземные воды постепенно иссякнут. По неофициальным данным Министерства сельского хозяйства США, 90% используемых Саудовской Аравией вод поступает из возобновляемых водоносных пластов. По расчетам американцев (арабы думают иначе), эти водоносные пласты могут истощиться через 10–20 лет, если потребление воды в Саудовской Аравии будет расти с теперешней скоростью – на 10% в год. В конечном счете, если Саудовская Аравия не разовьет технологию опреснения морской воды, она никогда не сможет полностью обеспечить себя пищей. А деньги и воду, вероятно, можно было бы использовать эффективнее.

Ливия – еще один пример неправильного использования воды. Она строит грандиозный трубопровод под названием «Великая рукотворная река», чтобы провести воду, выкачиваемую из-под Сахары, на север, к средиземноморскому побережью, для орошения. Стоимость этого проекта – 25 миллиардов долларов (немного больше, чем стоит предлагаемый Турцией «водопровод мира», который Сирия и Ирак считают недопустимо дорогим). Тони Эллен, профессор факультета востоковедения и африканистики Лондонского университета, полагает, что пренебрежительное отношение, которое мир проявляет к этому проекту, непростительно: ведь в Ливии нет рек, так что ей действительно необходимо использовать подземные воды Сахары. Но он считает, что

вода, которая обходится так дорого, должна использоваться эффективно и только для нужд города, а не для полива пшеницы и развития скотоводства, как первоначально хотел полковник Муаммар Каддафи.

Западные люди не вправе смеяться над всем этим. Европейские и североамериканские правительства тоже предоставляют фермерам щедрые субсидии. Наверное, у них для этого еще меньше оправданий. На выжженных землях Ближнего Востока земледелие исторически приобрело особое значение. Миллионы египтян живут, зажатые на узкой полоске между Нилом и пустыней. Лишь 4% египетской земли (площадь, равная территории Швейцарии) пригодны для обработки. Неудивительно, что правительство считает освоение земли первоочередной национальной задачей – даже притом что у него совсем нет воды, необходимой для намеченных грандиозных проектов. Как это ни горько, когда-нибудь настанет день, когда арабские правительства должны будут осознать: если живешь в пустыне, то воду и продовольствие одновременно обеспечить довольно трудно.

Спасет ли нефть?

По мере развития мировой экономики растет и потребность в нефти. Сейчас примерно две трети мировых запасов нефти принадлежат 13 членам ОПЕК, большинство из которых – арабские страны. Саудовской Аравии, Ираку и Кувейту принадлежат две пятых. Насколько серьезны, в свете этих цифр, трудности арабского мира?

Ответ: как это ни странно, весьма серьезны. Нефть оказалась ненадежным союзником в трех отношениях: цены на нее неустойчивы, она деформирует основную на ее добыче экономику, а также усугубляет взаимную неприязнь богатых и бедных арабских стран.

В течение семи лет после арабо-израильской войны 1973 г. нефть приносила арабскому миру невиданные доходы. В 1973 г. арабские страны – члены ОПЕК вместе с Ираном получили не менее 20 миллиардов долларов. В 1980 г., после того как иранская революция вызвала новое повышение цен, прибыли достигли почти 220 миллиардов. Потом, когда в мире обнаружались другие поставщики нефти и новые способы экономии энергии, наступило шестилетие губительного спада. К 1986 г. прибыли снизились до 60 миллиардов долларов.

Возможно, перспектива на 90-е годы лучше. В странах Персидского залива считают, что дело идет к новому подъему. Логика примерно такая. После резкого падения цен на нефть в 1986 г. мировой спрос на нее увеличился приблизительно на 2% в год. Сейчас у ОПЕК покупают 20–21 миллион баррелей в день. К 1995 г. спрос достигнет примерно 33 миллионов баррелей в день. Но в последние годы потенциальная производительность ближневосточного картеля снизилась, возможно, до 26–27 миллионов баррелей в день. Поскольку страны, не входящие в ОПЕК, не смогут восполнить возникающую нехватку, спрос превысит предложение, цены вырастут, и ОПЕК вновь возьмет свое.

Не правда ли, эти доводы кажутся неопровержимыми? Столь же несомненными представлялось и большинство оптимистических прогнозов относительно нефти – и большая часть их не оправдалась. А если потребность в нефти будет расти медленнее, чем предполагается? Это может случиться в связи с тем, что развитые страны Запада обеспокоены состоянием окружающей среды. А если новые методы разведки и бурения увеличат сверх ожидаемого объем нефти, добываемой в странах, не входящих в ОПЕК, – как это было в прошлые десятилетия? А что если ожидаемое снижение производительности самого картеля так и не произойдет? Судя по всему, члены ОПЕК, особенно Саудовская Аравия и Ирак, готовятся к значительному увеличению добычи.

Рассмотрим эти соображения. В странах – участницах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) уменьшается количество допол-

нительной нефти, необходимой для получения дополнительного доллара ВВП: со времени нефтяного кризиса 1973 г. до 1985 г. оно снизилось на целых 40%! Забота об окружающей среде – главная причина этого снижения – играет все большую роль по мере того, как западные правительства учитывают экологическую обеспокоенность избирателей. Правда, более бедным странам не по карману экологически чистая технология, поэтому они будут дольше потреблять нефть в большом количестве. Но на развивающиеся страны приходится только две пятых мирового потребления нефти.

Страны ОПЕК довольны тем, что не входящие в эту организацию поставщики нефти довольно слабо повышают свою производительность. Добыча нефти для них, безусловно, обходится дороже. Многие американские скважины пришлось забросить из-за падения цен на нефть. Но и здесь тоже технология может свести на нет преимущество ОПЕК. Машинное моделирование облегчает поиск новых месторождений, а техника горизонтального бурения позволяет воскрешать прежде неэкономичные скважины. В США многие политики и большинство нефтяных компаний начали выражать беспокойство по поводу растущей зависимости Америки от импорта нефти. Ряд американских геологов полагает, что нефтяные ресурсы США вдвое больше, чем считалось раньше. В прошлом многие прогнозы оказывались ошибочными именно из-за недооценки размеров ресурсов, принадлежащих странам, не входящим в ОПЕК.

Но больше, чем технология, картелю угрожают реалии политической жизни. Интересы его членов редко совпадают и часто противоречат друг другу.

Устанавливая квоты добычи нефти для каждого члена, ОПЕК надеется тем самым обеспечить повышение цен под напором растущего спроса. Но когда цены в самом деле повышаются, производители не могут удержаться, чтобы не превысить свою квоту, и продают значительно больше нефти. Хуже того, арабские страны – члены картеля разделились на две группы, у каждой из которых своя тактика. В одну группу входят страны (как например, Ирак), которые жаждут получить иностранную валюту, и потому им не терпится добиться повышения цен. Другую группу составляют маленькие шейхства и эмираты с огромными нефтяными месторождениями, расположенными в пустыне. Они не торопятся получать наличные, а предпочитают терпеливо расширять свою долю на рынке, что позволит им вытеснить конкурентов путем сохранения относительно низких цен.

Наконец, еще один конфликт внутри картеля возникает из-за того, что некоторые его члены увеличивают капиталовложения в производство нефтяных продуктов (таких, как бензин) и их розничную продажу западным потребителям. Кувейт, вкладывающий в это большие средства, стремится помешать росту цен, так как это приводит к уменьшению продажи бензина в Европе через недавно приобретенную Кувейтом сеть бензозаправочных станций. Ирак, напротив, заинтересован в росте цен, что облегчило бы ему восстановление экономики после войны с Ираном. На состоявшейся в феврале небольшой встрече арабских руководителей в верхах президент Ирака Саддам Хусейн предложил снова использовать нефть как оружие против США, чтобы наказать их за поддержку Израиля. В Кувейте, должно быть, содрогнулись от ужаса.

Работа и рента

Не только непредсказуемость цен делает нефть ненадежной опорой. Как ни странно это звучит, добыча нефти может сделать обогащение болезненно легким.

В стране, где экономика основана на добыче нефти, лишь небольшая часть населения ответственна за создание капитала: остальные только его тратят. Когда деньги достаются слишком легко, вырабатывается особая психология.

Богатство воспринимается как нечто упавшее с неба, как право, а не как награда за труд или риск. Приносимые добычей нефти прибыли попадают к властям, которые на этом основании считают себя благодетелями, а не организаторами производства. Экономисты называют это психологией рантье. А неспециалисты считают, что многие жители Саудовской Аравии просто слишком богаты и не любят тяжелой работы.

Критика в адрес арабов Персидского залива, звучащая с начала нефтяного бума, во многом несправедлива. Конечно, внезапное обогащение привело к бессмысленным тратам и расточительности: большая часть полученных доходов ушла в западные банки, откуда провалилась в бездну задолженности Третьего мира. И все же нефтяные доллары позволили прежде отсталым странам Аравийского полуострова создать современные инфраструктуры, не залезая в непомерные долги. Если некоторые грандиозные проекты – гигантские незаполняемые стадионы, 40-этажные торговые центры, пустующие университеты – оказались никому не нужной роскошью, то дороги, школы и больницы были жизненно необходимы.

Те государства, которых не прельщает перспектива в будущем превратиться в рантье, активно пытаются разнообразить экономику. Пятилетние планы стран Персидского залива показывают их стремление строить заводы, расширять сельское хозяйство и делать экономику менее зависимой от добычи нефти. Саудовская Аравия требует от западных правительств, продающих ей оружие, вкладывать в местные предприятия деньги и технологию. Самое трудное состоит в том, чтобы определить, в каких отраслях экономики (помимо нефтехимии, которая тоже наталкивается на европейский протекционизм) страны Персидского залива имеют сравнительные преимущества – имея в виду ограниченность внутреннего рынка и низкоквалифицированную рабочую силу. Английские фирмы, которые заняты поиском выгодных капиталовложений, – в соответствии с соглашением, входящим в грандиозный договор о поставке оружия Саудовской Аравии, – оказались в очень трудном положении.

Существует ли другой путь? Кувейт выбрал иную тактику. Понимая ограниченность своего промышленного потенциала, он сосредоточил усилия на приобретении производственных и торговых предприятий в Европе. Возможно, это хорошо для государства-города (в Кувейте все еще меньше двух миллионов жителей), но это совсем не подходит для тех стран, которые на пороге нового тысячелетия будут главным образом озабочены тем, как найти для своего растущего населения какую-нибудь работу, не подрывая при этом экономику. А следование тактике Кувейта открывает их всем болезням – реальным или воображаемым, – характерным для экономики стран-рантье. От индустриализации арабам Персидского залива – одни несчастья, независимо от того, проводят они ее или нет.

Как трудно делиться!

У разных арабских стран разные экономические проблемы. Саудовская Аравия может позволить себе строить экономику на песке, потому что под этим песком лежит нефтяной океан. В Ираке – почти полное равновесие между нефтяными ресурсами, количеством населения и запасом воды. Его ждет прекрасное будущее, если только президент Хусейн не начнет новую войну (и если он сможет справиться с долгом в 60 миллиардов долларов, оставшимся от ирано-иракской войны). Более бедные арабские государства, видя, что их соседи разбогатели, тоже хотят получить часть прибылей. Этим и объясняется их внезапный энтузиазм по поводу экономической интеграции европейского типа. Во время ирано-иракской войны страны СССР выделили на военную помощь Ираку 40 миллиардов долларов. Небольшая часть этих денег, если бы ее вложили в египетскую экономику, могла бы совершенно ее изменить. Многим арабам в новых региональных организациях – СССР, САМ

и САС – видятся зародыши экономических сообществ, которые будут способствовать развитию межарабской торговли и инвестиций. Возможно, это тщетная надежда. Новые организации, безусловно, обещают больше, чем Лига арабских стран, которая скована тем, что в нее входит 21 член, а устав требует единогласия для принятия любого решения. Но и новые организации – это в первую очередь политические объединения, которые и в будущем не будут стремиться создавать взаимодополняющие экономические системы.

На торговлю внутри САС (Египет, Ирак, Иордания и Северный Йемен) приходится жалких пять процентов. У САМ, члены которого граничат друг с другом, положение не лучше: важные экономические связи в Магрибе протянулись с севера на юг через Средиземное море, а не с востока на запад, через пески Северной Африки. В течение 10 лет члены СССР боролись за снижение тарифных барьеров, но поскольку им не к чему покупать друг у друга нефть, – а это главный предмет их экспорта, – то это почти не имеет значения.

Все это вовсе не означает, что бедные арабские страны не могут извлечь пользу из нефтяных сокровищ своих богатых соседей. Кое-что они уже извлекли, продавая рабочую силу странам Персидского залива и получая деньги за поддержку таких популярных кампаний, как борьба с Израилем или война с Ираном. Но никакие фантастические организации не приведут к серьезным взаимным капиталовложениям арабских стран. Для этого требуется по меньшей мере два условия, которые бюрократы обеспечить не в силах: политическая стабильность и благоприятствующая инвестициям экономика, при которой предприниматели могут действовать, даже не заручившись друзьями в президентском дворце. Как говорит бывший египетский дипломат Тахсин Башир, «для экономического союза необходимо, чтобы страны управлялись законами а не личностями».

Путь к демократии

В ноябре прошлого года в Иордании впервые за 20 лет состоялись выборы в нижнюю палату парламента. Выборы были свободными, кандидаты беспрепятственно проводили избирательную кампанию, и никто не обвинил правительство в фальсификации результатов. Одновременно правительство смягчило ограничения, наложенные на прессу, начало постепенно снимать военное положение, вновь позволило печататься ранее запрещенным авторам и вернуло политическим диссидентам изъятые у них паспорта.

Иорданцы очень гордятся этими переменами. Они утверждают, что теперь их маленькое королевство стало авангардом демократии в арабском мире и тем самым дестабилизирует соседние диктаторские режимы, такие, как Сирия и Ирак, и побуждает жителей Кувейта бороться за возобновление деятельности своего парламента, закрытого в 1986 г. Многие иорданцы говорят, что эти реформы опровергают утверждения Израиля о том, что он – единственное подлинно демократическое государство на Ближнем Востоке.

Эти заявления слишком поспешны. Ураган демократии, уничтоживший тоталитарные режимы в Восточной Европе, пока что отозвался в арабском мире, в лучшем случае, легким бризом. В большинстве стран – в Сирии, Ираке, Ливии, на Аравийском полуострове – авторитарное правление диктаторов и монархов едва ли пошатнулось. Египет занят какими-то загадочными махинациями с выборами. А в тех немногих местах, где политические реформы уже начались, исход пока неизвестен. Посмотрим на три государства-экспериментатора: Иорданию, Кувейт и Алжир.

Король — раз и навсегда

Вновь избранная нижняя палата иорданского парламента в первые месяцы своей деятельности обнаружила поразительную независимость. В декабре

прошлого года депутаты выставили на осмеяние нового премьер-министра, добиваясь от него множества уступок, прежде чем вынести вотум доверия его администрации. При этом была обнаружена коррупция в самых высоких инстанциях. И все же надо признать горькую правду: Иордания остается старомодной монархией. Король Хусейн руководит военной и внешнеполитической деятельностью страны. Он назначает правительство, премьер-министра и всех членов сената, который может блокировать принятие новых законов. При действующей конституции монарх сможет сместить правительство, распустить парламент и править страной на основании собственных декретов.

Даже нынешняя свобода печати ограничена. Правда, правительственные цензоры больше не сидят в редакциях газет, произвольно вырезая материалы. Снят запрет и с писательской организации. Но вот англоязычная «Jordan Times» – наиболее свободная из иорданских газет – недавно была вынуждена извиниться за публикацию точки зрения Салмана Рушди, автора «Шайтанских сур». И все знают, что критика может доходить лишь до дворцовых ворот. Ни одна газета не осмелится прямо критиковать короля или даже угодную ему политику – например, крепнувший союз Иордании с Ираком.

Иорданцы уверяют, что их эксперимент только начинается: со временем, как они надеются, демократия осмелеет. Но многие из них воспринимают гражданские свободы как дар короля, а не как права, обеспеченные законом. Они – вполне понятно – опасаются, что эти новые свободы будут у них отняты так же внезапно, как были предоставлены. Некоторые сотрудники Иорданского университета в Аммане, воодушевленные атмосферой реформ, пытаются создать ассоциацию университетских преподавателей. Но многие боятся в нее вступать, чтобы в случае нового закручивания гаек не оказаться в списке неблагонадежных и не подвергнуться преследованиям.

В восточной части арабского мира Кувейт – единственное место, где бурлят демократические идеи. В прошлом году несколько тысяч представителей средних классов Кувейта не отступили перед слезоточивым газом, который применила против них полиция во время демонстрации протеста. Они требовали возобновления деятельности парламента, который был распущен в 1986 г. по приказу эмира шейха Джабера аль-Ахмеда ас-Сабаха.

Кувейт – мирная страна. Уличные шествия и жестокое их подавление полицией всколыхнули общественное мнение. Но это непохоже на революцию восточноевропейского образца. Парламент (куда входили только мужчины), открытия которого добивались демонстранты, всегда был просто говорильней. Он был закрыт в разгар ирано-иракской войны, когда правящая династия опасалась, что его антииранская критика вызовет военную агрессию со стороны Ирана. В действительности правящая династия, наверное, не меньше опасалась парламентской критики в адрес правительства в связи с крахом неофициальной фондовой биржи, Сук-аль-Манах.

Этот скандал уже почти забыт. И клан ас-Сабах уже не боится нападения Ирана.¹ Однако эмиру не хочется возвращаться к парламенту. Жизнь эмира, безусловно, гораздо удобнее без парламента. В апреле монарх объявил, что вместо парламента создается «национальный совет». Треть его членов будет назначаться эмиром, а остальные две трети – избираться. У Совета не будет законодательной власти, но он должен будет «оценить наш прошлый парламентский опыт и предложить меры к дальнейшему развитию демократии».

За выполнением этого решения эмира будут внимательно следить соседи Кувейта. Король Саудовской Аравии Фахд вскоре после вступления на престол в 1982 г. пообещал создать меджлис – традиционный совещательный орган. Поданные все еще ждут. В настоящее время король обладает абсолютной властью, имея право налагать вето на любой законодательный акт Совета Министров, в котором – впрочем, – как и в других высших эшелонах

¹ Интервенция Ирака (а не Ирана!) круто изменила ход политического развития Кувейта (см. раздел «Политическое обозрение»). – Ред.

администрации – множество членов королевской семьи. Победа (пусть даже только полупобеда) демонстрантов в соседнем Кувейте – весьма нежелательный пример, с точки зрения правящего дома.

Чтобы увидеть подлинно смелый опыт демократии, нужно отправиться на запад – в Алжир. В октябре 1988 г. кровавые беспорядки прокатились по его столице. С тех пор президент Шадли Бенджедид начал осуществлять далеко идущие политические реформы. Новая конституция легализовала оппозиционные партии и положила конец политической монополии Фронта национального освобождения (ФНО), которой он пользовался с момента изгнания французов в 1962 г. На съезде ФНО в ноябре 1989 г. консервативная часть партии выразила по этому поводу недовольство, но президент Шадли, как кажется, решительно настроен двигаться вперед¹.

Во власти страха

Что касается политических уступок, на которые пошли правительства Иордании и Алжира, то примечательно, что они были сделаны под сильным нажимом. Король Хусейн, почти 40 лет сдерживавший свои демократические позы, стал действовать только тогда, когда его вынудили, под давлением извне в результате восстания палестинцев на оккупированных территориях и под угрозой волнений в стране в апреле 1989 г., вызванных повышением цен. Иордания обратилась за помощью в Международный валютный фонд, а это означало необходимость проведения соответствующей расчетливой политики. Возможно, что главным мотивом короля Хусейна при восстановлении парламента было стремление снять с себя ответственность за экономические трудности.

Но если Иорданию и Алжир можно заставить провести реформы с помощью уличных шествий восточноевропейского образца, то почему нельзя Сирию и Ирак? Потому что их режимы другого рода. Алжирское правительство трудно упрекнуть в чрезмерной мягкости во время беспорядков 1988 г.: солдаты расстреливали толпы вооруженных людей на улицах столицы. И все же в Алжире всегда было несколько центров власти, в частности, президент, сильный партийный аппарат и независимые вооруженные силы. Когда власть рассредоточена, она обычно бывает более умеренной.

А Сирия и Ирак, наоборот, – театр одного актёра. Их диктаторам удалось сконцентрировать в своих руках всю власть. Еще до краха Чаушеску в Румынии они понимали, что подобные режимы не в состоянии выдержать серьезного испытания. Оба президента готовы пойти на многое, лишь бы остаться у власти. В 1982 г. президент Хафез Асад с помощью солдат подавил восстание в г. Хама ценой 20 тысяч убитых, а президент Саддам Хусейн проявил такую же жестокость, устроив погромы злополучных иракских курдов. В обеих странах действует тайная полиция; пытки и внезапное исчезновение людей – обычное дело. По части жестокости Сирия и Ирак перещеголяли Румынию Чаушеску. И все же сравнение с Румынией неудачно: отсюда вовсе не следует, что сирийцы и иракцы непременно последуют примеру румынской революции. Президенты Хафез Асад и Саддам Хусейн – не эгоистичные мегаломаны, грабящие своих граждан для собственного обогащения. Они не довели экономику своих стран до развала, опираясь на марксистскую догму. Напротив, оба они, как кажется, посвятили себя тому, что сами считают национальным благом, и многие полагают, что они выпол-

¹ На выборах в местные органы власти, проведенных на основе демократического избирательного закона 12 июня с.г., неожиданно большого успеха добился «Исламский фронт спасения» – фундаменталистская организация во главе с шейхом Аббаси Мадани. ИФС набрал 55% голосов. Мадани потребовал отпуска парламента и проведения досрочных парламентских выборов, но не отставки президента Шадли Бенджедида, избранного в 1988 г. на 5-летний срок. Мадани подчеркивает, что не стремится к созданию однопартийного исламского государства, да и армия уже заявила, что не допустит этого. – Ред.

нили часть своих обещаний. Возможно, президент Хусейн и совершил грубую ошибку, начав восьмилетнюю войну против Ирана, однако им восхищаются за то, что он почти победил. Когда Ирак вышел из войны, его экономику еще можно было восстановить, а в будущем он мог бы рассчитывать на прибыли от добычи нефти¹. Сирию ждут более тяжелые времена, но президента Асада по-прежнему одобряют в стране за его вызывающее поведение по отношению к Западу и упорный отказ от компромисса с Израилем. Обоим президентам может угрожать военный путч или политическое убийство, но едва ли они лишатся власти в результате народного волнения.

Означает ли это, что они настолько уверены в себе, чтобы добровольно вести свои страны к демократии? Конечно же, они слишком прозорливы, чтобы повторить ошибку генерала Пиночета, который поверил собственной пропаганде и дал чилийцам возможность себя скинуть. И все-таки некоторое ослабление репрессий не исключено.

В прошлом году независимым кандидатам было позволено баллотироваться в не имеющий реальной власти парламент Ирака, а нескольким видным членам правящей партии Баас (Партия социалистического возрождения) дали провалиться на выборах. Сейчас ведутся разговоры о новой конституции, о расширении полномочий парламента и о новом законе, который предоставит печати некоторую свободу. В феврале этого года президент Асад утверждал, что не допустит в Сирии политических перемен восточноевропейского типа. Но в апреле Сирия объявила, что ее Народное собрание расширится, чтобы предоставить дополнительные места «независимым» членам.

Без дворцовых переворотов или народных восстаний подконтрольная эволюция такого типа может оказаться единственным шансом достичь каких-то полусвобод в самых темных уголках арабского мира. Скоро арабские лидеры станут хвалиться созданием плюрализма арабского типа. Беда лишь в том, что это будет плюрализм, при котором оппозиции можно участвовать в выборах, но нельзя на них побеждать, когда парламенты свободны, но не имеют власти; критиковать можно всех, но не королей и президентов, за которыми остается высшая власть. Апологеты назовут это «шагом в правильном направлении». Беда только в том, что это испортит репутацию демократии.

Цена подделки

Обратимся к Египту. Его неторопливый президент, Хосни Мубарак, конечно же, не тиран. Прежде чем принять решение, он, наверное, широко обсуждает его с военными и с крупными бизнесменами. В Египте есть парламент и разрешены оппозиционные партии. Правда, результаты выборов подтасовываются, но это не имеет особого значения, так как избираемый парламент все равно не имеет никакой власти. В газетах нет цензуры, но нет у них и доступа к неблагоприятной информации, так что пресса занята болтовней и слухами. В общем, египетское правительство, как и сам Египет, – приятное и не очень понятное.

Эта приятность имеет свою цену. Фальшивая демократия в конце концов дискредитирует тех, кто пытается играть по ее правилам. Светские оппозиционные партии в Египте и те, кто за них голосуют, знают, что им не позволят добиться власти. Они могут получить места в парламенте, но никогда не будут иметь тех преимуществ, какими пользуется правящая Национально-демократическая партия. НДП – подобно Институционно-революционной партии, бессменно правящей в Мексике, – стала частью государственного аппарата и сама участвует в распределении всякого рода благ. А когда поражение гарантировано, оппозиция легко впадает в уныние.

¹

Безумная авантюра с аннексией Кувейта перечеркнула все описанные автором возможности развития иракской экономики. – *Ред.*

Иордания не достигла и этого уровня. В 1957 г. король Хусейн запретил политические партии, сделав исключение для «Братьев-мусульман». Это дало последним преимущество на ноябрьских выборах. В то время как остальные кандидаты баллотировались индивидуально, «Братьям» разрешено было провести предвыборную кампанию под общими лозунгами. Если Иордании суждено стать реальной демократией, она должна будет вывести из подполья светские партии для политического соперничества с «братьями». Однако сначала король намеревается посредством новой «национальной хартии» установить некоторые общие правила. Его помощники говорят, что он хочет избежать повторения тревожных событий 50-х гг., когда насеристы, коммунисты и баасисты, пользуясь поддержкой и рекомендациями из-за рубежа, пытались свергнуть династию Хашимитов. Утверждают, что эта хартия предоставит большие права истинно иорданским партиям. Парламент настроен подозрительно. Некоторые его члены считают, что король использует хартию, чтобы укрепить собственную власть и задушить демократию, пока она еще в зародыше.

Если светская политическая оппозиция во всем арабском мире слаба, то религиозная настолько сильна, что вызывает беспокойство. Везде, где арабам дают возможность выбирать, побеждают партии исламского направления – исламские фундаменталисты, выражаясь газетным языком. В Египте «Братья-мусульмане» преобладают в парламентской оппозиции. На выборах в Иордании «братья» получили 20 мест в 80-местном парламенте, и еще 12 мест получили независимые исламские политические деятели. С начала политической либерализации в Алжире Исламский фронт спасения быстро стал наиболее сильным соперником НФО.

Между двух огней

Интерпретация этого явления меняется под влиянием моды. В первой половине 80-х гг. весь Ближний Восток дрожал от страха перед бородачами, которые были вооружены автоматами Калашникова и говорили, что обществу должно быть устроено в точном соответствии с принципами, установленными Мохаммедом. А потом Иран почти проиграл войну, и умер аятолла Хомейни. Сейчас в арабском мире стало модно давать слово «уважаемым» исламским политикам. Считается, что все равно никто не станет их особенно слушать.

Вчерашние страхи были преувеличенными, но и сегодняшнее несерьезное отношение может оказаться ошибкой. Действительно, в 80-е годы везде (Ливан – отчасти исключение), где люди с автоматами Калашникова решались посягнуть на государственную власть, их уничтожали. Резня в Хаме, устроенная сирийским правительством, покончила с исламской оппозицией. В Ираке в 1980 г. было уничтожено 500 активистов подпольного исламского движения «Дава». Люди с автоматами Калашникова в 1981 г. убили президента Садата, но революция, на которую они надеялись, не последовала. Разрозненные группы исламских воинов («джмаат исламийа») время от времени все еще совершают вооруженные нападения в Египте, но они почти лишены поддержки.

С другой стороны, по-прежнему пользуются симпатией исламские организации, действующие ненасильственными методами. У самой известной в арабском мире мусульманской организации «Братья-мусульмане» – бурное прошлое. Два наиболее знаменитых ее лидера – Хасан аль-Банна в 30-е и 40-е годы и Сайид Кутб в начале 60-х – проповедовали вооруженный захват власти. Сейчас «братья» говорят, что от этого они уже отказались. Их благонамеренные лидеры сидят в парламентах Египта и Иордании и выступают за мирные реформы. Президент Мубарак и король Хусейн полагают, что такой способ позволяет надежно сдерживать злые силы в исламе.

Может быть, они и правы. Легализация «братьев» позволила Египту бить клин между головорезами из «джамаат» и большинством, выступающим за ненасильственные методы. Но есть и еще одна причина, побуждающая правителей типа президента Мубарака и короля Хусейна терпеть, а иногда даже поддерживать популярность исламских групп. Как ни странно, рост исламской оппозиции способствует легитимации светской власти.

Каким образом? Во-первых, это позволяет добиться большей поддержки со стороны Запада. Западные правительства понимают, что победа исламского фундаментализма в арабском мире привела бы к ужасающим последствиям. Дело не только в том, что «Братья-мусульмане» никогда не признают Израиль. «Братья», кроме того, осуждают арабские государства Ближнего Востока, устроенные по современному образцу. «Мы не верим в искусственное деление региона. Для нас Палестина, Иордания и Сирия – одна страна», – говорит Абдул Латиф Арабийят, известный член исламского блока в парламенте Иордании. Если исламский фундаментализм – единственная альтернатива существующим режимам, то Запад предпочитает эти режимы. Призрак ислама может пригодиться и во внутренней политике. Об экономике у «Братьев-мусульман» самые примитивные представления. Спросите Маамона Одейби, лидера парламентской фракции «братьев», что, по его мнению, способно разрешить экономические проблемы Египта. Он ответит одним словом: ислам. «Братья» полагают, что уничтожив современные законы и вернувшись к строгому исполнению законов шариата (мусульманского права), они смогут высвободить колоссальную энергию. Однако многие египтяне, наблюдая Иран, считают, что более вероятный результат – нищета и нетерпимость. И они тоже предпочтут существующий режим, если альтернативой окажется исламский фундаментализм.

Но является ли ислам единственной альтернативой? Социолог из Американского университета в Каире Саадеддин Ибрахим сомневается в том, что исламские партии в условиях политической свободы могут получить больше 15% голосов.

Многих привлекает в «братьях» их благочестие, добрые дела, которые они делают в общинах при мечетях, помощь, которую они оказывают молодым людям, оторванным от своих деревенских семей и брошенным на произвол судьбы в непомерно разросшихся городах. Но «братьев» поддерживает и часть интеллигенции – главным образом потому, что светской оппозиции не существует.

В 60-е годы люди поддерживали государственный социализм Насера. Сегодня они поддерживают «Братьев-мусульман». Идеи Насера были дискредитированы его неспособностью привести страну к экономическому благополучию и унижением Египта в войне с Израилем в 1967 г. Партия Вафд предлагает вариант либерального устройства общества с рыночной экономикой, но в Египте идея свободного рынка была скомпрометирована, когда «инфитех», политика открытых дверей, проводившаяся президентом Садатом во второй половине 70-х годов, позволила невероятно обогатиться нескольким бизнесменам и ничего не принесла городской бедноте. Эта политика резко была изменена после голодных бунтов 1977 г. Для многих египтян, как и для алжирцев и иорданцев, голосование за исламские партии – всего лишь форма протеста в условиях, когда не остается ничего лучшего.

Пряча голову под крыло

«Наша экономика совершенно расстроена, мы слабы, мы от всех отстаем. Мы даже не можем остановить иммиграцию советских евреев в Израиль». Мы уже приводили эти слова арабского журналиста на званом ужине в Аммане. Обратите внимание на этот переход. До сих пор мы не касались внешней политики арабских стран, полагая, что важнейшие для арабского мира процес-

сы происходят внутри него. Но когда речь идет об Израиле, внутренняя и внешняя политики неразрывны.

В последние 50 лет арабы с разной силой ненавидели Израиль. Мне не раз приходилось слушать старые гнусные небылицы об Израиле. Один член иорданского парламента, говорил, что у входа в кнессет висит карта Израиля, простирающегося от Нила до Евфрата. А член египетского парламента утверждал, что такая же карта выбита на недавно выпущенной израильской монете в 5 агарот. Оба эти человека верили, что говорят правду. Но и то, и другое – неправда.

Оба говоривших принадлежали к партии «Братья-мусульмане», которая желает гибели Израиля, но подобных взглядов держатся и многие светские политики, ученые и простые люди во всем арабском мире. Где бы вы ни были, вы повсюду услышите, что развал арабской экономики вызван борьбой с Израилем, что Израиль виноват в отсутствии у арабов демократии, в недостатке воды, даже в распространении среди арабов инфекционных болезней. Египетские газеты обвиняли Израиль в том, что он заражает Египет СПИДом (через проституток, работающих на Мосад), разрушает озоновый слой над арабскими странами (но не над Израилем – факт, загадочный для любого ученого).

Арабо-израильский конфликт так долго оставался неразрешимым, что подобные взгляды никого сейчас не удивляют. Но с наступлением 90-х гг. стали появляться зловещие признаки того, что периоду относительного спокойствия приходит конец. Вспомним странное событие, которое недавно произошло в арабском мире.

В марте этого года, после того как в Ираке был повешен один английский журналист, в лондонском аэропорту Хитроу была пресечена попытка нелегально вывезти в Ирак устройства, применяемые в атомных бомбах. Естественно, что западная пресса обрушилась на президента Саддама Хусейна с жесточайшими нападками. В апреле он ответил на это речью, полной угроз. Ирак, заявил он, располагает арсеналом бинарного химического оружия, с помощью которого он может уничтожить «половину Израиля» в случае его нападения.

Удивление вызвала не сама речь. Удивительной была реакция на нее арабских стран. Не успел Ирак развернуть свои боевые знамена, как весь арабский мир поспешил построиться за ними. И в первых рядах оказались Египет и Иордания – два наиболее «умеренных» (по общему мнению) государств Ближнего Востока с прозападной ориентацией. Как кажется, угрозы в адрес Израиля снова стали самым надежным способом стяжать себе славу героя всего арабского мира.

Почему сейчас?

В 80-е гг. конфликт с Израилем несколько утих. С 1980 по 1988 г. Ирак был слишком занят войной с Ираном, чтобы думать об Израиле. Сирия оставалась непримиримым врагом Израиля, но израильско-египетский мирный договор 1979 г. сделал для нее войну невозможной. И даже бомбежка иракского ядерного реактора в 1981 г. и израильская интервенция в Ливане в 1982 г. не накалили атмосферу в остальных частях арабского мира. Более того, именно в 1982 г., когда арабы провели в Фесе совещание на высшем уровне о достижении мира между «всеми странами» региона, они, как никогда до того, приблизились к признанию Израиля.

Но в последнее время вновь нависла угроза войны. Одна из причин этого – интифада, восстание палестинцев на Западном берегу Иордана и в Газе, и отказ Израиля прекратить ее, освободив оккупированную территорию. Каждый вечер в сводках новостей телевидение во всех арабских странах показывает израильских солдат, действующих против гражданского населения.

Это зрелище усиливает испытываемое всеми чувство оскорбления и несправедливости, так что даже «умеренным» становится трудно говорить о Палестине спокойно. Но действуют и другие факторы.

Возьмем короля Иордании Хусейна. У него есть серьезные основания бояться Израиля. Некоторые израильские деятели, утверждающие, что именно Иордания и есть настоящая Палестина, мечтают направить энергию, возбужденную интифадой, на войну с династией Хашимитов. Но королю, который стремится предотвратить новые волнения в связи с ростом цен, в свою очередь выгодно преувеличивать и израильскую угрозу. В 1978 г. на встрече глав арабских государств в Багдаде Иордании была обещана финансовая помощь на 10 лет ввиду того, что она находится на передовой линии борьбы с Израилем. Но вот уже два года, как кончились багдадские деньги, и королю приходится еще громче кричать об опасности. Иордания громче остальных арабских стран протестует против иммиграции в Израиль советских евреев и одновременно укрепляет военное сотрудничество с Ираком.

А у Ирака другой расчет. Президента Хусейна, наверное, не прельщает реальная война с Израилем: его народ устал воевать, армия все еще не может выпускать из поля зрения непобежденный Иран. Зато разговоры ничего не стоят, и поэтому угрозы в адрес Израиля сделала президента Хусейна одним из самых популярных людей в арабском мире со времен Насера. Другим арабским странам остается только поддерживать эту кампанию: после 1948 г. ни одно арабское правительство, кроме Египта, не рискует заслужить обвинение в том, что не проявляет должного рвения в борьбе против сионизма.

Новые антиизраильские настроения представляют серьезную проблему для Египта. Во время ирано-иракской войны президент Мубарак оказывал поддержку Ираку, чтобы таким образом вернуть Египет в лоно арабского мира. В прошлом году, в интересах экономики, он укрепил свой союз с Ираком, тоже вступив в Совет арабского сотрудничества. Сейчас Ирак и весь САС тянут Египет в неудобном для него направлении. В феврале этого года на встрече в Аммане в присутствии Мубарака Хусейн облил презрением американцев, которые ежегодно предоставляют Египту помощь в размере 2 миллиардов долларов. А два месяца спустя Египет был вынужден публично поддержать угрозы Ирака в адрес Израиля, с которым Египет сохраняет мир.

Египет – барометр арабского мира. Своими действиями президент Мубарак может в ближайшие месяцы определить, вернутся ли арабы на грань военного конфликта с Израилем. Если да, то это будет трагической ошибкой. Настроенный воевать, Израиль тем более не захочет отказаться от стратегически важного Западного берега, а война с применением ядерного оружия (которым теперь располагают обе стороны) превзойдет своей смертоносностью все предыдущие. Но даже если войны не будет, атмосфера раздувания конфронтации принесет большой вред, так как поможет арабским правительствам поддерживать миф о том, что во всех их неудачах повинен враждебный внешний мир.

В условиях стремительного роста населения и экономического спада, не имея возможности или не желая удовлетворить усиливающееся стремление своих народов к демократии, арабские правительства заинтересованы в воскрешении пропагандистского образа агрессивного сионизма. Но становится все больше арабов, которые хотят, наконец, сказать, что на самом деле главные проблемы арабского мира – внутренние и что решение их нужно начать с политических реформ в этих странах. ●

Аятолла Мортеза МОТАХАРИ
(Тегеран)

ПРИРОДА ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Что такое революция? «Революция» – слово, означающее мятеж или восстание жителей одного региона или одной страны против существующей формы правления, чтобы установить желаемый строй. Иначе говоря, революция есть мятеж или восстание против правительственного *status quo* с целью установить новый *status quo*. Истоки любой революции характеризуются двумя основными чертами: во-первых, недовольством и негодованием, направленным против существующего положения, и во-вторых, целью, с которой устанавливается новый порядок. Понять революцию значит понять причины недовольства людей, а также цели, которые эти люди ставят перед собой.

В отношении революций существуют две основные теории. Согласно одной из них, все социальные революции в мире имеют единый дух и природу, хотя они и проявляются в самых разных формах.

Сторонники этой теории утверждают, что сущность всех революций, включая революцию, связанную с зарождением Ислама, Великую французскую революцию, Октябрьскую революцию, культурную революцию в Китае и т.д., в действительности одна и та же, несмотря на то, что внешне они непохожи. Может оказаться, что, например, одна революция может быть по своему характеру научной, другая политической, третья – религиозной и так далее. Однако дух и природа всех их едины: они имеют экономический и материальный характер.

С этой точки зрения, революции напоминают болезнь, которая проявляется в разных симптомах в различных обстоятельствах, но врач установит, что все многообразие симптомов вызвано одной причиной. Те, кто этому верят, утверждают, что в любой революции все причины недовольства могут быть сведены к одной, все поводы для возмущения – к одному поводу, все цели – к одной цели. Все мировые революции на деле являются революциями тех, кто не имеет, против тех, кто имеет. Основа любой революции в конечном счете – экспроприация.

Сегодня идея классовой природы революции завоевала много сторонников, даже среди тех, кто мыслит в терминах Ислама. В результате им приходится подгонять действительность под свои представления о ней. Другая теория исходит из того, что революции не имеют чисто материальной основы. Конечно, некоторые революции могут произойти от того, что общество поляризуется в экономической сфере. Но это отнюдь не необходимое условие. Восстание от голода не свойственно одному лишь человеку: животные, например, способны от голода броситься на человека или на животное, даже принадлежащее к тому же виду. Но революция в большинстве случаев имеет исключительно человеческую природу. Революция может быть человеческой, если она направлена на достижение свобод, имеет политический, а не экономический характер. Таким образом, вполне может быть, что желудки полны, голода нет или почти нет, а люди все равно поднимаются на восстание, поскольку нарушены их свободы, например, отнято право на самоопределение или свобода самовыражения. Все это не имеет ничего общего с экономикой. В таком обществе люди поднимают-

Аятолла Мотехари был одним из первых сторонников Хомейни, но затем стал выражать беспокойство деятельностью имама в связи со стремлением последнего к единоличной власти. Играл важную роль в радикализации иранского религиозного истеблишмента и популяризации шиитской идеологии. Убит правым религиозным фанатиком. — Ред.

ся, чтобы отстаивать свои права. Такая революция по природе своей не экономическая, а демократическая и либеральная.

Кроме этих двух типов революции, есть также революции, затрагивающие вопросы веры или имеющие идеологический характер. Те, кто привержен к определенным духовным ценностям, могут восстать, если увидят, что их религии или идеологии наносится ущерб или же их идеи подвергаются поруганию. Они возмущены тем, что приходится терпеть их вере или идеологии, и они хотят утвердить ее во всей полноте и совершенстве. Революции такого типа не зависят ни от полноты или пустоты желудков, ни от наличия или отсутствия политических свобод, и вполне может быть так, что люди сыты и обладают политическими правами, но они все равно восстают, поскольку видят, что их вера попирается.

Итак, есть революции, в основе которых лежат экономические и материальные причины, поляризация общества, его разделение на богатых и бедных, процветающих и неимущих. Естественно, что цель такой революции — установление общества, в котором отсутствует разделение на классы, бесклассового общества. В других случаях ведущим фактором революции может стать стремление людей к свободе. Одно из основных качеств, присущих человеку, — это любовь к свободе. Желание быть свободным, не иметь над собой господина значит для него неизмеримо больше, чем материальные блага. Человеческое существо предпочитает свободу всему остальному, и потому вполне естественно, что народное движение может начаться как политическое, а не как экономическое. Французская революция, например, была революцией именно такого типа. Философы и просветители, такие как Руссо, пропагандируя идеи свободы и любви к свободе, человеческого достоинства и ценности человеческой личности, подготовили почву для восстания, и разбуженный народ поднялся, чтобы завоевать свободу.

Третья причина, порождающая революции, лежит в стремлении к идеалу, к исполнению предписаний веры; это так называемые идеологические революции. Эти революции совершаются за веру, а не ради выполнения экономических требований под маской веры. Религиозные войны — хороший пример конфликтов, возникающих из-за символов веры и идеалов. На это указывает и Коран. Тонкое наблюдение на этот счет содержится в одиннадцатом стихе первой суры Корана «Семейство Имрана». В этом стихе говорится о встрече правоверных и неверных в битве при Бадре. При упоминании о мусульманах отмечается, что они борются за веру, но ни слова ни сказано о том, что неверные также сражаются за свою веру. В стихе говорится: «Было для вас знамение в двух отрядах, которые встретились: один отряд сражался на пути Аллаха (то есть за свою веру), а другой — неверный».¹ Здесь нет речи о том, что второй отряд также сражался за свою веру. Защитники идолов (вроде Абу Суфьяна — главного противника Пророка в Мекке) сражались отнюдь не за убеждения, ибо Абу Суфьян понимал, что с установлением нового порядка рухнут его собственная власть и сила. И защищал он свои интересы, а не свою веру.

*

Наше движение должно ответить на вопрос, каков же истинный характер иранской революции? Борьба ли это классов? Движима ли она либерализмом? Или она имеет идеологическую, религиозную, исламскую природу? Сторонники материалистического, классового подхода скажут, что иранская революция — это восстание неимущих против богатых, и революция должна и дальше идти по тому же пути. Эти люди, считающие себя мусульманами, но мыслящие как материалисты, пытаются нарисовать картинку в исламских тонах. Они берут стих: «Мы желаем оказать милость тем, которые были

¹ Здесь и далее цитаты из Корана даны в переводе И.Крачковского. — Ред.

ослаблены на земле, и сделаем их имамами, и сделаем наследниками. И укрепим их на земле и покажем Фирауну¹ и Хаману и их войскам то, чего они остерегались от них» (28:4,5), и на основе этого они заявляют, что Ислам также толкует историю как борьбу угнетенных с угнетателями и победу первых над вторыми, а иранская революция служит якобы примером этому.

Но в Коране есть важное место, которого эти люди не замечают. Ислам признает, что духовное возрождение – на стороне угнетенных, но не рассматривает угнетенных в качестве единственного источника возрождения. В противовес материализму, считающему, что лишь бедные осуществляют возрождение, которое направлено против богатых, Ислам признает, что восстание пророков шло на пользу бедным, но не только им. Неумение правильно оценить движущие силы и источники революции приводит ко многим заблуждениям.

Те, кто видят только материальную сторону, считают революции в основе своей социальными. Они полагают, что революция связана лишь с социальными условиями, в том время как Ислам, напротив, делает упор на природу человека. Именно по этой причине Ислам обращается не только к обездоленным, а ко всем группам и классам, в том числе к богатым и процветающим. Исламское мировоззрение позволяет увидеть человеческое существо в ярме и цепях в каждом угнетателе, каждом фараоне. Согласно Исламу, фараон заковывал в цепи не только израильтян, но и человека внутри себя – человека божественной природы, способного воспринять божественные ценности, который заключен во «внешнем» фараоне. Вот почему, когда пророки обратились к человечеству и начали борьбу против ложных богов, то их призыв в первую очередь был обращен к людям в цепях: они обращались к сокровенному внутри фараонов, дабы поднять «внутреннего» человека на восстание против своего господина. И они тем самым хотели провести революцию изнутри. Конечно, с людьми, подобными фараону, успеха добиться труднее, чем со свободными от внутренних цепей людьми. Именно об этой внутренней революции в Коране написано: «И сказал тогда человек верующий из рода Фирауна, который скрывал свою веру...» (40:29). Это показывает, что даже при дворе фараона среди тех, чей уровень жизни был самым высоким, кто принадлежал к классу угнетателей и богачей, мыслил и действовал подобно правителю-фараону, нашелся человек, который поверил в Моисея и пришел ему на помощь.

Жена фараона являет собой живой пример той, кто, несмотря на принадлежность к правящему классу, услышав слова правды, подчинилась Господу. Когда она услышала зов Моисея, она восстала против фараона и с этой минуты сбросила кандалы, сковывавшие ее человеческую сущность. Она поднялась против фараона, который был ее мужем и в то же время символом угнетения и жестокости. Египтянка восстала ради израильтян.

Израиль был народом, который был закован в цепи в земле другого народа, но его внутренняя сущность не была скована, по крайней мере, не до конца. Естественно, призыв Моисея нашел сторонников прежде всего среди обездоленных в этой стране, равно как и приказ пророка Мохаммеда был лучше воспринят обездоленными, чем преуспевающими, среди которых мало нашлось его приверженцев. И в наше время бедные куда больше приветствовали исламскую революцию, чем имущие слои, поскольку революция делалась в поддержку угнетенных и для их блага. Она шла путем справедливости, и поэтому естественно, что богатство, сконцентрированное в руках одной группы, должно было быть распределено среди бедных. Понятно, что счастье и радость испытывает тот, кто получает, поскольку это отвечает естественным чувствам. Но хотя это отвечает внутренней сущности и тех, у кого берут, все же экспроприация означает крушение их планов, и, следовательно, им труднее примириться с новым порядком. Именно по этой причине в их среде степень согласия с идеями революции куда меньше.

1

¹ «Фираун» – фараон. В авторском тексте употребляется последнее написание. – Ред.

Что касается нашей революции, если она носит истинно исламский характер во всех отношениях – материальном и духовном, политическом и идеологическом, то продолжаться и развиваться она может только на этой основе. Стало быть, долг каждого из нас – хранить дух революции. Наша революция и в дальнейшем должна остаться исламской, а не только либералистской. Прежде всего исламской, а не просто духовной или политической.

Из чего можно сделать вывод, что наша революция является именно исламской? Один из способов понять революцию – рассмотрение природы ее руководства.

Кандидатура вождя не выдвигалась на выборах, и за него не голосовали. Это не тот случай, когда избранный вождь начал разрабатывать политический курс. В действительности многие политические группы пытались возглавить революцию, но все они потерпели неудачу и, в конечном счете, вождь был избран стихийно.

Великое множество людей делало революцию, многие исламские и неисламские группы. Духовенство и миряне, образованные и необразованные, студенты, рабочие с фабрик и батраки, торговцы – все они приняли участие в революции. Но среди великого множества людей нашелся лишь один, кто совершенно естественно стал вождем, и с этим согласились все группировки. Почему? Из-за его честности? Безусловно, он был абсолютно честен, но разве имам Хомейни получил на честность монополию? Это, конечно, не так. Так может быть, из-за его смелости? Был ли он в тот момент единственным правдивым, честным и смелым человеком? Ясно, что были и другие храбрцы. Или, быть может, дело было в его решительности? Так ведь и решительностью обладал не он один. Очевидно, что все перечисленные качества сочетались в нем, но были они и у других. Так почему же общество стихийно сделало вождем именно его? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к ключевой проблеме философии истории: движения создают вождей, или же вожди – движения? Мы знаем, что на деле существует взаимовлияние между лидером и движением. С одной стороны, лидер должен обладать рядом высоких качеств, но с другой – и самому движению также должен быть присущ ряд черт. В сумме эти предпосылки приводят к тому, что та или иная личность становится у руля.

Имам Хомейни стал непререкаемым вождем, поскольку, помимо его выдающихся личных качеств и благоприятной ситуации, налицо был тот факт, что его мысли и чаяния оказались в полной гармонии с чувствами и надеждами народа Ирана. Никакой другой претендент на роль вождя не достиг такой гармонии. Это значит, что при всех своих высоких личных достоинствах, если бы он использовал те рычаги воздействия на людей, применил ту же логику, какими пользовались другие, ему никогда не удалось бы привести общество в движение. Например, он призвал к свободе и равенству, основываясь на благодатной почве исламской культуры, и это нашло горячий отклик. Однако, если бы он провозгласил те же самые цели, апеллируя к какой-либо иной – западной или восточной – идеологии, это не дало бы никакого результата.

Если бы имам Хомейни не был исламским лидером, если бы иранский народ не сохранил в своем сердце веру в Ислам, любовь к Пророку и его семье, если бы народ не был уверен в том, что из уст этого человека исходит зов Пророка, зов Али и Хусейна, то никакая революция и возрождение не были бы возможны на этой земле.

Причина успеха вождя в том, что его призыв к борьбе возник на почве исламской концепции. Он боролся с угнетением, но делал это на основе Ислама. Имам Хомейни выступал против несправедливости, колониализма и угнетения, будучи уверен в том, что мусульманин никогда не станет пресмыкаться перед угнетателем, что мусульманин не даст себя задушить и подчинить, что никогда неверные не возьмут верх над мусульманами. Сказа-

но в Коране (4:140): «И никогда Аллах не устроит неверным дороги против верующих!». Это была борьба под исламским знаменем, проводившаяся по исламским канонам.

Одной из основных мер, которую должен был осуществить лидер, было предостеречь от противопоставления религии и политики. Возможно, первым в этом деле был Сеид Джемаль-ад-Дин.¹ Он понял, что если он хочет поднять мусульман на борьбу, он должен заставить их осознать, что религия и политика неотделимы. Позднее колонизаторы пытались искусственно разделить в исламских государствах религию и политику, осуществляя, в частности, программу секуляризации. К сожалению, после Джемаль-ад-Дина во многих арабских странах, особенно в Египте, появилось много деятелей, которые разделяли политику и религию и искали опору в национальных чувствах, проповедуя арабизм, панарабизм и т.п. Позднее эти чувства пытался оживить Анвар Садат. В своих последних речах он дошел до утверждения, что место религии в мечети, а до политики ей нет дела.

Эта концепция проповедовалась и в нашей стране, и наш народ почти поверил ей. Но мы видели, как быстро удалось мобилизовать массы, когда из уст духовного лидера иранцы услышали, что если они отделяют себя от политики своей страны, то они отделяют себя и от религии. Когда вопросы свободы и демократии обсуждались в обществе сами по себе, это мало затрагивало народ. Но когда те же вопросы были подняты религиозным вождем, то люди впервые поняли, что свобода – это не только вопрос политики, но, что более важно, еще и исламская ценность. Им стало ясно, что мусульманин должен жить свободным и бороться за это.

В последние годы в Иране возникли проблемы, не связанные ни с экономической, ни с политической, но зато имевшие прямое отношение к религии. Например, одной из величайших ошибок сторонников прежнего режима было решение переменить в 1977 г. календарь исламского летоисчисления – от Хиджры – на так называемый шахиншахский. Шах решил начинать счет лет с момента, когда 2500 лет назад в Иране было установлено шахское правление. С точки зрения экономики или политики было совершенно безразлично, с какого года начинать счет. Но это оскорбляло религиозные чувства народа и дало грозное оружие в руки исламского лидера. Провозгласив, что данный акт враждебен Исламу и Пророку, оскорбляет чувства тысяч верующих, вождь вызвал во множестве людей неповиновение, разбудив в них исламское сознание.

Таким образом, изучив вопрос о том, какого вождя избрал народ (а ведь вождь не имел никакой возможности заставить народ признать его лидерство, и его «избрание» было прямым стихийным выражением воли масс), какими путями он вел революцию, какие рычаги он использовал, можно заключить, что наша революция по своей природе действительно является исламской. Это движение за справедливость, свободу и независимость, но за справедливость под знаменем Ислама и за свободу и независимость в свете Ислама. Выражаясь короче, наше движение искало все, в чем оно нуждалось, в исламских формах, и в тех же формах выражал свои нужды и народ.

Позвольте привести пример. У меня был друг, который всю жизнь был в конфликте с режимом и не щадил в борьбе ни себя, ни своей собственности. Благодаря особенностям своих взглядов, он сблизился с моджахидами, которые находились в центре борьбы с режимом. Но когда то, что называют «оппортунистическим» течением, охватило организацию моджахидов, я стал опасаться за моего друга. Я сказал себе: «Будем надеяться, что он не примирится с марксистским влиянием в движении ради сохранения единства в борьбе». Позднее, когда я встретил его и спросил, что он думает о моджахидах, ставших марксистами, он сказал мне в ответ слова, которые я ни-

¹ В русской историографии известен как Джемаль-ад-Дин аль-Афгани (1838–1897) – мусульманский религиозно-политический деятель, основоположник панисламизма. – Ред.

когда не забуду: «Дело в том, что мы хотим справедливости под знаменем Бога. Если мы получим справедливость, но достигнем ее не именем Бога и не с его помощью, то мне отвратительна будет такая справедливость». Именно это состояние души помогло нашему народу подняться на восстание такой силы.

Вначале я высказал мысль, которую сейчас должен развить. Я сказал, что революция всегда завершает длительную цепь восстаний и брожения, но мне хотелось бы пояснить свою мысль. Просто брожения и недовольства недостаточно для революции. Народ может быть недоволен, но при этом хранить безмолвие, так как он не избавился от чувства покорности. Когда же народ восстает, то сразу становится видна истинная цена всех идеологий. Особенностью Ислама является то, что он наполняет своих последователей чувством протеста, борьбы, отвержения невыносимой ситуации. Каково же еще назначение джихада, то есть утверждения добра и отвержения зла, если не это? Человек не должен терпеть систему правления, которая несправедлива и негуманна.

Христианство, основанное на подчинении и покорности, в течение столетий спорит с Исламом. «Что это за религия? – недоумевают христиане. – Мечу и войне нет места в религии, ведь она должна нести слова мира и успокоения. И если вас ударили по одной щеке, вы должны подставить другую».

Исламу чужда эта логика. Он учит, что лучший джихад – это слова правды, сказанные в лицо деспотичному правителю. Говорить правду деспоту – это высшая форма борьбы. Эта идея вписала много эпических страниц в историю Ислама.

Если в идеологии или религии изначально заложены идеи сопротивления угнетению и тирании, то легко будет посеять семена революции среди их последователей. К счастью, сегодня эти семена успешно проросли на иранской почве.

Помню, как на одном из первых заседаний Исламской ассоциации инженеров я вел дискуссию на тему «Утверждение добра и отрицание зла». Для этого я изучил историю вопроса и столкнулся с поразившим меня обстоятельством. Я заметил, что за последние двадцать лет этот раздел исчез из арабских и персидских книг, трактующих об обязанностях верующего, в то время как раньше он там неизменно присутствовал наряду с разделами о постах, молитвах и о фискальных обязанностях мусульман. С некоторых пор дискуссии на эту тему стали считаться излишними. Утверждалось, что разговоры о джихаде, а также об «утверждении добра» сейчас не ко времени.

Но сейчас, после стольких лет пребывания в забвении, когда сама память о путях борьбы была стерта, эти темы вновь заняли достойное место в жизни нашего общества.

Сейчас мы подходим к моменту, когда нам придется провести размежевание. Я уже говорил о связи Ислама с революцией и о том, что семена революции заложены в учении Ислама. Но перед мусульманами встает вопрос, с кем они: со сторонниками исламской революции или революционного Ислама?

Путь исламской революции ведет к утверждению исламских ценностей. В этом единственная цель исламской революции. Борьба в этом случае является не целью, а средством. Однако некоторые подменяют понятия, поскольку для них революция и борьба являются целью их деятельности, а Ислам – средством борьбы. Они утверждают, что принимают в Исламе все, что ведет к борьбе, и отвергают все, что уводит от борьбы. Естественно, что при такой разнице в подходе между исламской революцией и революционным Исламом неизбежны противоречия и конфликты между двумя толкованиями Ислама, человека, единобожия (*таухид*), истории общества и стихов Корана.

Есть различия между тем, кто считает Ислам целью и видит в борьбе и джихаде средство утверждения исламских ценностей, и тем, кто признает борьбу целью и говорит, что он должен постоянно бороться, ибо Ислам закон для того, чтобы поддерживать эту борьбу. Таким людям нужно указать,

что они неправы, что хотя в Исламе присутствуют элементы борьбы, это не значит, что Ислам появился ради ее утверждения и что у него нет иных целей. В Исламе множество заповедей, лишь одна из которых – борьба.

Их заблуждение проистекает из того способа мышления, который применяют к обществу и истории материалисты. По их представлениям, история и природа развиваются в соответствии с законами так называемой «диалектики», в результате борьбы противоположностей. Эта борьба присуща всему в мире, каждое явление носит внутри себя элемент самоотрицания, и по мере роста этого элемента явление (тезис) входит в конфликт с ним (с антитезисом), и заканчивается борьба рождением нового явления – синтезом. Затем процесс начинается вновь, когда синтезированное явление само становится тезисом, и так далее, до бесконечности. С этой точки зрения все, что бы вы ни взяли: природа, жизнь, общество, – есть борьба и ничего более. Правильным поведением считается существование в форме антитезиса, отвержение существующего порядка вещей. Всякая борьба с сущим, независимо от результатов борьбы, ведет к прогрессу и процветанию. Борьба не затихает ни на минуту. Когда новое побеждает, внутри него немедленно появляется другое «новое». Даже самый прогрессивный в прошлом человек становится одним из устаревших элементов и должен исчезнуть. В любой момент то, что хорошо для борьбы, считается законным и оправданным. Именно по этой схеме пытаются сделать Ислам революционным, а не революцию исламской.

По этому поводу многое можно было бы сказать, но различия между приверженцами исламской революции и революционного Ислама столь многочисленны, что мы не в состоянии их здесь перечислить.

Как уже было сказано, наша исламская революция (исламская в моем понимании, когда Ислам является идеологией, средством и целью борьбы) может успешно развиваться лишь при условии, что в нас никогда не умрет тяга к справедливости. Я хочу сказать, что будущие правительства должны идти, не сворачивая, по пути исламской справедливости, стирания классовых различий и искоренения всех видов дискриминации, к созданию единого общества (единого в исламском понимании, ибо понимание других отличается от нашего, как небо от земли).

В исламском государстве не должно быть униженных и угнетенных, даже среди тех, кто заслуживает смерти. Наилучшим для нас было бы следовать примеру имама Али¹. Помните, как вел он себя с убийцами, и вы увидите целый мир человечности, привязанности и любви. Когда Али был смертельно ранен, он, лежа на смертном одре, призвал к себе свою семью и сказал: «Пусть не случится так, что после моей смерти вы будете мстить за мою кровь мусульманам и казните виновных в моей смерти убийцу, его помощников и подстрекателей. Я – один человек, и Ибн Мулиам, смертельно ранивший меня, ударил меня только однажды. Поэтому ударьте его всего один раз».

Этот пример справедливости должен служить уроком всем нам. Без сомнения, именно благодаря этим ценностям нашей религии удалось выстоять и сохранить свою энергию на протяжении четырнадцати веков.

Повторяю, если наша исламская революция не будет способствовать установлению социальной справедливости, то ее характер изменится. А главное, нужно помнить, что наша революция должна основываться на чувстве исламского братства. Иными словами, то, что в других революциях достигается с помощью силы, у нас должно совершаться посредством умеренности, путем согласия, проистекающего из исламского братства.

Одним из столпов нашей исламской революции является духовность. Мы должны достичь духовной зрелости, чтобы отвлечься от классовых и имущественных различий. Как говорил наш вождь Али: «Пусть чувства никогда

1

Халиф Али (656–661), двоюродный брат и зять Мохаммеда. Начало его мифологизации было положено последователями «партии Али» (ши'а Али, отсюда – «шниты». Шниты считают Али святым. – Ред.

не возьмут верх надо мной, и жадность не заставит меня привередничать в еде в то время как в Хиджазе и Йемене есть люди, не имеющие даже куска хлеба, потерявшие надежду наесться досыта; или чтобы я набивал себе желудок в то время, когда вокруг меня будут голодные животы и высохшие печени».

В наших сердцах должен укорениться дух преданности другим людям. Имам Хомейни объявил всеобщую мобилизацию на строительство домов. Это было вызвано стремлением имама к тому, чтобы революция продолжала быть исламской и все ее цели были достигнуты исламскими методами. Он не хотел просто установить новый порядок, а затем приказом объявить, что вводится социальная справедливость. Если наши люди по собственному желанию отдадут силы на помощь обездоленным, как того требует принцип исламского братства, то наша революция пойдет по верному пути.

Наша революция станет подлинной лишь тогда, когда семьи в дни религиозных праздников не станут одевать своих детей в новые одежды, пока не убедятся, что новые одежды есть и у бедных семей.

Среди нас должны утвердиться слова Пророка: «Между истинно верующими царит такая любовь, что если у одного из них беда, то остальные не могут оставаться спокойными, но скорбят вместе с ним». Наше общество станет исламским лишь тогда, когда беда одного станет бедой всех мусульман.

Али служит примером такого мусульманина. Он сказал: «Разве должен я быть доволен, когда говорят: «Вот повелитель правоверных», если я не разделю с ними тягот нашего времени?» Так сказал имам о званиях и титулах. Революционер не обременяет себя званиями. Каким ничтожеством он должен быть, если принимает титулы, не разделив страданий народа?

Имам Хасан¹ говорил: «Однажды, когда я еще был ребенком, я проснулся ночью и, лежа в постели, смотрел, как молилась моя мать Зохра. Я слышал, что она произнесла имена многих мусульман и молилась за них. Мне хотелось увидеть, как она будет молиться за себя, но к моему удивлению для себя она ничего не просила. Я спросил ее на следующий день, почему она молилась за всех, но не за себя? «О, мой дорогой сын, сперва позаботься о соседе и лишь потом о себе», – сказала она».

Известно, что дочь пророка Зохра отдала в брачную ночь бедной женщине, попросившей ее о помощи, свою единственную рубашку, которую она принесла в виде свадебной одежды в дом мужа.

Дух подлинной революции и этика Ислама сходны, и наша революция принесет плоды лишь в том случае, если мы будем готовы с энтузиазмом пойти на жертвы.

Но наше стремление к справедливости не должно заглушить тягу к свободе. Если правительство исламской республики не будет уважать свободы в их подлинном понимании, оно потерпит поражение. Конечно, эта свобода – не социальный хаос, и она должна сдерживаться здравым смыслом.

Ислам – религия свободы, освобождающая каждого члена общества. В Коране мы находим слова: «Кто пожелает, избирает к своему Господу путь» (76:29) и «Кто хочет, пусть верует, а кто не хочет, пусть не верует» (18:28). Ислам говорит, что никакая религия не может быть навязана силой. Людей можно принудить чего-то не говорить или чего-то не делать, но нельзя заставить их изменить образ мысли. Вера должна исходить от разума.

Каждый должен иметь право свободно выражать письменно и устно свои мысли. Только так исламская революция приведет к победе. Опыт показал, что когда в том или ином обществе существует свобода мысли, то даже появление вредных идей не может повредить Исламу, а в конечном счете это даже идет ему на пользу.

1

Хасан ибн Али аль-Аскари – двенадцатый имам, последний имам, передавший имамат своему сыну, родившемуся в 869 г. Этот сын, по шиитскому преданию, не умер, а удалился в потайное место, где ждет своего часа («скрытый имам»). – *Ред.*

Если в нашем обществе создастся обстановка свободы, то свои взгляды сможем отстаивать и мы, и оппоненты. Только на этой здоровой основе сможет распространяться Ислам.

Здесь мне представляется уместным рассказать одну историю. Некогда на теологическом факультете Тегеранского университета один из профессоров регулярно пропагандировал в своих лекциях материалистические и антиисламские взгляды. Студенты жаловались на это, и на факультете в конечном счете воцарился кромешный ад. Я написал официальное письмо, в котором объяснил, почему на теологическом факультете необходимо ввести курс диалектического материализма. Я предложил, чтобы вел этот курс профессор, который разбирался в диалектическом материализме и верил в него. Это, по-моему, было именно то, что нужно. Однако я не мог согласиться с тем, что кто-то будет тайком обманывать студентов. Позднее я несколько раз предлагал этому человеку дискутировать не с недостаточно хорошо подготовленными студентами, а со мной. Я сказал, что если он захочет, мы могли бы дискутировать публично, пригласив множество студентов и преподавателей.

Это единственный разумный способ противостоять враждебным идеям. Если мы захотим контролировать мышление людей, мы погубим исламскую республику. Но, споря с другими идейными системами, надо не дать обмануть себя. Следует разоблачать ложность этих учений, указать на те приемы фальсификации, которыми пользуются оппоненты, — например, если некто приводит в качестве доказательства фальсифицированную цитату из Корана или сознательно замалчивает какие-либо опровергающие факты. Обман в таких дискуссиях не должен и не может быть разрешен. Именно по этой причине Ислам запрещает продажу вводящих в заблуждение книг.

Я говорил, что будущее нашей революции будет обеспечено в том случае, если мы достигнем свободы и справедливости, сохраним политическую, культурную, интеллектуальную и религиозную независимость. Я не стану затрагивать вопрос об экономической и политической независимости. Но я обязан сказать еще несколько слов об интеллектуальной и культурной независимости, о том, что я называю идеологической независимостью.

Наша революция будет успешной, когда мир узнает о нашей религии и идеологии, которые являются чисто исламскими без всяких примесей. Иначе говоря, если у нас есть своя идеология и мы не боимся предложить ее народам мира, то мы можем надеяться на победу.

Но если мы решим создать идеологическую окрошку, одну идею взяв у марксизма, другую позаимствовав у экзистенциализма, еще что-нибудь из социализма и, наконец, добавив ряд положений Ислама, смешаем все это и назовем Исламом, то, возможно, вначале люди и поверят этому, поскольку можно на некоторое время утаить правду. Но нельзя скрывать ее вечно. Рано или поздно найдется тот, кто способен ясно мыслить и разбираться в сущности вещей, и возразит, что учение, которое кто-то именует Исламом, на самом деле Исламом не является. Источники Ислама хорошо известны: Коран, сунна Пророка, исламское право; подлинные принципы ислама совершенно ясны. Сравнив их с тем, что выдается за Ислам, мы легко убедимся, что та или иная вера взята из марксизма и лишь покрыта исламским налетом.

В результате люди, узнав правду, отвернутся от той идейной мешанины, которая преподносилась им под видом веры, и воспримут настоящий Ислам. По-моему, ясно, что такая идейная окрошка может повредить Исламу больше, чем открытые антиисламские учения, во всяком случае, не меньше.

Если наша революция хочет победоносно развиваться, она должна очиститься от всех наслоений и пойти дальше по пути утверждения подлинно исламских ценностей. ●

Историческое послание Великого вождя Исламской революции Его светлости имама Хомейни Председателю Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик его превосходительству господину Горбачеву.

Послание Вождя исламской революции, основоположника Исламской республики Иран, его светлости Имама Хомейни Председателю Президиума Верховного Совета СССР господину Горбачеву, оглашенное 11 Шаввала 1367 г. Хиджры (то есть 1 января 1989 г.) специально уполномоченной делегацией, возглавляемой аятоллой Джавади Амоли.

Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Ваше превосходительство, господин Горбачев! Примите пожелания благополучия и счастья вам и вашему народу. Поскольку со времени вашего прихода к власти ощущается, что в анализе мировых политических событий, и в особенности в вопросах, касающихся Советского Союза, вы находитесь на новом этапе пересмотра подхода к ним, я счел необходимым напомнить о некоторых моментах. Вполне возможно, что пределы вашего мышления и новых решений приемлемы лишь для преодоления партийных трудностей, и наряду с ними, трудностей, касающихся сугубо вашего народа.

Однако и в этом случае ваша смелость в пересмотре системы, которая долгие годы держала за железной стеной революционных сынов мира, достойна похвалы. Если мыслить глубже, то первым делом, которое несомненно послужит вашему успеху, будет пересмотр политики ваших предшественников, заключавшейся в отлучении общества от Бога и религии, что безусловно нанесло крупнейший и сильнейший удар по народу Советского государства. Подлинно объективный подход к мировым событиям неосуществим таким путем. Конечно, в области экономики можно воспользоваться неверными методами и ошибочными решениями бывших коммунистических властей или же обратиться к мнимо цветущему фасаду западного мира. Однако истина кроется в другом, и если вы пожелаете на этом отрезке времени распутать лишь запутанные узлы экономики социализма и коммунизма, посредством обращения к опыту западного капитализма, то не только не излечите свое общество от недугов, но еще и другим придется исправлять ваши ошибки. Ибо ныне марксизм не только в экономической и социальной сферах, но и в других сферах и на других поприщах также оказался в затруднительной ситуации.

Ваше превосходительство, господин Горбачев!

Следует обратиться к истине: основную трудность вашей страны составляют не вопросы собственности, экономики и свободы. Ваши трудности заключаются в отсутствии истинной веры в Бога, в том же, что засасывает и засосет Запад в трясины и тупик.

Для всех ясно, что после этого коммунизм следует искать в музеях политической истории, ибо марксизм не удовлетворил никаких подлинно необходимых потребностей человечества, так как является школой материализма. А посредством материализма невозможно избавить человечество от кризиса, порожденного отсутствием моральных убеждений, представляющего основную боль, испытываемую человеческим обществом как на Западе, так и на Востоке.

Ваше превосходительство, господин Горбачев!

Возможно, вы по сути дела не отвернулись от коммунизма и в беседах будете говорить о полной приверженности к нему, однако сами знаете, что в сущности это

не так. Вождь Китая нанес первый удар по коммунизму, а вы второй и по-видимому последний удар по этой системе. Ныне в мире уже не существует того, что было названо коммунизмом. Однако именно к вам обращаюсь я с тем, чтобы в разрушении мнимых преград марксизма вы не оказались в плену Запада и "Большого Дьявола".

Надеюсь, к счастью вы изыщете такой подход, который скистит со страниц истории вашей страны последние следы одряхлевшего семидесятилетнего коммунистического мира. Отныне сопутствующие вам государства и народы, сердца которых бьются во имя своей родины, уже не согласятся, как это делалось раньше, растрачивать свои ресурсы на то, чтобы утверждать успешность коммунизма. Отзвуки перелома костей, совершенного коммунизмом, дошли до их потомков.

Господин Горбачев!

Когда с минаретов некоторых мечетей ваших республик после семидесяти лет раздался призыв "Аллах Акбар!" и до слуха дошла истина, утверждающая, что Бог един и Мохаммед — посланник его, да благословит Аллах его и род его! все исповедующие подлинный Ислам плакали от восторга. Ввиду этого я счел необходимым призвать вас, чтобы вы обратились к размышлению относительно двух мировоззрений: материалистического и Божественного.

Материалисты избрали критерием своего познания "ощутимое". То, что неощутимо, они считают находящимся вне пределов науки. Между тем критерий Божественного мировоззрения основывается на ощущении и разуме, а что является логичным — входит в научную сферу, хотя и не поддается ощущению. Ибо бытие состоит из потустороннего — незримого — и зримого миров. Может существовать и то, что не обладает свойствами материи. Священный Коран анализирует принципы материалистического мышления, и тем, кто предполагает, что Бога нет, ибо иначе он был бы видим, или говорит: мы не поверим тебе, пока не увидим Аллаха, — открыто указывает: "Не постигают Его взоры, а он постигает взоры. Он пронизателен, Сведущий."

Я не хотел бы вводить Вас в сложные дебри философии, в особенности исламской, и ограничусь лишь одним-двумя простыми примерами, которые могут быть полезными и для тех, кто занимается политикой. Неопровержимо то, что материя и плоть, каковы бы они ни были, не осведомлены о себе. Каменная статуя, или образ человека, созданный из любого материала, совершенно не обладают ощущением, тогда как мы воочию убеждаемся в том, что человек и животное ощущают каждую часть своего тела и знают, где они и что происходит в окружающем их мире. Следовательно, в человеке и животном заложено нечто духовное — превосходящее материю, отделенное от мира материи.

Человек по своей натуре во всем старается достичь абсолютного совершенства. И вы хорошо знаете, что человек стремится стать сильным мира сего, и его не привлекает никакая несовершенная сила. И если он станет властелином мира, и речь пойдет о существовании другого мира, то он по своей натуре будет стремиться к тому, чтобы завладеть и этим миром.

Какой бы ученой степени человек ни достиг, все же, если будет сказано о существовании других наук, он ввиду своей интеллектуальности пожелает изучить и эти науки. В таком случае должны существовать увлекающие человека абсолютная сила и абсолютная наука. И эта сила есть. Это всемогущий Бог, к которому мы все обращаемся, сами того не ведая. Человек, покинув бренный мир, стремится к праведности и воссоединению со своим Господом. В принципе, стремление каждого человека к вечной жизни является показателем существования бессмертного, не признающего смерти мира.

Если Ваше превосходительство пожелает изучить эти вопросы, то может дать указание, чтобы знатоки подобных наук, помимо философских наук Запада, обратились к трудам Фараби и Абу Али ибн Сины, да успокоит Бог их души, как к последователям Аристотеля, с тем чтобы выяснить, что закон причины и следствия составляющий основу познания, постижим разумом, а не ощущением. Более этого не

стану утомлять вас и не буду приводить выдержки из философских учений, и в особенности Мухеддина бен Араби, ибо, если вы пожелаете изучить труды этого великого человека, то направьте к нам в Кум несколько компетентных и сведущих в этой области лиц, с тем чтобы через несколько лет с Божьей помощью постичь всю тонкость и глубину этих ступеней наук, так как познать такое невозможно без этой поездки.

Уважаемый господин Горбачев, теперь, после рассмотрения вопросов и предположений, касающихся Ислама, я прошу вас со всей серьезностью подойти к его изучению и исследованию, и не потому, что в вас нуждается Ислам и мусульмане, а ради высоких ценностей, которыми обладает исламский мир и которые могут привести к спокойствию и спасению всех народов и распутать узлы основных трудностей, волнующих человечество. Серьезный подход к Исламу возможно навсегда избавит вас от проблем Афганистана и других подобных им вопросов. Мы считаем мусульман всего мира подобными мусульманам нашей страны и постоянно считаем себя связанными с их судьбой. Допущением относительной свободы в совершении религиозных обрядов в некоторых республиках Советского Союза вы показали, что уже не считаете, что религия — опиум народа. И неужели религия, которая перед лицом сверхдержав превратила Иран в неприступную скалу, оказалась опиумом общества? Или религия, устремленная к осуществлению справедливости в мире и желающая вызволения человека из оков материальных и моральных ограничений, является опиумом общества? Да, безусловно, та религия, которая являет собой повод к предоставлению материальных и духовных ценностей исламских государств в распоряжение сверхдержав и которая станет настойчиво трубить народу о том, что религия отделима от политики, — она есть опиум общества. Но она не может рассматриваться как подлинная религия и является религией, которую наш народ называет американской.

В заключение ясно заявляю, что Исламская республика Иран в качестве крупнейшей и могущественнейшей опоры исламского мира с легкостью может восполнить пробел вашей системы, образовавшийся в убеждениях. В любом случае наша страна как и прежде придерживается принципов добрососедства и сотрудничества и с уважением относится к ним.

Желаю здоровья и благословения тем, кто следует праведными путями.●

Муаммар КАДДАФИ

”ВЕСЬ МИР ПРЕВРАТИТСЯ В ДЖАМАХИРИЮ”

Фрагмент выступления 7 апреля 1990 г. в связи с 14-й годовщиной событий 7 апреля 1976 г., известных как “революция студентов”.

Реакция предприняла наступление на Ливийскую революцию в 1976 г., когда Совет революционного командования принял решение о всеобщем воинском обучении. Реакция вступила в тайный сговор с сионистами и в открытый — с американцами. В 1977 г. Садат признал Израиль, повел наступление на Ливийскую революцию. Тогда же внутри Ливии был раскрыт заговор, хотя большинство студентов было ни в чем не повинно. Имелся определенный слой, который воспользовался решением Совета революционного командования для подстрекательской деятельности. После ареста они сказали, что хотели ликвидировать завоевания революции, потому что она “шла не по тому пути”. Они хотели революции, соответствующей марксистско-ленинскому учению.

Этот слой был представлен коммунистами, и об этом заявляется впервые, ибо коммунизм сам объявил сейчас о своем банкротстве. Те, кто устраивал заговоры вместе с внешними силами, даже со своими противниками, были коммунистами. Тогда они были в сговоре с агентами Америки и арабской реакцией. Они говорили, что у них общая цель: подавление Ливийской революции. Этого хотела реакция, империализм и марксисты-ленинцы. В ходе следствия по делу "революции студентов" коммунистам были вынесены смертные приговоры, и они были казнены. Их судили студенческие трибуналы, действовавшие в учебных заведениях. Коммунисты, местные реакционеры, агенты Америки объединились против нашей революции, потому что она устанавливала господство народа, трудящихся, рабочих, крестьян, студентов и означала, что нация объединяется под знаменем арабского национализма и Ислама без сект и течений.

Ливийская революция подняла знамя арабского национализма и Ислама, которые срывали заговор и развенчивали нелепицы, прочитанные заговорщиками в желтых книжках англичан, Маркса и Ленина. С первого дня революции 1969 г. и до 7 апреля 1976 г. мы боролись против коммунистов. Когда свершилась революция 1 сентября 1969 г., коммунисты радовались, потому что понимали, что низвержение королевской армии и ликвидация иностранных баз облегчат им путь к перевороту и марксистско-ленинской революции без особых усилий с их стороны. Они хотели похитить у нас победу, и это они признали. Поэтому 7 апреля они были ликвидированы. Мы говорили им, что народные массы восстанут против марксизма и Ленина. Они отвечали, что это невозможно и что весь мир будет марксистским. Они утверждали, что национализм — это реакция, а религия — опиум народа, что нет верного учения, кроме научного социализма, что вместо национализма должен быть интернационализм.

Мы им говорили, что народам Болгарии, Восточной Германии, Венгрии, Польши и других стран их нынешний экономический и политический строй навязан огнем и мечом Красной Армией — армией, которая со времен войны и до сих пор находится на территории этих стран. Ливийские коммунисты были одурачены, когда считали, что это и есть коммунизм и что красный цвет покроет весь мир.

Мы говорили им, что историю двигает национализм. Они возражали: нет, двигатель истории — экономика.

Мы говорили, что Албания, Турция и арабские страны получили независимость в результате национальной борьбы, что это она создает карту мира и что игнорирование национализма — это прыжки в воздухе. Нет, утверждали они. Национализм — это реакция.

Ливийские коммунисты отвергали арабское единство, признавая только единство между рабочими. "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" — их лозунг. Мы же говорим: "Пролетарии всех стран, освобождайтесь!" Освобождайтесь от наемного труда, станьте партнерами по труду, ибо как могут объединиться рабочие Японии и Ливии? Почему не объединились Россия и Китай? Почему на границе с Монголией находится миллион солдат, а ракеты направлены на Китай и Россию? Где тут марксизм-ленинизм? Почему эта раса — желтая, а эта — белая? Все это — проявление национальной борьбы.

Коммунизм не может быть построен. Марксизм-ленинизм — это тупик. Народные массы это поняли и восстали против него. Правительства в странах, которые называются сейчас социалистическими, не являются правительствами пролетариата.

Коммунисты утверждают, что пролетариат победил, что из него вышла компартия, которая правит от его имени, что построено пролетарское государство. Мы же видим, что мир не в состоянии наладить производство, в том числе не может этого коммунизм, который исчерпал свои ресурсы.

Ливийские коммунисты и их союзники за рубежом после революции и до своего свержения "пахали море", задыхались. Их цель и созданный ими миф были миражем, заблуждением. Они были обмануты. Коммунисты всего мира, в том числе Горбачев, сейчас говорят об этом...

Сейчас я сочувствую Советскому Союзу, потому что, если он потерпит поражение, победят Америка и империализм. Я связывался даже с главами государств, которые не проявляют симпатии к СССР. Сейчас они опасаются за Советский Союз и желают ему скорее устроить свои дела.

В наших интересах, чтобы Советский Союз не пал. Он должен быть сильным как международная сила сдерживания Америки. Если этого не произойдет, то мы будем искать новую форму, выражающуюся в конфронтации между всеми народами и империализмом США. Америка сейчас выступает в роли деспота, против которого выступают все народы, в том числе народы Советского Союза или, по крайней мере, русский народ, если все республики отделятся. Необходимо создать всемирный Народный фронт против империализма.

Фрагмент выступления 21 апреля 1990 г. перед студентами Института социальных наук при университете Аль-Фатих (Триполи).

Прошедшие 20 лет были прологом революции. В эти годы мы учились, сражались, пробовали силы, искали пути, проверяли возможности, знакомились с миром, сражались или примирались с ним. Сейчас мы вступаем в следующие 20 лет и начинаем новую революцию. Ее цель — достижение арабского единства и создание сил стратегической обороны, которые смогут покончить с любыми происками империализма и сионизма в отношении арабских стран. За 20 будущих лет мир должен перейти к джамахирийскому строю при помощи джамахирийской революции, которая берет свое начало в Ливии.

Мы должны подумать о стратегической промышленности арабской родины, которая будет сдерживать империализм и сионизм. За эти 20 лет арабские народы должны получить такую силу сдерживания, которая не позволит врагам даже думать о том, чтобы еще раз поделить арабский мир или нанести по нему удар. Если бы американцы знали, что у нас есть возможность нанести удар по США, они не напали бы на нас. Если бы у нас были ракеты, способные достигнуть Нью-Йорка, мы в тот же самый момент ответили бы им и нанесли бы удар по нему. Нам надо получить это оружие, чтобы американцы или кто-либо еще не решились во второй раз нанести нам удар. В течение будущих 20 лет арабская родина должна стать единой и должна иметь силу сдерживания, начиная от ракет и кончая ядерными бомбами, чтобы быть в состоянии ответить аналогичными средствами. Мир играет в ракеты и бомбы, и мы тоже должны быть готовы вступить в эту игру. Мы хотим создать силу сдерживания, чтобы великие мира сего знали, что жители арабской родины должны жить в спокойствии, что они имеют право трудиться, танцевать, петь, потому что у них есть щит сдерживания.

События, происходящие в мире, свидетельствуют о том, что он продвигается в направлении становления джамахирийского строя. Ежедневно подтверждается правильность Третьей мировой теории и положений "Зеленой книги". Джамахирийское общество — это образец для всего мира. Ливия станет для него примером, и он увидит, как решена в ней проблема рабочих, как они стали партнерами по труду, как исчезли в Ливии забастовки и демонстрации с требованиями об увеличении заработной платы. Это самая большая проблема, с которой сейчас сталкивается мир. Даже коммунизм, который попытался решить эту проблему, в конечном итоге потерпел провал. Это произошло потому, что невозможно, чтобы одна авангардная партия правила в обществе и постоянно подчиняла его себе. Наша эпоха — не эпоха партии или религиозной группы, или группы революционеров, или хунты, или сливок общества, или парламента, или сильного диктатора. Это — эпоха народных масс, народных собраний и народных комитетов.

Мы хотим, чтобы весь мир превратился в Джамахирию. Тогда он станет нашим другом. Тогда исчезнут президенты, правительства, армии, которые уничтожают мир. Тогда исчезнет сионизм. За 20 предстоящих лет нам необходимо решить все проблемы и освободить себя для этой великой работы. ●

Рана КАББАНИ (Лондон)

НАСЛЕДИЕ КЛЕВЕТЫ

Письмо христианскому миру

Дело Салмана Рушди воздвигло огромную, возможно, непреодолимую для меня преграду между тем миром, к которому я принадлежу, и Западом. Впрочем, никто не утверждает, что Ислам и Запад добрососедски сосуществовали до тех пор, пока не появился Рушди, чтобы испортить их дружбу. Напротив, напряженность в отношениях между ними существовала уже начиная с седьмого столетия, то есть с того момента, когда Ислам возник как политическая и идеологическая сила, способная противостоять христианскому миру.

Права ли я, возвращаясь к тому, что случилось в седьмом веке? К чему в наше время эта седая древность? На Западе, особенно в послевоенные десятилетия, принято учить детей истории как чему-то такому, что было и прошло, исчезло без следа. Хотя воспоминания об имперском прошлом и мучительны, но большинство западноевропейцев и американцев настолько погружены в успешное настоящее, что у них нет никакой психологической потребности копаться в минувшем.

В Европе внутреннюю связь между своим прошлым и настоящим ощущают лишь те народы, исторические обиды которых до сих пор не удовлетворены, например, сербы, баски, ирландцы.

Помню, как сербский гид показывал мне поле битвы в Косове в Югославии. Он буквально трепетал от наплыва чувств, переживая поражение своего народа и самого христианского мира, которое они потерпели от турок в день Святого Витуса в 1389 г. Начиная с XIV в., в Сербии в этот день нередко поднимались волнения, и, по всей видимости, не случайно именно годовщину этого события избрал сербский националист Гаврило Принцип для убийства в Сараево в 1914 г. эрцгерцога Франца-Фердинанда. Через шесть столетий после битвы с турками, в день Святого Витуса в 1989 г. миллион сербов прибыл в Косово, чтобы поддержать христианскую традицию противодействия врагу с Востока, который сейчас персонифицировался в их сознании в лице несчастной албанской общины в Югославии. Косово – тот уголок Европы, где еще живо соперничество между мусульманским и христианским миром.

Мусульмане понимают связь истории и современности. Это основа их мироощущения. В отличие от людей Запада, мусульмане по большей части слишком бедны и не уверены в своих силах, чтобы позволить себе роскошь положиться на личные чувства. Их реакция на события в значительной степени определяется коллективной памятью. Жители Востока обременены своей историей, ибо это история обид.

Любой американский школьник знает, что в 1492 г. Колумб «отплыл под парусами по синему океану», но для большинства американцев этот решающий момент, знаменовавший рождение Запада в том виде, в каком мы его знаем, представляет собой не больше, чем сентиментальный символ, лишенный политического содержания, нечто вроде индейки и тыквенного пирога в День Благодарения. Как это непохоже, например, на отношение школьников Израиля к истории обороны Масады. Для них это метафора современного выживания их народа.

Арабским детям тоже внушают, что история – неотъемлемая часть настоящего. В школе они плачут вместе с Боабдилем, последним правителем

мусульманской Испании, который вынужден был в 1492 г. передать ключи от Гранады их католическим величествам. Арабы болезненно воспринимают упрек, брошенный Боабдилу его матерью: «Ты плачешь по-женски о том, чего не смог защитить по-мужски!», поскольку они уверены, что в этот миг история выскользнула из их рук, оставив им на долю упадок, а Европе – ее имперскую судьбу. Потеря Испании для них не просто увлекательный эпизод из книги по истории, но почти современное событие, затмевающее даже более поздние катастрофы, в частности, потерю Палестины.

Когда представители Запада поймут это, они, несомненно, признают, что на их собственное отношение к мусульманам глубоко повлияли полусознанные народные воспоминания о борьбе, пронизывавшей столетия. Иначе как можно объяснить своеобразный взрыв антимусульманских чувств, скажем, у Фэй Уэлдон?

В «Священных коровах» (ее вклад в спор о Рушди) она пишет: «Коран – пища для недумающих. Это не та поэма, на которой общество может основываться спокойно и разумно. Коран дает мощное оружие в руки «полиции мысли», которая не преминет им воспользоваться... Я полагаю, что это ограниченный и ограничивающий текст, когда речь идет о том, что я называю Богом». И она заключает с высокомерием: «Можно построить пристойное общество на основе Библии, но на основе Корана – нет!»

Основываются ли ее необдуманные суждения на знании мусульманского общества, полученном из первых рук? Изучала ли г-жа Уэлдон арабскую или исламскую историю? Знакома ли она с тем контекстом, в котором создавались заповеди Корана?

Далее она касается требования британских мусульман открыть свои собственные школы: «Конечно же, они не имеют на это права!» Она негодует: «Вы не смеете, не должны учить примитивной, проникнутой страхом религии, внушать ее детям». Г-жа Уэлдон чувствовала бы себя как дома в той толпе в Косове. Ведь за ее резким тоном проступает древний страх христиан перед мусульманством, наполовину стершийся из памяти нынешних поколений, но все же кроющийся в подсознании цивилизованных европейцев.

Коннор О'Брайен одно время занимал должность профессора Нью-Йоркского университета, был редактором газеты «Observer» и членом сената Ирландии. Однако когда ему представился случай высказаться о мусульманах, маска либерала тут же слетела с него. «Мусульманское общество, – уверенно пишет он, – выглядит глубоко отталкивающим, и таково оно и есть. Тот, кто из цивилизованных людей восхищается мусульманским обществом, оставаясь при этом верным западным ценностям, – лицемер или невежда, или то и другое вместе. А истоком всех зол является мусульманская семья, этот отвратительный институт». На этом О'Брайен не останавливается и продолжает: «Арабское и мусульманское общество уже давно нездорово. Арабский мыслитель прошлого века Джемаль аль-Афгани говорил, что «каждый мусульманин болен, и единственным лекарством для него является Коран». Но, к сожалению, чем больше они принимают это лекарство, тем хуже им становится». Нелепый сарказм О'Брайена обнаруживает, возможно, бессознательно, черты психологии «осажденной крепости», присущей средневековому христианскому миру.

Наследие предубеждения и невежества уходит корнями в глубь веков. Иоанн Дамаскин, отец церкви и религиозный полемист, умерший в 754 г., был родоначальником долгой традиции осмеяния Мохаммеда и Корана. Напуганный, подобно другим восточным христианам, стремительным распространением и успехами Ислама, он обратил против мусульман оружие своих диатриб, которое использовал для борьбы с ересью в собственной церкви. Он утверждал, что Мохаммед был еретиком наиболее опасного толка, который создал злую пародию на христианство, похитив свои идеи у христианского духовенства.

Именно католическая Испания, опустошенная мусульманами, выдвинула тезис о том, что Мохаммед был безнравственным, любящим жизненные блага интриганом, то есть полной противоположностью чистому, не от мира сего, самоотверженному Иисусу. Отсюда идея Мохаммеда-Антихриста, ставшая лозунгом крестовых походов. И действительно, триумф первого крестового похода подтвердил, казалось бы, истинность этих предрассудков и позволил пойти еще дальше, так что вскоре, в 1213 г., папа Иннокентий III даже изобразил Мохаммеда в качестве «Зверя из Апокалипсиса». Другие выражения, употреблявшиеся в средневековой теологической полемике, были того же рода.

Враждебность к Исламу была не просто истерией, она коренилась в реальном конфликте интересов. Исламские армии разгромили христианскую империю – Византию и начали вторжение в Европу. Для небольших королевств и феодальных владений Запада расширяющаяся исламская империя представляла серьезную военную угрозу.

В то время Ислам, воинствующая религия, бросал идейный вызов христианству, хотя вызов этот и проявлялся в достаточно скрытой форме, ибо отвергая некоторые положения христианской доктрины, Ислам принимает другие. Мусульмане верят в Единого Бога, почитают Иисуса как пророка, чье непорочное зачатие они признают. Они считают, что Библия священна, уважают евреев и христиан как «людей книги». Однако представления о Троице и божественности Христа были преданы в Исламе анафеме как противоречащие догмату о Едином Боге. Мусульмане не могут допустить возможности того, что всемогущий Бог позволил распять своего Мессию. Христианскую доктрину о том, что человек рождается грешным и только кровь Спасителя может искупить его грехи, мусульмане считают языческим верованием.

Более того, веря, что человек не нуждается в посреднике для общения с Богом, мусульмане отрицают всю иерархию духовенства, практику исповеди, институт монашества, которые столь дороги христианской церкви. Вопрос о том, как мусульманин предпочитает поклоняться Богу, остается частным делом верующего до тех пор, пока он не нарушает нормы общества. Христианство, напротив, вторгается в тайны внутренней жизни людей, но мало занимается регламентацией их общественной жизни, предпочитая «отдавать кесарю кесарево». Поэтому христиан поразили мусульманский шариа́т – собрание законов, регулирующих жизнь общества, основанное на положениях Корана и Сунны. Христиане сочли шариа́т доказательством того, что Ислам в значительно большей мере мирская, чем духовная религия, стоящая поэтому ниже их религии.

Прямые оскорбления уступили место более «разумной» враждебности в трудах таких философов, как Фома Аквинский и Роджер Бэкон, которые боролись с проникавшими в Европу, начиная с XIII в., идеями Авиценны и других мусульманских философов. Бэкон побуждал христиан изучать «неверных», то есть мусульман, для того, чтобы опровергнуть Ислам. При этом свою аргументацию он строил по принципам логики, которые перенял у мусульманских философов, у таких, как Аверроэс.

Нападки становились все более изощренными. Именно в это время на Западе сложился глубоко искаженный, демонологический взгляд на Ислам и его Пророка. Из поколения в поколение передавались сказки о Мохаммеде. Они так глубоко укоренились в сознании, что теперь никто не ставит под сомнение утверждение о том, что Пророк был эпилептиком, а его откровения – ничем иным, как следствием припадков. Писали также, что он якобы красил губы помадой и пользовался духами, удовлетворяя свою невоздержную чувственность. Запрет Ислама пить вино и есть свинину объясняли следующим образом: его основатель, которого не называли иначе как «идолопоклонник», «обманщик», «отступник», а то и просто «дьявол», был в состоянии опьянения якобы разорван на части свиньей.

И западные исследователи уже не могли воспринимать Ислам иначе, чем в русле этой паранояльной традиции. Карикатура на Ислам, утвердившаяся в учении христианской церкви, отравила и сознание мирян. Предубеждение против мусульманства распространилось настолько, что даже те ученые и путешественники, которые на протяжении последних двух–трех столетий пытались изучить исламское общество, так называемые востоковеды, оказались жертвами кривого зеркала этой традиции. Но если первые клеветники на Ислам поступали так по невежеству, то востоковеды часто использовали свое знание Корана и исламской истории, чтобы подкрепить старые дискредитирующие Ислам легенды.

Остается удивляться, с каким упорством западные авторы цепляются в своих писаниях за три истории, якобы из жизни Пророка.

Первая, уже упоминавшаяся выше, состоит в том, что Мохаммед, честолюбивый малограмотный человек, позаимствовал свое учение у арианского монаха, создав пародию на религию, хорошие стороны которой позаимствованы из христианства, а плохие выдуманы им самим.

Вторая история касается Зейда, раба, которого Мохаммед освободил, усыновил и женил на своей кузине Зейнаб, девушке из знатного рода, чтобы продемонстрировать, что все люди, согласно учению Ислама, равны. Однако Зейнаб и ее племя, все еще находившиеся под влиянием доисламских представлений, были недовольны этим союзом, оскорбительным для их родовой гордости. Зейнаб так насмеялась над своим мужем, считая его недостойным ее человеком, что тот с ней развелся. Тогда Мохаммед, который чувствовал себя ответственным за нее, как и за других, и брал в жены вдов, рабынь и покинутых, чтобы показать, что эти женщины не являются отверженными, сам женился на Зейнаб. Согласно же версии востоковедов, развращенный Мохаммед якобы испытывал физическое влечение к своей невестке и разрушил ее брак ради собственного удовольствия.

Третья басня о Мохаммеде, в которую недавно влилась свежая струя, – это легенда о так называемых «шайтанских сурах». Когда Мохаммед начал около 610 г. свое служение в Мекке, одним из первых его деяний было провозглашение того, что Бог един, и осуждение идолопоклонства. Это был очень непопулярный ход, поскольку жители Мекки получали изрядный доход от пилигримов, которые поклонялись языческим богам в Каабе, и поныне являющейся священным местом. Однако утверждается – а в этом и состоит предмет споров, – что через несколько лет он «реабилитировал» трех богинь, заявив, что они все-таки обладают способностью заступничества.

То, что Мохаммед сказал нечто подобное людям своего племени, утверждают многие комментаторы, но среди них нет согласия в том, что же именно он сказал. Более того, вполне вероятно, что слух об этом был пущен зороастрийцами, которые внешне приняли Ислам для того, чтобы изнутри ниспровергнуть это учение и, в особенности, его центральную монотеистическую доктрину.

Большинство достойных уважения комментаторов отрицают тот факт, что Пророк когда-либо «реабилитировал» богинь, и, во всяком случае, нет никаких доказательств того, что «шайтанские суры» когда-либо появлялись в Коране. Но это не помешало востоковедам сослаться на эту легенду как на доказательство того, что Мохаммед был жадным до власти и беспринципным дельцом, готовым ради денежной поддержки из Мекки уничтожить самую основу собственной доктрины. Именно этот взгляд на Пророка пропагандируется в злобном романе Салмана Рушди, где Мохаммед изображен в виде дельца, стремящегося сорвать жирный куш.

Эти и им подобные истории в течение столетий использовались для того, чтобы оправдать изображение Пророка в виде плагиатора, распутника и «джентльмена удачи». Образ этот живет и по сей день. Делается ставка на то, что нравственное убийство Мохаммеда дискредитирует и уничтожит весь

Ислам. При этом исходят из аналогии с христианством, которое строится вокруг добродетельной фигуры Христа и его искупительной жертвы. Единственный путь к Богу-отцу лежит у христиан через Бога-сына, и потому в христианстве задевать Иисуса, например, намекая на то, что он был обыкновенным человеком с присущими ему слабостями, означает подрывать все учение. По-видимому, этим и объясняется огромный успех фильма «Последнее искушение Христа». В соответствии с этой моделью предполагалось, что Ислам может быть сокрушен путем подрыва репутации Пророка. Это видно, в частности, и из того, что некоторые западные ученые предпочитают называть мусульман «магометанами».¹

Нет сомнения, что длительная политика очернения и высмеивания Ислама, проводившаяся отцами церкви, рыцарями-крестоносцами, теологами, путешественниками, востоковедами и современными романистами, сама по себе является труднопреодолимым препятствием для установления терпимого отношения к мусульманству.

В Великобритании публикация книги Рушди знаменовала крушение надежд мусульманского меньшинства, которое убедилось, что хваленое общество сосуществующих культур – это обман. Мусульмане почувствовали, что их права не вполне защищены. Лицом к лицу с обществом подавляющего большинства, где христиане преобладают в суде и других институтах, мусульмане почувствовали себя бессильными. Сожжение книги Рушди в Брэдфорде было отчаянной попыткой привлечь внимание средств массовой информации, после того, как менее сенсационные протесты остались незамеченными. До этого момента британских мусульман просто не замечали. Но когда они прибегли к резким демонстрациям, пытаясь заставить правительство выступить против книги Рушди, они действовали в полном соответствии с существующим на Западе традиционным представлением о них, как о примитивных фанатиках, недостаточно цивилизованных для того, чтобы оценить свободу слова.

Мусульманское сообщество подняло свой голос и кулак. Никому не понравилось ни то, что оно высказало, ни то, в какой бессвязной форме это было сделано, но, по крайней мере, все слушали и удивлялись этим иностранцам.

И в первый момент никто не понял, что главное, чего мусульмане больше всего хотели, – это уважения и признания их религии, а, по существу, их личности, после долгих веков оскорблений. Они не хотели, чтобы их унижали и далее. Они отвергли западную традицию насмешек над ними и пытались ответить клеветникам их же оружием. Когда в начале 1989 г. в Равенне мусульмане угрожали разрушить гробницу Данте и требовали запретить «Божественную комедию», они протестовали против того, что в этом средневековом литературном тексте повторяется церковная клевета на Мохаммеда. От такого протеста нельзя отмахнуться просто как от проявления религиозного фанатизма. Более того, именно для мусульман их культурное и политическое самосознание неразрывно связано с религией, так что нападать на последнюю – значит разрушать первое. У них эта связь даже более прочна, чем у евреев.

Сегодня мусульман приводит в ярость то, что западная традиция клеветы на них пережила крушение западных империй и освобождение колониальных народов. Западная культура остается пронизанной антисламскими настроениями. В современных средствах массовой информации нередко слышны отголоски средневековой полемики.

Например, популярная воскресная газета «People» отвела целую полосу для фотографии, изображающей похороны аятоллы Хомейни, когда огромная охваченная горем толпа обступила его тело. Подпись под фотографией гласила: «Безумцы готовы растащить по кусочку тело муллы». Присущее Западу презрительное отношение к чужой культуре все еще существует.

С определенной долей правоты мусульмане могут утверждать, что наука XX в. не смогла спокойно и объективно изучить Ислам во всей его сложности, как он того заслуживает. Вместо этого слишком часто делался упор на свя-

занные с Исламом насилие, терроризм и фанатизм. Многие в спорах об Исламе было окрашено предубеждением и страхом. Это относится и к разговорам о так называемой исламской угрозе западным интересам. Без сомнения, тот факт, что многие исламские страны являются ареной жестокого противоборства из-за нефти, или такие длительные конфликты, как арабо-израильская война или война между Ираком и Ираном, придают этим спорам особый драматизм.

С мусульманской точки зрения Западу не избежать обвинения в расизме, ибо если бы Ислам приняли канадцы или норвежцы, его стереотип не был бы столь неприятным, а отношение к нему – столь пренебрежительным.

Самый важный вывод, который можно извлечь из дела Рушди, состоит в том, что гнев мусульман заставил прислушаться к их голосу и сделал их силой, с которой следует считаться.

Вопрос о том, как быть с Исламом, с самого начала представлял проблему для Запада. Соперничающая система оказалась чрезвычайно устойчивой и неподдающейся. Веками попытки обратить мусульман в христианство оказывались тщетными, а планы завоевания их – несостоятельными. В новейшее время Запад достиг многого в деле подрыва мусульманского общества, подливая масла в огонь междоусобных войн между мусульманскими государствами, снабжая их оружием, и все же не смог добиться гибели этих государств. Как бы то ни было, открытое неповиновение Западу возрастает.

Для мусульман проблема выглядит несколько по иному: как выжить в культурном и политическом отношении в мире, построенном на основе западных идеалов, развивающемся с помощью западных технологий и под властью Запада? Это серьезная проблема, и мусульманам все труднее держать свои действия под контролем разума из-за чувства обиды за свое колониальное прошлое, когда с ними обращались как с вещью и презирали. Да и по нынешней шкале ценностей жизнь мусульманина ценится значительно ниже, чем жизнь христианина или еврея.

Я склонна думать, что антисемитизм, присущий западной культуре, более или менее загнан в подполье. К счастью, исторические обстоятельства сложились так, что сегодня трудно публично нападать на евреев или помещать на них в печати издевательские карикатуры. Но эти благотворные табу не распространяются на мусульман. Я бы даже сказала, что в обывательском сознании презрительное отношение перенесено с евреев на мусульман. Многие мусульмане разделяют мой страх – ведь уже были написаны слова: «Когда в Европе снова появятся газовые камеры, нет сомнений в том, кто займет в них место»¹.

Для мусульманина, который подобно мне впервые приезжает на Запад, возникает выбор между ассимиляцией и конфронтацией. Должна ли я растворить свою самобытность в новом окружении, приняв его колорит и ценности, рискуя в конце концов все равно быть отвергнутой? Или же следует оказать сопротивление внешнему влиянию, не поддаваться ему, а если необходимо, то и бороться с ним, пусть даже с риском быть загнанной в гетто?

Я пыталась уйти от проблемы, частично поддаваясь ассимиляции и частично сопротивляясь ей. Ассимиляция наполняла меня чувством того, что я предаю свое прошлое, в то время как сопротивление, я чувствовала, превращало меня в опустошенного и озлобленного фанатика. Многие на Западе приводило меня в восторг, и я хотела бы позаимствовать это, в то же время сохраняя приверженность требованиям Ислама. Трудно было сидеть между двух стульев.

Страдают ли подобной шизофренией все, кто попадает в чуждую культурную среду, или она проявляется лишь у мусульман на Западе? Прожив нелегкое десятилетие, я начинаю понимать, между моими европейской и мусульманской сущностями должно быть установлено равновесие. ●

¹ См. статью Шаббира Ахтара в настоящем номере. – *Ред.*

Светлана ГАННУШКИНА
(Москва)

НОВЫЙ ВРАГ

Представьте себе большой зал, битком набитый нашей демократической публикой. На трибуну выходит очередной оратор и произносит что-нибудь в таком роде: "Как ученый я понимаю, что все религии и национальные традиции имеют одинаковую ценность для человеческой культуры, но как политик я вынужден признать, что иудаизм плохо приспособлен для подготовки к восприятию общечеловеческих либерально-демократических ценностей, которые являются в первую очередь ценностями христианскими".

Какая будет реакция? Я думаю, оратору просто не дадут договорить и привести доводы, подтверждающие высказанную мысль. Да нет, мы не будем слушать никаких доказательств подобной теории. Он просто ошибся, не туда попал! Перепутал наше собрание с творческим вечером журнала "Наш современник".

Мы хорошо знаем, к чему приводят подобные рассуждения. Стоит только сделать шаг в этом направлении, и можно будет оправдать все: от антисемитизма при приеме в ВУЗы до газовых камер.

Однако достаточно заменить одну религию другой, иудаизм – мусульманством, и в той же среде тот же тезис не только не вызовет возмущения, но, напротив, найдет активную поддержку.

Именно это и произошло на собрании Международной Хельсинкской Федерации в Москве 3 июня 1990 г., когда обсуждался вопрос о правах человека в СССР.

В выступлении специалиста по социологии межнациональных отношений Г.В.Старовойтовой было четко выражено противопоставление примата личности в западной культуре примату государства в восточной и азиатской. Этот тезис был положен в основу трактовок сегодняшних национальных конфликтов в нашей стране. При этом такие понятия, как "ислам", "мусульманство", "азиатская ментальность", прозвучали с явным отрицательным оттенком (одно из высказываний из этого выступления я и привела выше почти дословно, заменив мусульманство иудаизмом и женский род мужским).

Разумеется, ни слова не было сказано об исламской опасности или о засилье мусульман на руководящих должностях, но в целом интонация удивительно напомнила мне интонацию выступлений "хорошо воспитанных" антисемитов.

Маленький эпизод подтверждает то, что мое восприятие не есть плод воображения. Когда 3 июня я уходила с собрания, меня догнал представитель одного из восточно-славянских народных фронтов.

– Почему вы стали возражать Старовойтовой? Разве вы не видите, что нам действительно грозит мусульманская опасность? – сказал он.

– Нет, не вижу. В чем же она выражается?

– На всех должностях, всюду мусульмане: Нишанов, Язов... (следовал еще ряд имен).

– При чем тут Язов? – удивилась я.

– Ну, вот видите – вы просто не осведомлены, а беретесь спорить со Старовойтовой: Язов – татарин! (Вот, оказывается, почему Язов отдает приказы о расстреле мирных граждан: просто он татарин, и это все объясняет!).

– Неправда, – сказала я, – везде на всех должностях евреи, от этого наши несчастья.

Мой оппонент посмотрел на меня подозрительно.

– Я так не думаю, – поспешно сказал он.

– И на том спасибо!

К сожалению, точка зрения, научно выраженная Г.В.Старовойтовой и так бесхитростно повторенная ее ловким защитником, укореняется в нашей демократической среде.

Открыла третий номер журнала "Век XX и мир" за этот год и сразу попала на очередную перепечатку из литовской газеты "Согласие" № 18: ноябрьская (1989 г.) беседа с Гамидом Хериши.¹ "Согласие" представляет Хериши как одного из идеологов Народного фронта Азербайджана, а "Век XX" — всего-навсего как деятеля НФА. Зная, что народные фронты повсюду представляют собой достаточно широкие, нечетко оформленные структуры без строго определенного членства, естественно задать вопрос, такая ли важная фигура Хериши, чтобы путешествовать из издания в издание. Возможно, его взгляды и "характерны для определенных кругов НФ Азербайджана", как сказано в редакционном вступлении, но почему-то широкая пресса не отражает позиций лидеров этого движения, а именно Хериши создает его образ.

Познакомившись внимательнее с номером журнала, я увидела, что это интервью — одна из трех публикаций под общим заголовком "Великое противостояние".

Первая из них — статья Эрнста Геллнера из Кембриджа "Ислам: иной взгляд на права человека". В этой статье Геллнер противопоставляет западное государство, основанное на либерально-демократическом понимании прав человека, государству мусульманского фундаментализма.

В первом случае государство сильное, обеспечивающее порядок, но не всевластное, не подминающее под себя гражданское общество. Права человека понимаются там в светском значении и распространяются на всех членов общества в равной степени. Граждан западного государства объединяет скептицизм, отсутствие догм, признание того, что "никто не владеет абсолютной истиной". Государство контролируется гражданским обществом.

Во втором случае государство, "недостаточно мощное, чтобы монополизировать право на законное насилие", претендует на абсолютную монополию на выражение моральных норм, на поддержание божественного порядка. Гражданское общество возглавляется религиозным государством, в основе которого лежит "незыблемая вера и отсутствие сомнений". Гражданское общество имеет единственный долг перед правительством — долг повиновения.

Анализ сегодняшнего положения в мусульманском мире, подтвержденный цитатами из Хомейни (например такой: "Никто не говорит сегодня об отмене смертной казни", или: "Исламское правление можно назвать властью Святого Писания над людьми"), подводит читателя к тому, что он вынужден дать отрицательный ответ на заключительный вопрос статьи: "Мыслима ли общая точка зрения на права человека у хранителей Писания и либералов-скептиков?"

Таким образом, Э.Геллнер и Г.Старовойтова очень близки в оценке западной и восточной форм государственности. Я ни в коей мере не берусь судить о справедливости теоретических выводов специалистов.²

¹ "Интервью" Гамида Хериши (или Херисчи) было впервые опубликовано в латвийской газете "Советская молодежь", а затем перепечатано во многих изданиях. Суть воззрений Хериши выражена в словах: "Запад склоняется к своему закату. Шпенглер был, в сущности, прав. А возрождение идет с Востока". Целый ряд официальных представителей НФА дезавуировал Г.Хериши, заявив, что он не имеет к НФА никакого отношения. — *Ред.*

² Этика ученого-исследователя, нарушение которой так много душевных мук принесло физикам и так дорого обошлось человечеству, не менее важна для представителей гуманитарной науки. То, что в одних условиях звучит, как элемент теоретического исследования, в других — может произвести взрывное действие (или ускорить, усугубить его). Можно ли препарировать душу народа, вытаскивать на поверхность глубинные свойства его ментальности, вскрывать первопричины этих свойств? Думаю, что не только можно, но и крайне важно в настоящее время. (Мне самой очень хотелось бы принять участие в исследовании на такую тему: "Почему на психику русского человека так легко ложится идеология антисемитизма? Откуда берутся Шафаревичи, Беловы, Распутины и т.п.?") Такой анализ не может не быть болезненным. Что же дает ученому право на него? На мой взгляд, только собственная боль и любовь к объекту своего исследования. "Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто".

История Арабского халифата дает возможность усомниться в принципиальной несовместимости ислама и плюрализма, но сейчас я говорю о практическом пре-ломлении результатов анализа в нашей сегодняшней ситуации.

Посмотрим вторую публикацию раздела "Великое противостояние". Она представляет собой маленькую заметку, в которой цитируется заявление Муаммара Каддафи. "Мы заявляем, что мусульмане Советского Союза должны сбросить с себя гнет и притеснения и получить свои права в полном объеме", – говорит Каддафи. Кроме того, он, оказывается, считает, что Ливия отвечает за положение мусульман в различных странах: Болгарии, Югославии, Китае и т.д. Каддафи призывает исламские организации всего мира к "координации деятельности" и "объединению усилий". Из заметки, правда, невозможно понять, какого рода деятельность имеет ввиду Каддафи и на что должны быть направлены совместные усилия. Однако после предыдущей статьи его заявление воспринимается как угроза: ведь только что выяснилось, что немыслима общая точка зрения на права человека.

И тут становится ясно, зачем понадобился Хериши. Вот они – исламские фундаменталисты: совсем рядом с нами. Вот откуда нам грозит опасность. "Возьмут за горло", как говорит Хериши, а тут как раз и Каддафи "объединяет усилия". "Идея общеевропейского дома потерпит фиаско" (Хериши), и всюду утвердится ислам. "Куда бежать, православные?" – как спрашивает Татьяна Толстая в сходной ситуации.

Допустим, Запад может себе позволить рассуждать о том, мыслима ли общая точка зрения для двух мощных традиций. Только мы-то не Запад! Никто нас за него и не принимает. Эрнст Геллнер определенно отмечает сходство между современным социалистическим государством и традиционным исламским. И то, и другое основано на моральной догме, представляет собой инструмент обеспечения единой идеи. И то, и другое оправдывает все свои действия тем, что ведет человечество в счастливое будущее. Нам не нравится государство исламского фундаментализма? Геллнер приводит высказывания его идеологов, откуда следует, что мы тоже не нравимся им; даже в этом мы схожи. О каком великом противостоянии может идти речь у нас в стране? Кто представляет у нас западную традицию? Прибалтика? Но Прибалтику высокий уровень социальной культуры отличает не только от исторически мусульманских, но в неменьшей степени и от исторически христианских республик.

Нам ничего другого не остается, как попробовать услышать и понять друг друга и вместе искать выход из сегодняшнего почти безнадежного положения. Я вовсе не имею в виду государственную целостность, говоря об общем поиске решения общих проблем. (Кстати, весьма сомнительна справедливость утверждения Хериши, что "Азербайджан не рассматривает даже возможности выхода из состава СССР, так как это был бы выход из тюркского единства".) Напротив, каждой империи когда-то приходит конец. Но без взаимной человеческой расположенности понять беды и обиды другого мы ввергнем себя в поистине великую драку, все больше очагов которой возникает на наших глазах. Но как бы не замечая психологических истоков разворачивающейся трагедии, мы продолжаем бесплодные поиски ответа на вопрос: "Кто виноват?"

С чем связана популярность Хериши в либеральной прессе? Очевидно, с тем, что он подтверждает складывающийся стереотип представителя мусульманского мира. Выходит, что текст Хериши пытаются приспособить для выполнения примерно тех же функций, которые в России начала века выполнялись "Протоколами сионских мудрецов", то есть использовать интервью Хериши как доказательство существования некоего заговора против человечества.

Нашему сознанию нужен образ врага. Мировая буржуазия, враги народа, американские империалисты, последовательно сменяя друг друга, ушли в прошлое. Жи-

до-масоны, популярные в некоторых кругах, все же не годятся в качестве "образа врага" для либеральной интеллигенции, так как в этих кругах антисемитизм навсегда скомпрометировал себя. И тут появляются на сцену мусульманские фундаменталисты, жестокие, как говорит Хериши, не намеренные никому ничего уступать.

Ощущение незащищенности на экономическом, социальном, этническом и даже биологическом уровне рождает ксенофобию. И ее раб, восставший внутри каждого из нас, страшной любых провокаций "КГБ", "Центра", "экстремистов" и т.п., на которых постоянно ссылаются представители национально-демократических движений.

Новый образ врага все больше укореняется и в сознании нашего российского интеллигента-демократа, склонного отторгать, отодвигать на задний план факты, сколько-нибудь противоречащие складывающемуся стереотипу.

Передо мной лежит письмо из Баку моего друга азербайджанца, датированное трагическим днем 16 января 1990 г.

"Мне трудно писать Вам после того, что произошло в городе в последние дни. У меня ощущение, что на руках кровь; я видел, как убивали. Мы дрались с погромщиками, как могли спасали людей... Господи, как стыдно и страшно за деградацию души!"

В январе до ввода войск из Баку было вывезено около 10 тысяч армян, и почти за каждым из них стоит не один помогавший ему азербайджанец. В превосходных статьях о беженцах Лидии Графовой и Виктории Чаликовой, полных страстного желания помочь людям, попавшим в беду, почти отсутствует один "небольшой" элемент, который звучит в собственных рассказах беженцев (я слушала их в постпредстве Армении в Москве).

В нескольких статьях описывается судьба женщины по имени Светлана, которая бежала из Баку с тремя дочерьми, ученицами 9, 7 и 2-го классов. (Девочки, разумеется, сейчас нигде не учатся; почти полгода они спали на полу, ели что придется в нашей гостеприимной столице.) Светлану истязали шестнадцать человек, насильовали, тушили о тело сигареты, издевались. Удивительно, но она еще может улыбаться и иронизировать по поводу своей полноты, которая помешала ей вылезти в чердачное окно. Когда бандиты уже ложились в ее одноэтажный домик, сосед-азербайджанец вывел через это окно и спрятал трех светланиных девочек. Последний эпизод исчез из истории этой семьи, видимо, как не заслуживающий большого внимания.

Другая обитательница армянского постпредства вспоминает, как соседка-азербайджанка во время погрома пришла к ней со своими детьми и сказала: "Мы вместе жили и умрем вместе, если так суждено". Им повезло: погромщики не добрались до их дома. Мне рассказывали об азербайджанской девушке, которая привела к себе подругу, чтобы той было не так страшно. Они погибли вместе.

Все это я слышала от людей, которые сумели в несчастье сохранить человеческое чувство к своим, теперь уже бывшим, землякам. Источником всех бед они склонны считать политику центра, а отнюдь не исламских фундаменталистов. Как известно, их позиция совпадает с мнением многих руководителей как азербайджанского, так и армянского движения. Есть причины, по которым и тем, и другим удобно так думать.

Не берусь судить о том, кто направлял руку убийц. Тут не место предположениям, и можно оперировать только документальными доказательствами. А для нравственной оценки происшедшего этот вопрос и вовсе второстепенный.

Однако то, что политика нашего государства нанесла огромный вред исторически исламским народам, мне кажется неоспоримым фактом. В "тюрьме народов" условия их существования были наихудшими, поскольку это были условия существования колоний в чистом виде.

Наложение на феодальную структуру советской административно-бюрократической системы создало в так называемых мусульманских республиках такую пронизывающую сеть теневых отношений и связей, что разорвать их сейчас не представляется возможным, так как заменить пока нечем. Кроме того, очевидно, что уходят эти связи далеко вверх (то есть к нам, к центру), и это тоже не способствует их скорому уничтожению.

И ведь Херици прав: "Достаточно пройти километр по узбекской (казахской, азербайджанской...) земле, чтобы почувствовать трагедию". Крошечные глиняные домишки, где в одном помещении горит очаг, ползают дети и стоит автомобиль, — признак не столько материального благополучия, сколько отсутствия возможностей удовлетворить какие бы то ни было другие потребности. Дети с признаками сильно выраженного рахита, играющие на горячих камнях, пока матери надрываются на полевых работах. Таким предстает Узбекистан и другие среднеазиатские республики. Многим ли лучше положение в Азербайджане?

А оторванность от культурных корней, часто от родного языка, от религии предков, того самого ислама? (Ведь Рафика Нишанова называть мусульманином так же нелепо, как называть христианином Егора Лигачева или иудеем — Лазаря Кагановича.) А многократные замены алфавитов, приведшие к тому, что люди не могут разобрать надписи на храмах, не могут прочесть книги, написанные их предками? А переселение народов, опять же главным образом мусульманских? И, наконец, уничтожение интеллигенции: узбекской, азербайджанской, татарской.

Кто в ответе за все это? За все то, что было сделано если не руками русского человека, то, во всяком случае от нашего русского имени, от имени "старшего брата", который, забыв свою вековую роль, стал в последнее время сетовать о том, что не имеет своего ЦК и даже своего ДОСААФа.

Да, мусульманские народы должны сбросить с себя гнет и получить свои права, как и все народы нашей страны. И азербайджанские беженцы из Армении, о которых мир знает так мало, потому что все они находятся в Азербайджане, должны найти свое место в жизни. Это крестьяне, им необходимо создать условия, обеспечивающие привычный образ жизни. И сожженные в Гугаркском районе Армении в ноябре 1988 г., в Фергане в мае 1982 г., на границе Казахского района Азербайджана в марте 1990 г. дети и женщины заслуживают сострадания не меньше, чем мученики христианского происхождения в Сумгаите, Баку, Андижане.

Сколько раз приходилось мне слышать от своих московских друзей в ответ на рассказы азербайджанцев о жестокостях при выселении из Армении, о крестьянах, сожженных и убитых в Гугаркском районе, ровно те же слова, которые произносит азербайджанский историк в статье В.Чаликовой "Люди с содранной кожей" ("Досье ЛГ", март 1990) по поводу геноцида армян в 1915 г.: "Этого не было! Ложь!" Армяне этого не могут? Люди это могут!

Исторические корни и христианства, и ислама не гарантируют от жестокости. Да и что осталось сегодня от этих корней? В 1915 г. исламская элита "образовала тайный штаб сопротивления геноциду, связалась с христианскими миссионерами" (В.Чаликова, там же). А сегодня Гамид Херици упоенно рассуждает о мусульманской жестокости. При этом он очень напоминает мне молодого оратора на Пушкинской площади, который на замечание, что столь ценимый им Ветхий Завет есть священная книга евреев, ответил: "Вы ошибаетесь, вас неправильно проинформировали", — продемонстрировав всю глубину своих христианских убеждений. Возвращение нравственных ценностей — серьезный и длительный процесс. Мы только вступаем на этот путь, у нас нет времени разобратся, что такое христианство и что такое ислам, а нам приходится отвечать за то, что происходит сегодня.

Азиатская ментальность? — она наше общее свойство. Запад имеет основания для беспокойства, — сегодня снова звучит угрозой полное восторженной дикости предупреждение А.Блока:

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Откуда мне светит хотя бы луч надежды?

Недавно жильцов армянского постпредства, наконец, расселили в гостиницы. Им даже выдали талоны на покупку вещей в центральных магазинах Москвы. Две армянки, мать и дочь, возвращаясь после посещения гумовских закровов, зашли в столовую на улице 25 Октября. Эта улица показалась старой бакинке похожей на Торговую улицу в Баку, и она тихонько заплакала: "Я больше не могу так, я хочу домой!" Молодой парень, азербайджанец, только что поставил на стол поднос с обедом. Ему достаточно было взгляда, чтобы понять, кто перед ним. Он поднялся навстречу старой женщине, обнял ее, подвел к совему столику, посадил на стул:

- Ешь, хала (тетя). Ешь, не плачь.
- Спасибо, не надо, сынок, сейчас дочь принесет еду.
- Ешь, прошу тебя.

Молодой человек не мог поднять глаза, в них стояли слезы.

Он никого не убивал, не грабил, не изгонял. Никто не смеет ему сказать: "Ты виноват!" Но никто не может лишить его права на то горькое и святое чувство, которое он испытал, сидя в московской столовой рядом со своей старой землячкой.

Я не хочу называть это чувство каким-то одним словом, но чем шире та общность людей, к которой человек себя относит и за которую чувствует свою личную ответственность, тем больше надежды на то, что он не сделает другому зла.

Нет, не великое противостояние, а только великое взаимное понимание и уважение могут уберечь нас всех от страшной трагедии. ●

«НАДО ПРОТИВОСТОЯТЬ НЕНАВИСТИ»

Беседа с Галиной Старовойтовой

Галина Старовойтова – этнограф, известный общественный деятель, народный депутат СССР и РСФСР, один из советников Б.Ельцина по национальному вопросу. Интервью у нее взял наш специальный корреспондент Кронид Любарский.

В статье, написанной для нашего журнала, С.Ганнушкина с возмущением цитирует одно из ваших выступлений, в котором вы говорите, что «мусульманство плохо приспособлено для подготовки к восприятию либерально-демократических ценностей». Она указывает, что если бы то же самое сказано было бы об иудаизме, то оратора согнали бы с трибуны. Говорили ли вы нечто подобное, а если да, то что вы имели в виду?

Да, на заседании Международной Хельсинкской Федерации в Москве летом этого года я высказала следующую мысль. Мы сейчас в нашей стране нуждаемся в объединении народов – будь то государственном, политическом или моральном – на основе конвергенции, внутренней конвергенции. Эта конвергенция может происходить только на основе принципов демократии, так называемых общечеловеческих ценностей. Но не обманываем ли мы себя, говоря о них? Существуют ли эти ценности, или же мы на самом деле имеем

в виду ценности христианской духовной традиции? Я вовсе не говорю, что эта традиция лучше или хуже других, она просто другая, но, находясь внутри нее, мы этого просто не ощущаем. Я думаю, что последователи разных религий – ислама, буддизма, иудаизма или христианства – по-разному готовят себя к демократии. Мне кажется, что духовная традиция, догматика ислама и, между прочим, также и иудаизма, в меньшей мере готовят своих приверженцев к тому, что мы называем демократией. Так что иудаизм и ислам я не противопоставляю, а, наоборот, объединяю. Сюда же относятся и языческие верования, шаманизм. О буддизме я не говорю, я с ним знакома меньше.

Хотя христианство родилось из иудаизма, как бы отпочковалось от него, тем не менее это разные духовные традиции. Мне кажется иудаизм и ислам близки по одному параметру: высокой регламентации бытовых сторон жизни. Кроме того, в обеих этих религиях признается иерархическое, субординационное строение мира и общества, в большей мере, чем это характерно для христианства. Может быть я ошибаюсь, мою точку зрения можно оспаривать, но так мне это сейчас представляется. Такова бытовая традиция. Иногда она отличается от теологической доктрины – я сталкивалась с этим как этнограф, работая в мусульманских регионах, в отдаленных глубинных селениях Азербайджана, Абхазии и др.

Я нахожусь в сложном положении. С одной стороны, я этнограф, этносоциолог, историк культуры, с другой стороны – политик, парламентарий. Как этнограф, я прекрасно понимаю, что мы должны следовать принципу культурного релятивизма: все народы равны, все этнические культуры равноценны по своему вкладу в общую сокровищницу. Вклад ислама в эту сокровищницу вообще не оценим. Но как политик, я понимаю, что последователи разных религий в разной мере готовы к упомянутой мною конвергенции. Конечно, как политику, мне не следовало этого говорить. Считайте, что это интимное признание.

Тем не менее слово было сказано, и спасибо, что вы разъяснили свою позицию. Разделяете ли вы точку зрения С.Ганнушкиной – мне она кажется очень обоснованной, – что сейчас в стране возникает новый «образ врага»: антимусульманские настроения, ненависть к жителям южных регионов вообще, к «чучмекам», «узкоглазым» и т.п. постепенно вытесняет даже традиционный антисемитизм?

Да, пожалуй, такой стереотип формируется. Но вот недавно на вопрос корреспондента о том, реальна ли панисламская угроза, новый председатель Верховного Совета Армении Левон Тер-Петросян, специалист по истории культуры средневосточного региона, сказал, что панисламизм существует как течение политической мысли, идеологии. Вероятно, его разделяет очень узкий круг людей, но он не существует как реальная политика. Доказательством служат бесконечные войны внутри самого арабского мира. Л.Тер-Петросян считает, что с антиисламским стереотипом надо бороться.

Вы считаете, что на территории Советского Союза панисламские идеи серьезного хождения не имеют?

Мне трудно об этом судить. Эта культура остается очень закрытой даже для этнографа. Боюсь, что и госбезопасность с ее осведомителями, партийные органы на местах тоже не знают хорошо изнутри идущие в ней процессы. Имеет место некоторая отчужденность исламской и христианской культуры, которая непревзойденно описана А.Камю в его «Постороннем». Боюсь – это очень опасно! – что о степени распространения панисламизма никто в нашей стране не может судить.

Не кажется ли вам, однако, что когда мы говорим о антимусульманских настроениях в народе, причина их лежит не в «панисламизме», а на более низком, повседневном уровне?

То есть не идеология, а быт? Возможно. Тем более, что большинство российского населения и не сталкивалось с представителями этих культур иначе, чем на базаре. Средний русский вообще перепутает, скажем, армянина, грузина или азербайджанца. Это скорее расовая ненависть, чем религиозная. И эти народы могут стать жертвой общей, неясной канализации той намеренной или ненамеренной ненависти, которая сейчас накопилась в народе. Это очень опасный процесс, которому надо всячески противостоять. Но пока что только на территории Армении было несколько погромов азербайджанцев, и были беженцы оттуда, во всех же других случаях дело обстояло как раз наоборот: Сумгаит, Баку, Новый Узень, Душанбе и т.д.

А в Армении были погромы азербайджанцев?

Да, в ноябре 1988 г. было около 20 убитых в разных районах, удаленных от Еревана – в частности в Гугарке, где Армянское общенациональное движение не контролировало ситуацию. После этого азербайджанское население – 160 тысяч человек – за несколько недель ушло из Армении, превратилось в беженцев. Это было следствием того, что погромщики Сумгаита остались ненаказанными. К тому же убийствам азербайджанцев предшествовали ноябрьские погромы армян в Кировабаде.

Существует мнение, что в Советском Союзе «настоящего» ислама практически нет, можно говорить лишь о традиционном исламе, обществе, в котором ислам практически сливается с язычеством. Вы разделяете эту точку зрения?

Нет, не разделяю. Это же можно сказать практически о любой религии: о православии, католицизме и т.д. Спросите любую бабушку в российской церкви: она тоже очень мало что вам скажет о теологии, об идейной сущности христианства. Ее вера столь же традиционна. Всегда носителем идеологии религии является лишь небольшая часть населения, а большинство просто следует бытовым предписаниям.

Вы не думаете, что корнем «исламской проблемы» является то, что не раз играло в истории очень дурную роль, а именно – политизация религии? Так бывало с христианством, теперь то же самое происходит с исламом.

Да, это, к сожалению, так. Азербайджанский этнос – это молодой этнос, который, видимо, сейчас переживает и долгое время будет переживать период бурного развития. Карабахская проблема послужила катализатором этого процесса. Во времена таких пассионарных толчков появляется нужда в идеологии. Ею может стать и религиозная доктрина. То же может случиться и у среднеазиатских и кавказских народов – на Северном Кавказе. ●

ИСЛАМ В РОССИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Месяца за два до захвата Ираком Кувейта мне продлевали визу в полицейском управлении небольшого города на юге Германии. Чиновник, загонявший в компьютер имя, переспросил: «Гусейнов – это как Хусейнов, а Гасан – как Хасан?» «Да-да, – говорю, – но это русифицированная форма». «А-а, – обрадованно закивал полицейский, – значит Саддам Хусейн был бы в Москве Саддам Гусейн?» Мы рассмеялись, не подозревая, что спустя несколько недель мой багдадский однофамилец сделает еще один шаг, так сказать, за границы того, что хочется считать здравым смыслом, а московскому однофамильцу Саддама Хусейна приспичит говорить об исламе в России.

Во избежание двусмысленностей, возникающих и по куда более простым поводам, скажу сразу, что речь идет только о том, как массовое сознание в мусульманской и немусульманской России представляет себе ислам, из чего складывается образ мусульманина-фундаменталиста в глазах его единоверцев и в чужих глазах. И на историю России, – включая, разумеется, в это геополитическое понятие Поволжье, Туркестан, Западную Сибирь, Северный Кавказ, Закавказье, – приходится смотреть как на единый процесс, наблюдаемый нами в определенный период развития мирового сообщества и противостояния в рамках этого сообщества мусульманского Востока и значительной части остального мира. Этот подход не требует подчеркивать историческое своеобразие советского периода существования мусульманских народов в составе России, но он требует отбросить словоблудие об идеологической специфике «исламского» и «христианского» миров, не позволяющей-де принадлежать этим мирам людям сосуществовать ни в этой, ни в других частях света.

Из чего же сложился сегодняшний образ «ислама» и «мусульман» в России? Спросим прямее и жестче: почему жестокость, убийства, буря массового насилия воспринимаются как специфически мусульманские достижения? Не станем торопиться с ответом: «Да потому, что все они такие, одним миром мазаны, дикие средневековые люди и т.п.»

«Они попадают в рай»

Опорные точки, на которых воздвигнут образ исламской угрозы, были намечены в недавние времена. Смысловой континуум «варварства», «насилия» и «беспредельного иррационализма» (ключевые слова десятков публикаций последних лет) окончательно сложился из чрезвычайно неудачного совпадения внешних и внутренних факторов нашего развития.

Секуляризируя социальную жизнь, советская власть обеспечила укоренение среди большей части мусульманского населения страны двойного стандарта религиозности: немногочисленные официальные муллы превратились в едва ли не госслужащих, зато чрезвычайно разрослась сеть неофициальных религиозных деятелей, опирающихся на элементарные бытовые традиции, которые сохранились в каждой семье. То обстоятельство, что эта новая сеть была с самого начала своего возникновения оторвана от настоящего традиционного образования и легко противостояла скверной светской школе, обусловило фанатическую варваризацию ислама (так шокирующую всех завзятых борцов за «счастье простого народа» при виде последствий иранской революции или гражданской войны в Ливане).

Другим важнейшим внутренним фактором стала структура советского мусульманского общества, или те особенности феодального социализма, внеш-

ние признаки которого сразу впечатываются в сознание постороннего наблюдателя: неимоверная нищета и болезненность большей части населения (особенно женщин и детей) на фоне богатств, расхищенных новыми баями и хан-секретарями обкомов и республик. Экономические предпосылки такой простейшей социальной стратификации (нищий забитый народ и народом же поддерживаемые партийно-полицейские феодалы) не пришьешь к двоящемуся образу «азията» в глазах мнящего себя европейцем наблюдателя: либо грязный рабелепствующий простолюдин, либо жирный и хитрый мафиозо. Сколько бы ритуальных заклинаний ни произносили чиновники разных рангов относительно «узбекского дела» (называется, мол, оно «узбекским», не потому, что весь узбекский народ ответственен, и т.п.), слово – не воробей, и в массовом сознании немусульманского населения господствует именно тот двоящийся образ, расистская парадигма которого обеспечивает ему стратегическую сохранность.

А какими видели себя все эти десятилетия сами «мусульмане»? Замордованными, униженными (отняли письменность, а с нею и Коран, вообще подружили традиционную систему образования), людьми второго сорта. Некоторые – немножко подпольщиками, гордящимися живучестью религиозной традиции. Победа афганских партизан над СССР оказалась в известном смысле компенсацией за отнятое национальное достоинство. Нежелание «северян» брать на себя ответственность за экологическую и экономическую катастрофу в Средней Азии стимулирует агрессивные настроения с ярко выраженной антирусской составляющей.

Внешнеполитическим фактором, укрепляющим в глазах немусульманского населения враждебный, а в глазах советских мусульман – привлекательный образ ислама, была и в значительной мере остается бездарная ближневосточная политика советских правительств, начиная с 1948 г. и вплоть до конца афганской войны. Единственный, не считая решения о выводе советских войск из Афганистана, конструктивный шаг СССР в отношении Ближнего Востока – запоздалое решение о прекращении военных поставок Ираку, датированное августом 1990 г. и вызванное только иракской агрессией против Кувейта. Особенностью этой политики было не только двурушничество (например, стимулирование ирано-иракской войны), но и наглое обирание собственного населения ради извлечения мнимых геополитических выгод из дружб с Египтом, Сирией, Йеменом, палестинцами – в сущности, с любой силой, желающей получить оружие для любых целей.

Именно поэтому, несмотря на всегдашнюю готовность наших низов к борьбе с сионистами, антиарабские и – шире – антимусульманские настроения в ксенофобном букете нашего, как теперь выясняется, христианнейшего государства были и наиболее сильными, и как нельзя лучше оправданными.

В этом контексте афганская авантюра была не только тягчайшим преступлением против афганцев, проявлением традиционной безжалостности к собственным подданным, но и свидетельством неизмеримой тупости советского руководства, которое собственными силами синхронизировало процессы «исламской революции» и «исламского возрождения» в приграничных странах с «фундаментализацией» ислама внутри СССР.

Другим важнейшим следствием войны стал выход на поверхность образа врага-мусульманина из подполья массового сознания немусульманского населения страны. Геройка борьбы с душманами до сих пор уродует мозги тех, кто клюет на попытки задним числом оправдать эту девятилетнюю грязную войну «необходимостью противостоять исламу на его территории» и прочими бреднями, тождественными гитлеровским предостережениям об опасности ослабления чистых арийцев.

Вывод советских войск из Афганистана был воспринят по-разному мусульманами и немусульманами в СССР: первые усмотрели в ней стратегическое «поражение русских на Востоке», вторые до сих пор не осознали сути

события, не справились с важнейшей исторической задачей. Население СССР поняло, наконец, что афганская война была преступлением правительства страны против собственного народа, но пока не взяло в толк, что главное все-таки состоит не в этом, что главная вина – и правительства, и каждого из нас – перед самими афганцами.

Неизжитая вина перед афганцами, лежащая на всех советских граждан (как мусульманах, так и немусульманах), находит психологическое утешение у «южан» в том, что они считают своим национально-культурным возрождением, у «северян» – в теперь уже прекрасно артикулируемом страхе перед исламской угрозой.

И страна осталась вроде бы целой, и армия потеряла всего несколько тысяч убитыми (да, и мне страшно от этого слова «всего!»), а чего-то не хватает. И политикам, и воевавшим. Афганская граница приблизилась куда-то к Краснодарскому краю, потому что неискупленная вина соединилась с новой пищей для ненависти и страха.

Армянские погромы в Азербайджане, садизм, необузданность многотысячных толп, варварские заклания националистических лидеров вносят новые черты во все более зловещий образ мусульманина-изувера. Фергана, Ош – снова резня, поджоги, массовые столкновения с войсками.

Сложился морально-психологический и политический континуум исламской опасности, в котором даже никак не связанные между собой события заряжают друг друга всей прежде накопленной энергией устрашения.

В массовом сознании немусульманского населения взаимодействуют такие события, как захват нескольких тысяч советских и иностранных заложников в Ираке и бегство армян, русских, евреев из Баку, война между войсками Наджибуллы и партизанами в Афганистане и киргизско-узбекские столкновения в советской Средней Азии.

Массовое сознание мусульманского населения истолковывает те же события по-своему. Здесь в поисках источника вражды без труда добираются до политических решений центра, или Белого царя, или русских из Москвы.

В Москве заметнее телеконцерты с гдлянскими миллионами, рыночные «азияты»; в Фергане или Оше – желтушные дети и тысячи, десятки тысяч безработных молодых мужчин, имеющих к исламу такое же отношение, какое имеют шахтеры Донбасса или Воркуты к христианству.

Очевидно, однако, что в чрезвычайно разогретой молодежной среде южных республик фундаменталистская пропаганда может и будет иметь успех, прямо пропорциональный неудачам государства во всей его восточной политике.

Как бы ни было прискорбно стремительное одичание демократических движений в Закавказье, прямую ответственность за него несет центральная власть, неспособная решить ключевой для страны карабахский конфликт в рамках старого, «республиканского» политического мышления.

Здесь пока еще мелкие и на общем фоне незначительные очаги противостояния мусульман и христиан (в Абхазии, в Аджарии, связанные с неспособностью грузинских властей обеспечить возвращение в родные деревни турук-месхетинцев, и некоторые другие) могут стать постоянными – на десятилетия! – источниками насилия, подобными североирландскому или баскскому очагам в Западной Европе или трансильванскому очагу в Восточной.

Подобно тому как это происходило и происходит в относительно секуляризованных исламских странах с отсталой аграрной экономикой и в подавляющем большинстве бедным населением – от Ливии до Ирака, – стойкий набор немногочисленных фундаментальных постулатов легко спланирует народ вокруг военной верхушки, опирающейся на страстную безграмотную молодежь, люмпенизированные слои общества и особенно – прикормленной интеллигенции.

Именно люмпенизированная интеллигенция оформляет смутные ожидания и вполне определенные желания обнищавших людей в идеологию фундамен-

тализма – своеобразную религиозность без Бога и морали. Религиозность «крови и почвы», слегка окрашенная в нужные для восприятия массовым сознанием цвета. Таков не только ислам иранских аятолл, но и ислам Саддама Хусейна; таково же христианское общество «Память». Отличия тут – в накале, в ярости, в цене человеческой жизни.

Коммунистический тоталитаризм, о слоновою кожу которого обломано столько дреколья и лыжных палок, преобразуется в сознании миллионов наших соотечественников в фундаментализм – национальный и религиозно-национальный. Пока что фундаменталисты в меньшинстве, в грозном меньшинстве. В Сумгаите, Баку, Фергане, Оше это меньшинство сыграло свою роль, парализуя слабые члены нового общественного организма и провоцируя систему в целом на реставрацию того уголовного режима, который и привел к нынешним погромам, поставив им многотысячные кадры.

Ось этого чертова колеса – бессилие перед экзальтированным фундаменталистским меньшинством морально опустошенного большинства.

Слово-прикрытие фундаменталистов всех мастей, слово, с которым они, как прежде говорили, «города берут», – это «духовность». «Возрождение», «наша традиционная...» и проч. За десятилетия классовой религиозности массовое сознание всего населения чудесным мичуринско-лысенковским способом освоило производство изумительно стройной доктрины из нашей духовной капусты и картошки – маниловщины и рахметовщины. Произведена, таким образом, невиданная вакцинация против здравого смысла. Именно она подсказывает самые нелепые выходы из действительно тяжелой общественно-политической ситуации.

Вот почему нет ничего удивительного в том, что чисто психологический феномен социальной автоагрессии, обусловленной глубоким разочарованием советских людей в себе и в своих потенциях, эксплуатируется фундаменталистским меньшинством – по большей части, видимо, бессознательно, – в конкретных политических целях (от борьбы за суверенитет до полного и окончательного национального возрождения «народа X, который пострадал за годы сталинских репрессий и застоя, пожалуй, больше всех других народов страны»; ясно, что такая борьба и такое возрождение приводят только к подавлению меньшинств и новому витку деградации).

Доктринерская склонность к генерализациям, мания обобщений (которой в немалой степени страдает и автор этих строк. – *Прим. авт.*) делает лозунгом наших массовых политических баталий художественное кредо великого модерниста и мистификатора Пабло Пикассо: «Я не ищу, я нахожу». Политизированное массовое сознание прокричит: «Нахожу устойчивость, нахожу простую и ясную дорогу, нахожу такие ценности, ради которых можно отдать и мою жалкую жизнь, и тем более жизни тех, кто, по моим представлениям, должен ответить за поругание святынь. Я прав, ибо мною правит вера (святая вера, отцовская вера) в мою правоту». Или еще короче: «Я прав, потому что я прав...»

Почему же исламский вариант фундаментализма представляется сегодня самым опасным – во всяком случае, не менее опасным, чем нацизм Шафаревича и «Памяти», и пока что гораздо более грозным, чем снова врастающая в государство православная церковь?

Лет десять назад, сидя в компании друзей на подмосковной веранде, мы обсуждали только что переданное по радио сообщение из Иерусалима о самоубийстве палестинских юноши и девушки, взорвавших начиненный динамитом грузовик в воротах израильской казармы. В разгар – не спора даже, а так, недоуменного цоканья языками – на веранду поднялся мой отец, человек вовсе не религиозный, но для которого мусульманская ментальность – неотъемлемая часть личности. Едва вникнув в суть разговора, отец только стряхнул капли дождя с зонтика и сказал: «Да ведь они же сразу в рай попадают».

Этот эпизод – и ужасная гибель молодых палестинских фанатиков, и простое объяснение отца – сразу пришел мне на ум, когда в сообщениях об

иракском вторжении в Кувейт как бы между прочим сообщили, что Саддам Хусейн расстрелял несколько десятков или даже больше сотни офицеров, отказавшихся принять участие в агрессии против соседней страны. Багдадский диктатор оправдывал вторжение необходимостью защитить «исламские ценности», казненные офицеры защищали свои исламские ценности, ибо то, чем руководствовались шедшие на смерть ради чужой страны или ради своей чести офицеры, – это тоже исламская ментальность, и в этом своем воплощении она привлекательна для неприкаянной молодежи куда больше, чем анемичная мораль нашего общества, с холопской угрюмостью десятилетиями мирившегося с режимом, подобным нынешнему иракскому, и так и не осмелившегося сколько-нибудь заметным образом ему воспротивиться.

Зато другие иракские военные – а их было не меньше, никак не меньше – насильовали в захваченном ими кувейтском международном аэропорту стюардесс.

Подобная страшная поляризация была отмечена и в Сумгаите, и в Баку, где бессильное большинство безучастно наблюдало за тем, как одно меньшинство садистов и убийц во имя утверждения своего национального достоинства терзало и изгоняло армян, а другое меньшинство, как, например, лига «свободных мусульман», прятало армянских женщин и стариков в мечети (факт, отмеченный в скромной корреспонденции «Московских новостей»).

Но страсти к убийству было тогда и остается теперь больше, чем страсти к самопожертвованию, хотя обе в равной степени принадлежат этой самой исламской ментальности.

К несчастью, только потом, *post factum*, на круг становится ясно, что массовое безумие, вырастающее из фундаменталистского зернышка, как сказал бы читатель, – лишь эффективный стимулятор коллективного самоубийства популяции.

Мечтающий спасти свой народ от надругательства не нуждается в рациональных разъяснениях бесперспективности не только избранного пути, но и ложности цели. Очевидно ведь, что ничто так не способствует культурной деградации Закавказья в последние годы, как стремление окончательно превратить этот некогда прекраснейший из космополитических регионов империи в кошмар национальных республик-изоляторов.

– Ах вот как, – слышу я голоса. – Значит, империя лучше, значит, народы неправы, весь народ из одних дураков состоит, один ты умный?!

Разумеется, хочется мне ответить, по отдельности люди и вообще-то умнее, но что целые народы могут десятилетиями ходить в дураках – и быть дураками, и считаться таковыми, – это, конечно, медицинский факт. Достаточно поглядеть на нас самих, на советский народ, как там теперь поют, «пострадавший, как ни один другой». Разговор о дураках особенно полезен применительно именно к нашей теме, к «исламской угрозе».

Комплекс жертвы

В ходе бесконечных дискуссий о последствиях воссоединения Германии одна моя знакомая западногерманская пацифистка и антифашистка, устав от дипломатично высказываемых опасений, не будет ли, мол, восьмидесятимиллионная Германия новым гигантом, мирно проглатывающим младшие страны Европы, резонно заметила: «Знаете, сегодня немцы чувствуют себя европейцами не меньше, но даже больше, чем немцами. Если, однако, они будут все время слышать вокруг шепоток: «мы боимся вас», «ваша экономическая мощь страшна, мы боимся вашей мощи», – они снова станут национальной угрозой. Англичане, французы, итальянцы, хочется крикнуть мне, – продолжала моя знакомая, – мы – такие же, как вы, мы вместе с вами – европейцы, так успокойтесь, не пугайте себя нами».

Этот призыв – «не пугайте себя нами!» – сегодня весьма актуален и для нас. В принципе из всех возможностей сосуществования Востока и Запада в

России сегодня выбирается слабейшая. В Средней Азии создаются «эвакопункты» в виде миграционных центров, и закавказская ситуация определяется, с одной стороны, как выяснение отношений между националистическими бандами, а с другой – как противостояние «бунтующих племен» «имперскому войску».

Острое желание северян позабыть о юге, отлитое в формуле: «Пусть они там себе живут как хотят! Зачем наши мальчики проливают кровь, разнимая этих армян с азербайджанцами?!», способствует на деле лишь росту числа беженцев с юга и новой напряженности в европейской части страны. «Пусть живут как хотят» не сработало в Афганистане, а в нашей истории вообще закон – тайга: за вход рупь, за выход два. Применительно к данной теме это означает вот что.

То, что называют «исламским фундаментализмом», и те, кого называют «мусульманскими фанатиками», – это часть населения, соседствовать с которой большинству немусульман страны придется и впредь. Не только в Средней Азии, но и в Поволжье, не только на Северном Кавказе, но и в Крыму. Легкомысленные дураки, предлагающие «безболезненное размежевание» в Закавказье, перерисовывающие границы там, где их прежде вовсе не бывало, должны сначала попробовать безболезненно разделить ребенка между отцом-азербайджанцем и матерью-армянкой. Таких детей тысячи, ведь на этой земле рядом прожили многие поколения. Но делить детей приходится на севере – в России.

Еврей, эмигрировавший из Баку в Иерусалим, станет там русским, бакинский армянин, говорящий по-русски и по-азербайджански и попавший как беженец в Ереван, убежит оттуда снова – как турок, а украинец из Подмоскovie говорит, обращаясь к русской бакинке, чтоб та возвращалась к своим «чуркам завоеванным». И это – цветочки предлагаемого сегодня нашими родными дураками национально-демократического размежевания.

Исламская составляющая этого размежевания, воспринимаемая массовым сознанием как «исламская угроза», опасна тем, что переводит любой временный политический конфликт на уровень неких субстанциональных проблем, которые, если очень постараться, можно решить раз и навсегда с помощью какой-нибудь новой Куликовской битвы. А само стремление ответить на исторический «вызов» (в духе тойнбианских «ответов» цивилизаций) с неизбежностью толкает прямо в «тень врага», и борец с «исламской угрозой», сколь бы рьяно ни подчеркивал он свой «христианский гуманизм» и «демократизм», становится таким же фундаменталистом, как его противник. Печальная эволюция азербайджанского и армянского национальных движений – наглядный внутренний пример подобного развития.

Любопытно, что в других очагах мусульmano-христианского противостояния фундаменталистский вызов может исходить от немусульман. Не называть же христианами тех болгарских деятелей, что занимались в конце 80-х гг. искоренением ислама в Болгарии хорошо-известным нам творческим методом переписывания турок сперва в болгары-мусульмане, а потом просто в болгары – в порядке очищения от чуждых турецких национальных обычаев. Дойдет ли до этого в Аджарии, единственной, кстати говоря, советской автономной республике, созданной по религиозному, а не национальному признаку?

Отчужденность между мусульманами и немусульманами в СССР стимулируется – как никогда еще со времен начала афганской войны – новым глобальным противостоянием вокруг Ближнего Востока.

Парадоксальная индоктринация советского населения на поддержку арабского народа как целого в его противостоянии «сионизму и империализму» и на страх перед исламским фундаментализмом привела к следующему. В нынешнем развитии событий на Ближнем Востоке и массовое сознание советских людей, и малокомпетентное, хотя и «субъективно честное» руководство оказались неподготовленными к давно ожидавшемуся экспертами столкновению

двух движений с пересекающимися маршрутами, двух «вызовов», на которые приходится отвечать не ждавшим такой судьбы людям.

Одно движение – это консолидация бедных и воинственных арабских государств в их противостоянии богатым, но беспомощным в военном отношении соседям (только Иордания может похвастаться вместе и бедностью, и беспомощностью). Здесь дешевая демагогия «исламской справедливости» и «защиты святынь от поругания прогневшим Западом» сплачивает людей с той же нездешней силой, что и не так давно у нас, в СССР, – сталинская демагогия интернациональной классовой борьбы за всеобщее равенство, а в Германии – нацистская идеология Третьего рейха.

Другое движение – антизападное в более широком смысле слова; в частности, к этому Западу все больше примыкает в сознании арабов Советский Союз. Даже если вынести за скобки палестино-израильский конфликт (некий зеркальный аналог нашего Нагорного Карабаха в ближневосточном масштабе), то из ливанско-гражданской войны, из широко поддержанной западными и советскими поставщиками оружия ирано-иракской бойни, из советской агрессии и последовавшей затем гражданской войны в Афганистане и, наконец, из реакции Запада и большей части остального мира на захват Ираком Кувейта, сопровождающийся захватом тысяч заложников, – из всего этого массовое сознание мусульманского населения, того самого народа, интересами которого так любили у нас клясться в прежние годы, делает парадоксальный вывод.

Разобравшись в нем, мы лучше поймем настроения советских мусульман, а если кому-то нравится такая терминология, разберемся в источнике угрозы.

Вслушаемся в аргументы «простых арабов» – не политики, не нефтяных магнатов, а миллионов полунищих людей, которым наплевать на независимость и территориальную целостность Кувейта, еще вчера процветавшего толстосума, предмета неумеренных восторгов едва ли не всех писавших о нем советских журналистов («Над всем Кувейтом безоблачное небо» – примерно так написали и в «Огоньке» 4 августа 1990 г.; цитата: «...конечно, в Кувейте не без проблем, но, как говорится, нам бы их заботы!»).

Кто такой для Запада и СССР Саддам Хусейн? Становящийся опасным, ставший слишком опасным партнер, которого поощряли на затяжную войну с Ираном, казавшимся тогда самым опасным исламским драконом. Что, советские политики не знали, что Хусейн поддерживает и обучает всех палестинских террористов (кроме тех, кого готовили в советских и соцстрановских «учреждениях закрытого типа») и, наряду с Ираном, организует регулярный захват заложников и поддерживает устойчивый накал в ливанской войне? Прекрасно знали. Втайне радовались, когда Израиль разбомбил крупнейший военный объект Ирака, но продолжали массивированные военные поставки. Тоже и страны Запада, теперь громче всех кричащие о бесчеловечном режиме Саддама Хусейна.

Но он был бесчеловечным и прежде.

Только эта его бесчеловечность была направлена против собственного народа и соседнего Ирана или курдов, а теперь – и непосредственно против европейцев, застрявших в Кувейте и Багдаде или покупающих бензин в Кельне или Детройте. Западная мораль, скажут нам в исламском мире, вся, до дна, имеет только денежное выражение. С Западом нельзя иметь дела, его надо проучить. Проучить за безнаказанное унижение всего мусульманского Востока.

Этот отрывок из «политинформации для бедных» звучит гораздо убедительнее любых оправданий американского вмешательства под лозунгом защиты международного права. Западное общественное мнение и теперь далеко от единства в отношении политики американцев и англичан на Ближнем Востоке, и со временем раскол здесь будет нарастать. На Востоке же, где теперь наблюдается глубокий раскол, опасно усилятся консолидирующие элементы. За миллионы тонн нефти мы получили тысячи тонн оружия и бое-

припасов, должно же когда-то все это быть пушено в ход? – резонно говорят ближневосточные фундаменталисты.

За хлопок и советскую феодальную государственность мы получили болезни, безработицу, мертвую землю, на которой уже не восстановить прежних садов, опустошенные и обозленные сердца. Должно же все это когда-то пойти в ход, резонно спросят, уже спросили у Москвы фундаменталисты из Средней Азии и Закавказья.

Что ответить на этот вопрос? Можно дать тот фундаменталистский ответ, что называется террором: он загоняет события на еще более низкий уровень. В условиях военного положения, поддерживаемого такой армией, как наша, происходит быстрое вооружение бандитских формирований и такое повышение их статуса, за которым должно следовать их официальное признание в качестве «народной милиции», «парламентской гвардии» со всеми вытекающими для населения престяями.

Другое следствие длительного военного присутствия в «фундаменталистских» регионах – разложение армии и распространение ею террористической вакцины по стране. Зверская атака советской армии в Баку в январе 1990 г., зеркально отразившая зверства азербайджанской черни против армянского меньшинства, свидетельствует только о том, что фундаменталистский подход к решению социальных проблем един для разных таксономий и нужно либо вырваться за его рамки к действительно «новому мышлению», либо перестать жаловаться на «исламскую угрозу».

Покаянный диалог, однако же, никак не начнется в нашем обществе. Причин тут много, и самые существенные уже были названы. Особенно удручает неготовность к нему советской интеллигенции, глубоко инвалидизированной десятилетиями тоталитаризма и почему-то полагающей, что кроме права суждения у нее есть и право на суд. Реализуется оно также традиционным для нашего общества способом: призвать к коллективной ответственности! То, что является нормой для массового сознания, для невежественной толпы, оказывается вполне привычным и для многих московских интеллектуалов. Один весьма рафинированный сотрудник издательства, встретив меня как-то на улице и узнав о выходе очень важной для меня работы (а мы знакомы и приятельствуем много лет), заметил – и вполне серьезно, с философской грустью в голосе: «Все лучше книжки писать, чем иноверцев резать».

Такое органическое состояние советского сознания усугубляется в интеллигентской среде и глубоким функциональным невежеством. Я вовсе не хочу сказать, что теперь обстановка в стране в этом отношении гораздо хуже, чем прежде, но все же симптоматично, что по сравнению с началом нынешнего столетия востоковедение как престижная и влиятельная отрасль гуманитарных наук съехало столь низко, что политический журналист с легкостью изображает из себя эксперта, а ученый с мировым именем, сделавший бы честь любой академии наук, прозябает в профкоме литераторов, потихоньку выпуская малотиражные книги, не имея не только степеней и званий, но и учеников. В результате вполне взрослые люди, «кандидаты в доктора» по гуманитарным наукам убеждены, что «по законам ислама убивший иноверца считается героем» или что «женщина в исламе не считается человеком», а «изнасилование – это национальный спорт мусульман». Что ж, для укрепления таких представлений немало постаралась за прошедшие годы и месяцы чернь в Азербайджане или в Средней Азии.

Но беда в том, что и с этой чернью в диалог придется вступать без всяких предварительных условий. Здесь, как и в Ираке Саддама Хусейна, надобно было не только думать раньше, надо было иначе поступать. Но поскольку прошлого не вернуть и впитавшийся в души образ врага не вытравить, ограничимся диагнозом, перенося на будущее разговор о стратегии выживания для нас, упоенно стонущих жертв столь многих и великих исторических несправедливостей – от «культа» и «застоя» до «исламской угрозы».●

Айдын БАЛАЕВ (Баку)

НАРОДНЫЙ ФРОНТ АЗЕРБАЙДЖАНА

1988—1990 гг.

Публикуемая статья написана с позиций убежденного сторонника НФА. Не со всеми его оценками можно согласиться. Очевидна также неполнота обзора событий. Так, в очерке не говорится о фактическом расколе НФА 7 января 1990 г. — выходе из него многих членов руководства во главе с Лейлой Юнусовой, Юсифом Самедоглу и др., образовавшими социал-демократическую партию Азербайджана. Нет в нем рассказа о событиях в Ленкорани в декабре 1989 г. — январе 1990 г., когда местное отделение НФА фактически взяло в свои руки власть в этом городе, что завершилось интервенцией Советской Армии в Ленкорань. Не говорит автор и о роли НФА в разрушении пограничных сооружений в декабре 1989 г., и об участии НФА в кратковременном провозглашении независимости Нахичеванской АССР в январе 1990 г. К сожалению, ничего не говорится и о волне арестов членов руководства НФА, начавшейся после январских событий (в частности, о налете на постпредство Азербайджана в Москве, завершившемся захватом одного из руководителей НФА Эхтибара Мамедова). Тем не менее, при всех упомянутых недостатках, в статье дается полезный обзор политической истории крупнейшей независимой общественной организации Азербайджана, которой еще предстоит сыграть важную роль в жизни этой республики.

Навязанная азербайджанскому народу в начале 1988 г. «карабахская проблема» бросила в водоворот политической борьбы десятки и сотни тысяч людей, ранее абсолютно аполитичных. Карабахский кризис одновременно с активизацией народных масс выявил также полную беспомощность республиканского руководства.

В этой ситуации среди широких народных масс постепенно созревала идея создания массовой общественной организации, способной не только защитить территориальную целостность Азербайджана, но и обеспечить его реальный суверенитет.

Летом 1988 г. представителями азербайджанской интеллигенции, объединившимися в «Клубе ученых города Баку», была организована Инициативная группа по созданию НФА по типу прибалтийских Народных фронтов, выдвигавшая лозунг достижения суверенитета республики в рамках СССР.

На протяжении нескольких месяцев Инициативная группа разрабатывала проекты программы и устава НФА. Было проведено несколько семинаров, посвященных вопросам республиканского хозрасчета и проблемам исторического прошлого азербайджанского народа, а также конференции с представителями других неформальных организаций Азербайджана, которых в то время уже насчитывалось несколько десятков. Именно одна из таких неформальных групп — комитет «Варлыг» впоследствии вместе с Инициативной группой, — стала базой для создания Народного фронта Азербайджана. Главной целью «Варлыга» являлось обеспечение широкого участия народных масс в решении общественно-политических, социально-экономических и культурных проблем республики.

Создание НФА вступило в фазу практической реализации в дни беспрепятственного митинга (17 ноября — 5 декабря 1988 г.) в Баку на главной площади города. В эти дни было создано более 200 групп поддержки НФА на предприятиях, учреждениях и организациях республики. Однако выяснилось и то обстоятельство, что идея создания НФА еще не до конца воспринимается основной частью населения. Массовое движение в Азербайджане еще носило во многом стихийный характер и, основываясь больше на эмоциях, ограничивалось только вопросами, связанными с «карабахской проблемой». Еще не наступило осознание того факта, что без реального суверенитета, без подлинной

политической и экономической самостоятельности республики невозможно урегулировать карабахский кризис. Сказывалось влияние длительного господства тоталитарного режима, который, подавляя всякую политическую активность масс в зародыше, привел общество к моральной стагнации.

После «очищения» площади солдатами спецподразделения в 4 часа утра 5 декабря 1988 г. в развитии национального движения в Азербайджане наступил период затишья, связанный с обрушившимися на многих лидеров и активистов движения репрессиями. Однако в конечном итоге остановить естественный ход развития событий и процесс создания НФА не удалось. В конце февраля – начале марта 1989 г. переговоры между Инициативной группой НФА и комитетом «Варлыг» завершились подписанием политического соглашения, в результате чего был создан Временный инициативный центр НФА (ВИЦ НФА) с Координационным советом в составе 10 человек, куда вошли по пять представителей из каждой группы.

В условиях информационной блокады Азербайджана, когда центральная и мировая печать давала однобокую информацию о событиях в НКАО и вокруг нее, когда азербайджанская пресса и официальные власти республики хранили молчание, ВИЦ НФА был для всесоюзной и мировой общественности единственным источником правдивой информации о карабахских событиях.

13 марта 1989 г. ВИЦ НФА обратился в Верховный Совет республики с просьбой о регистрации. С аналогичной просьбой к тогдашнему первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана А.Везирову обратились тысячи граждан республики, откликнувшихся на призыв поддержать НФА. С призывом сплотиться вокруг НФА в борьбе за демократизацию общества к азербайджанскому народу обратились известные литераторы Азербайджана – И.Шыхлы, Ю.Самедоглу, М.Араз и С.Рустамханлы.

Под давлением широкой общественности руководство республики вынуждено было начать неофициальные контакты с членами правления НФА. 14 апреля 1989 г., когда истек месячный срок, положенный по закону для ответа на письмо НФА с просьбой о регистрации, А.Везиров принял членов Координационного совета ВИЦ НФА. На встрече Везиров высказался в том духе, что цели Компартии республики и НФА аналогичны, и поэтому он не видит необходимости в создании НФА.

Несмотря на активное противодействие властей, в конце апреля 1989 г. в Баку была проведена конференция, посвященная межнациональным проблемам региона, в работе которой принимали участие представители различных неформальных групп страны и зарубежные корреспонденты.

Для информирования широкой общественности о деятельности НФА, ВИЦ НФА начал выпускать в самиздате «Бюллетени НФА» на азербайджанском и русском языках.

После апрельского (1989 г.) пленума ЦК КПСС средства массовой информации республики начали широкую кампанию дискредитации в глазах народных масс идеи создания НФА. В конечном итоге, как это нередко бывает, эта кампания дала обратный эффект, способствовал росту авторитета НФА среди азербайджанского народа.

В конце апреля – начале мая 1989 г. представители НФА участвовали в первом совещании национально-демократических движений, состоявшемся в Эстонии, а 13–15 мая – в работе Балтийской ассамблеи. НФА был представлен и на учредительном съезде народного движения «Бирлик» в мае 1989 г. в Ташкенте.

Между тем, в связи с новым обострением обстановки в НКАО, в начале мая 1989 г. ситуация в республике начала накаляться. Созданный в январе 1989 г. якобы для нормализации обстановки, Комитет особого управления (КОУ) НКАО во главе с А.Вольским фактически отстранил республиканские органы от управления автономной областью. С благословения КОУ все экономические, политические и культурные связи НКАО с республикой были пре-

рваны. Боевики из Армении, при попустительстве А.Вольского наводнившие автономную область, начали кампанию, направленную на вытеснение азербайджанцев из НКАО. С этой целью были полностью блокированы азербайджанские села НКАО, начались угрозы и террор против азербайджанского населения области. Неспособность официальных властей Азербайджана нормализовать ситуацию в автономной области все больше подталкивала широкие массы к мысли, что необходимо искать альтернативные силы, способные оградить суверенные права республики в НКАО. В сложившихся обстоятельствах такой силой стал НФА.

16 июля 1989 г. в Баку на полулегальном положении состоялась учредительная конференция НФА, избравшая правление в составе 15 человек. Председателем НФА стал сотрудник Института рукописей Академии наук Азербайджана, историк А.Алиев. Конференция утвердила Программу и Устав НФА.

Согласно Программе, НФА определяет себя как «общественная организация, выступающая за коренную перестройку и демократизацию всех сфер жизни республики». Конечной целью НФА объявлялось построение в Азербайджане правового государства через развитие гражданского общества.

В *политической области* НФА выступает за достижение политического, экономического и культурного суверенитета Азерб.ССР. При этом, как указывалось в Резолюции учредительной конференции, «лишь при условии успеха процессов перестройки НФА считает возможной перспективу достижения суверенитета республики в составе СССР, требуя совершенствования федеративной структуры страны. В случае неудачи перестройки НФА будет бороться за полную государственную независимость Азербайджана». НФА считает приемлемой существующую структуру власти Советов, выступая за необходимость превращения Советов в полноправные и полномочные собрания народных представителей, выражающие волю народа и обладающие всей полнотой власти на своей территории.

Основой *экономической программы* НФА является «восстановление полного экономического суверенитета республики над землей, водами, минеральным сырьем и другими природными ресурсами». НФА выступает за передачу в ведение Верховного Совета Азерб.ССР всех предприятий, организаций и ведомств, находящихся на ее территории. В программе имеется пункт об экономическом плюрализме, разнообразии форм собственности, хотя вопрос о частной собственности отдельно не ставится. Особое значение придается борьбе с теневой экономикой, принявшей в республике угрожающие масштабы.

В *вопросах социальной справедливости* НФА ставит перед собой задачу приведения политики в области социального обеспечения и демографии в соответствие с историческими и национальными традициями населения.

В *области прав человека* НФА признает в качестве высшей общечеловеческой ценности *свободу человека*, а не только его благосостояние. Никакая общественная польза не может служить оправданием для ущемления прав отдельной личности.

Важное место в программе НФА занимают *национальные проблемы*. НФА в своей деятельности придерживается принципов национальной политики, провозглашающих равенство всех наций, их право на удовлетворение своих национальных потребностей. НФА стремится к созданию максимальных условий для сохранения и развития языка, культуры и национальных традиций русских, армян, лезгин, талышей, курдов, евреев, ингилойцев и других этнических меньшинств, проживающих в Азербайджанской республике. Особое значение придается развитию экономических, политических и культурных отношений между Азерб.ССР и Ираном с целью сохранения этнокультурного единства азербайджанского народа в условиях неприкосновенности международно признанных границ.

В связи с огульными обвинениями НФА в приверженности к исламскому фундаментализму хочется подчеркнуть, что НФА выступает лишь за соблюде-

ние свободы совести и требует положить конец нападкам безыдейных невежд на религию и традиции, почитаемые сотнями миллионов людей во всем мире.

Значительное внимание в программе НФА уделяется экологическим проблемам.

С конца июля – начала августа 1989 г. начался качественно новый этап в развитии национального движения. 29 июля, 5 и 12 августа на главной площади Баку были проведены многотысячные митинги. Официальное руководство Азербайджана пыталось с помощью НФА оказать давление на центр и Арм.ССР. Именно этим объясняется тот факт, что в условиях особого положения власти не препятствовали проведению массовых митингов. На этих митингах НФА выдвинул требование созвать внеочередную сессию Верховного Совета республики, чтобы обсудить на ней вопросы о ликвидации Комитета особого управления (КОУ) НКАО, о принятии законов о суверенитете, гражданстве и экономической самостоятельности Азербайджана, о прекращении судебного преследования активистов движения за восстановление суверенитета Азербайджана в НКАО, об аннулировании фальсифицированных результатов «выборов» народных депутатов СССР от Азербайджана, проведенных в условиях особого положения, об отмене особого положения и комендантского часа в Баку и других районах республики и об официальном признании НФА.

Республиканское руководство никак не реагировало на эти требования, что послужило причиной объявления однодневной предупредительной забастовки 14 августа. Вечером 14 августа, выступая на митинге, посвященном итогам забастовки, секретарь ЦК КП Азербайджана Т.Оруджев заявил о поддержке основных требований народа и призвал правление НФА приступить к диалогу с руководством. Проведенные 15 и 16 августа переговоры с А.Везиrow не привели к положительным результатам.

Между тем сепаратистские силы в НКАО с каждым днем вели себя все более вызывающе. 16 августа 1989 г. они провели в Степанакерте «съезд полномочных представителей населения НКАО», заявивший об отказе признать статус Нагорного Карабаха как автономной области в составе Азерб.ССР.

В такой обстановке по призыву НФА 21–22 августа была проведена двухдневная предупредительная забастовка, а с 4 сентября начата недельная общенациональная забастовка, охватившая практически всю экономику республики, за исключением предприятий, обеспечивающих жизнедеятельность населения. К забастовке присоединились железнодорожники, что парализовало работу не только Азербайджанской, но и соседних Закавказской и Северокавказской железных дорог.

Общенациональная забастовка в Азербайджане создавала большие трудности для экономики всей страны. Только за первые четыре дня забастовки промышленность Азербайджана недодала продукции на 130 миллионов рублей.

Перед лицом огромных экономических потерь и решимости трудящихся продолжить забастовку республиканское руководство вынуждено было пойти на переговоры с НФА. О первых результатах этих переговоров было сообщено 9 сентября на многотысячном митинге в Баку. Второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана В.Поляничко проинформировал участников митинга о решении Президиума Верховного Совета Азерб.ССР провести 15 сентября внеочередную сессию Верховного Совета республики и пригласить на нее представителей НФА и других общественных организаций.

Вечером 10 сентября председатель НФА А.Алиев, члены правления НФА Э.Мамедов и Ю.Самедоглу появились на телеэкранах, сообщив населению республики о договоренности, достигнутой с руководством. В частности, было заявлено о согласии республиканского руководства официально признать НФА, дать возможность его представителям принять участие в работе предстоящей внеочередной сессии Верховного Совета республики. Однако на следующий день А.Везиrow в одностороннем порядке решил пересмотреть итоги состоявшейся встречи. Этот шаг стал причиной второго раунда долгих и

изнурительных переговоров, которые в случае тупика грозили привести к новой забастовке. Эта угроза вынудила А.Везирова подписать протокол соглашения между ЦК Компартии Азербайджана и НФА.

Сентябрьская общенациональная забастовка, организованная и проведенная под руководством НФА, является ярким эпизодом истории не только самого НФА, но и всего азербайджанского национального движения. Полный успех этой забастовки привел к невиданному росту авторитета НФА среди азербайджанского народа.

Однако путь к взаимопониманию с руководством республики не был гладким. Это еще раз доказал ход внеочередной сессии Верховного Совета республики, открывшейся 15 сентября 1989 г., в работе которой впервые принимали участие члены правления НФА. А.Везиров остался верен себе и сделал все возможное, чтобы выхолостить содержание документов, которые сессия должна была рассмотреть и утвердить. Грубо нарушив ранее достигнутые договоренности, А.Везиров в конце сессии предложил депутатам текст декларации, который предусматривал не ликвидацию КОУ, а лишь совершенствование его деятельности. В знак протеста члены правления НФА объявили о возобновлении с 18 сентября общенациональной забастовки и покинули зал заседаний Верховного Совета. На сессии был объявлен 15-минутный перерыв, который растянулся на полтора часа и во время которого велись интенсивные переговоры между А.Везириным и членами правления НФА. И лишь в 1 час 30 мин. ночи сессия приняла постановление о положении в НКАО, которое предусматривало ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР об отмене решения о создании КОУ. Сессия также решила вынести на всенародное обсуждение проекты законов о суверенитете, гражданстве и экономической самостоятельности республики.

Специалисты НФА приняли непосредственное участие в разработке окончательного текста закона о суверенитете. Именно по их предложению в текст закона был включен пункт о приоритете республиканских интересов над союзными и о регламенте выхода республики из состава СССР. Сессия Верховного Совета, возобновившая свою работу 23 сентября 1989 г., приняла Конституционный закон «О суверенитете Азербайджанской ССР», что было большим достижением азербайджанского национального движения.

После приостановки общенациональной забастовки 11 сентября 1989 г., только железнодорожники южного направления Азербайджанской железной дороги не приступили к работе. Дело в том, что часть дороги на участке Карчевань-Мегри проходит по территории Армянской ССР и является единственной коммуникацией, связывающей Нахичевань с внешним миром. Пытаясь блокировать Нахичевань, армянские экстремисты вели активные действия с целью прекращения движения поездов на этом участке. Перед лицом нападений армянских экстремистов на Азербайджанскую железную дорогу, нападений, которые не только не пресекались, но даже поощрялись армянскими властями, и учитывая продолжающиеся территориальные претензии соседней республики к Азербайджану, НФА в сентябре 1989 г. призвал к прекращению всех экономических связей с Арменией, что послужило причиной большой пропагандистской шумихи о блокаде Армении, поднятой на страницах центральной и мировой прессы. Этот вопрос стал предметом неоднократных обсуждений на заседаниях II сессии Верховного Совета СССР в начале октября 1989 г. В конце сентября 1989 г. в Москве состоялись переговоры членов правления НФА с депутатами из Межрегиональной депутатской группы. Азербайджанские делегаты разъяснили причины и истоки создавшейся в регионе ситуации, и в конечном итоге ожидавшееся постановление Верховного Совета СССР о введении военного положения на Азербайджанской железной дороге не было принято.

5 октября 1989 г. НФА был официально зарегистрирован Советом Министров республики. К этому моменту НФА уже превратился в авторитетное массовое движение Азербайджана. В Азербайджане фактически сложилась классиче-

ская ситуация двоевластия: в отличие от официальных органов власти, полностью потерявших доверие народа, НФА пользовался всеобщей поддержкой абсолютного большинства населения республики. Это был звездный час НФА, которому предстояло выдержать самое трудное испытание в своей еще короткой истории – испытание на прочность в условиях успеха. К сожалению, придется констатировать, что НФА в целом не выдержал это испытание.

Подавляя голос разума, радикальные силы в правлении НФА начали открытую борьбу за власть, прикрываясь при этом псевдордикальными лозунгами. Сложившаяся в республике обстановка благоприятствовала этим силам. Каждый шаг вперед давался НФА в ожесточенной борьбе с партийным руководством, и у населения сложилось мнение, что единственным методом решения любых проблем является силовое давление на власти. Радикальные элементы в правлении НФА воспользовались этими настроениями с целью узурпации власти внутри НФА.

Как впоследствии отмечала газета «Азербайджан», «отказ от компромиссов со стороны руководства республики тогда, когда это было еще возможно, и трусливые уступки, чуть ли не капитуляция перед силовым давлением убеждали экстремистски и радикально настроенные элементы в безнаказанности своих безответственных заявлений и действий».

Первая сессия Меджлиса, высшего органа НФА между съездами, состоявшаяся 27–28 октября 1989 г. в Баку, как лакмусовая бумажка, выявила всю серьезность разногласий в руководстве НФА. Эти разногласия, в конечном итоге привели к отставке отдельных членов правления НФА и парализовали деятельность руководящего органа. После первой сессии Меджлиса претензии радикальных сил на руководящую роль в НФА стали еще более открытыми и беспардонными. Дело дошло до того, что прикрываясь чрезвычайностью ситуации, отдельные радикалы из правления НФА начали самочинно отменять решения правления, обвиняя при этом либералов в нерешительности. Таким образом, либералы в НФА оказались между двух огней – со стороны республиканского руководства и радикального крыла самого НФА. Фактически руководство республики и радикальное крыло НФА, хотели последние этого или нет, объединились в борьбе для уничтожения демократического движения в Азербайджане, еще раз подтвердив истину, что в политике крайности сходятся.

Радикалы вовсю развернули деятельность по подготовке чрезвычайной конференции НФА, которая, по их замыслу, должна была избрать новый состав руководящих органов. Избрание делегатов на конференцию на местах происходило в условиях настоящих гонений против сторонников либерального крыла. В такой обстановке 9 декабря 1989 г. правление НФА приняло решение о нецелесообразности обсуждения организационных вопросов на предстоящей чрезвычайной конференции, открытие которой намечалось на 10 декабря. Правда, либералам пришлось пойти на определенную уступку радикалам. Была приостановлена деятельность правления НФА и избрана Временная организационная группа (ВОГ) из 5 человек с полномочиями правления, которой была поручена подготовка организационной конференции НФА в течение двух недель. По решению ВОГ от 18 декабря 1989 г. ее было намечено провести 6–7 января 1990 г. в Баку.

Надеждам, которые радикалы возлагали на организационную конференцию НФА, не суждено было сбыться. В новом составе Меджлиса радикалы не смогли получить большинство. Еще более сокрушительное поражение они потерпели во время выборов правления НФА на сессии Меджлиса 8 января 1990 г. Из 14 членов новоизбранного правления абсолютное большинство представляли либералы. Был забаллотирован один из лидеров радикалов – Н.Панатов.

К этому моменту напряженность ситуации в республике достигла своего апогея, так как армянские боевики развязали настоящую необъявленную войну против Азербайджана. В этой обстановке до сих пор бездействовавшее

республиканское руководство, вдруг подозрительным образом «осмелев», начало открыто ратовать за создание отрядов народных ополченцев. 15 января 1990 г., выступая на встрече с работниками бакинского завода бытовых холодильников, которая транслировалась по республиканскому телевидению, А.Везиров призвал всех молодых людей, умеющих обращаться с оружием, записаться в отряды ополченцев, обещав при этом, что они будут обеспечены вооружением. Объявления с аналогичным призывом от имени парткомов в те дни висели во всех учреждениях и предприятиях Баку. Именно партийные комитеты составляли списки добровольцев. Было совершенно очевидно, что готовится крупная провокация.

Однако радикальное крыло НФА, ослепленное борьбой за власть, поддавшись на эту провокацию, тем самым подставив под удар не только НФА, но и все национально-демократическое движение в Азербайджане. Радикалы, потерпев поражение на выборах в правление НФА, явочным порядком создали Совет Национальной Обороны (СНО), поставив правление перед свершившимся фактом. Последующие события показали, что создание СНО было инспирировано республиканским руководством. В этот критический момент, с 9 по 19 января, республиканское руководство и находившиеся в Баку представители центра – Е.М.Примаков и А.Н.Гиренко – вели переговоры в основном не с правлением Народного фронта, а с делегацией НФА, составленной исключительно из членов СНО. Таким образом, радикалы, став слепым орудием в руках партаппарата, фактически отстранили правление НФА от руководства.

13 января 1990 г. в Баку начались армянские погромы. Еще 30 декабря 1989 г. официальный орган НФА – газета «Азадлыг» («Свобода»), осуждая отдельные факты противоправных действий в отношении армянского населения Баку, предупредила, что любые акты насилия на международной почве в данный момент способны лишь дестабилизировать ситуацию, давая властям накануне намечаемых выборов повод для введения особого положения и комендантского часа в Баку.

Милиция и КГБ, заранее осведомленные о готовящихся погромах (слухи о них ходили по городу с начала января), ничего не предприняли для их предотвращения. Более того, после начала погромов правоохранительные органы и 12-тысячный контингент внутренних войск, находившийся в городе, преступным образом бездействовали. Погромы происходили при их прямом попустительстве. Имеются факты и свидетели, доказывающие, что войскам был дан приказ не вмешиваться. Активисты НФА, на который впоследствии хотели свалить ответственность за погромы, в те страшные дни спасли жизнь сотням армян. Лишь к 16 января погромы удалось остановить.

И без того накаленную обстановку в республике еще больше обострил Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении чрезвычайного положения в НКАО и некоторых других районах» от 15 января 1990 г., в особенности статья 7 Указа, предлагавшая Президиуму Верховного Совета Азерб.ССР ввести комендантский час в Баку и Гяндже. Население республики расценило этот Указ однозначно, как несправедливый и открыто проармянский. После обнародования Указа началось блокирование воинских частей.

В решении правления НФА от 17 января 1990 г. этот Указ расценивался как унижающий национальное достоинство азербайджанского народа. НФА потребовал созвать до 20 января внеочередную сессию Верховного Совета республики, чтобы принять решение о приостановлении действия Указа как противоречащего закону о суверенитете. Одновременно НФА призвал снять пикеты и не оказывать сопротивления войскам в случае введения комендантского часа в городе.

В тот же день, 17 января перед зданием ЦК начался непрерывный митинг с требованием созыва внеочередной сессии Верховного Совета и отставки руководства республики. Центр, чтобы спасти полностью скомпрометировавшие себя власти, прибег к крайней мере – применению вооруженной силы.

Президиума Верховного Совета СССР принял подписанный М.С.Горбачевым Указ о введении в Баку чрезвычайного положения.

20 января войска без предварительного оповещения населения города начали штурм Баку.¹ Как указывалось в обращении Верховного Совета Азерб.ССР, «последовала безжалостная расправа с мирным населением, протестовавшим против объявления в Баку чрезвычайного положения и ввода в город войсковых частей. Имеются многие сотни убитых, тысячи раненых и пропавших без вести».

С целью оправдания ввода войск в Баку и гибели невинных людей высшие руководители страны делали различные заявления, порой опровергающие друг друга. Но думается, ближе к истине был министр обороны Д.Т.Язов, с солдатской прямоотой заявивший корреспонденту «Известий», что войска вошли в город, чтобы разрушить сложившуюся структуру НФА.

Учитывая, что и после трагедии 20 января отдельные лидеры радикалов продолжали выступать с безответственными заявлениями, призывая народ к вооруженному сопротивлению, правление НФА 26 января 1990 г. приняло решение, в котором потребовало от всех районных (городских) отделений, первичных опорных групп и отдельных членов НФА вести борьбу против агрессии исключительно мирными политическими средствами. НФА призвал также решительно пресечь все попытки вбить клин между азербайджанцами и русскоязычным населением города. Было решено создать специальные группы для борьбы с провокаторами, распространяющими слухи с целью посеять панику среди русских.

1 февраля в Риге состоялись политические консультации между НФА и Армянским общенациональным движением при посредничестве Балтийского Совета. Стороны приняли коммюнике о том, что продолжение конфликта не отвечает интересам ни Армении, ни Азербайджана. К сожалению, консультации были прерваны армянской стороной в одностороннем порядке.

5 февраля 1990 г. в условиях репрессий против НФА в г. Агдаме удалось провести чрезвычайную сессию Меджлиса, в которой участвовало подавляющее большинство его членов. Сессия, обсудив сложившуюся политическую ситуацию в республике, наметила главные направления, формы и методы деятельности НФА в условиях чрезвычайного положения. Правлению НФА были предоставлены чрезвычайные полномочия.

Сессия пришла к единодушному мнению, что бакинская трагедия – результат осуществления заранее подготовленного Кремлем совместно с местным руководством преступного плана с целью подавления национального движения в Азербайджане. Была создана комиссия Меджлиса по расследованию событий 20 января и деятельности правления НФА в этот период. Пожалуй, самым примечательным итогом этой сессии явилось то, что она продемонстрировала гибкость и жизнеспособность основных структур НФА, которые даже в условиях чрезвычайного положения продолжали функционировать. О силе и возможности НФА говорит и успешно проведенная забастовка, прекращенная по призыву НФА только 5 марта, которая нанесла более чем полумиллиардный ущерб экономике страны.

Состоявшаяся 3–4 марта в г. Шемаха очередная сессия Меджлиса НФА, резко осудила деятельность азербайджанского депутатского корпуса во время обсуждения бакинских событий в Верховном Совете СССР, квалифицировала ее как предательскую. С докладом «О положении в республике и НФА, путей выхода из кризиса» на сессии выступил член правления НФА И.Камбаров. Докладчик обратил особое внимание на попытки определенных сил изолировать НФА не только в союзном и мировом масштабе, но и внутри республики. И.Камбаров отметил, что наряду с разоблачением главных виновников трагедии 20 января – центра и его бакинских подручных – следует со всей серьезностью разобраться в ошибках и упущениях самого НФА.

¹ См. «Страна и мир», № 1 и 2, 1990 г.

Было предложено внести изменения в Программу и Устав НФА с учетом опыта последних событий.

Со своей концепцией национального развития выступил член правления Х.Гаджизаде. Концепция предполагает рационализацию национальной психологии, прагматизацию образа жизни и вестернизацию Азербайджана. Х.Гаджизаде указал на национально-психологические причины поражения демократического движения в январе.

24–25 марта 1990 г. в г. Акстафа состоялась очередная, третья по счету в нынешнем году, сессия Меджлиса. Сессия обсудила платформу НФА на выборах в Верховный Совет, отметив, что НФА борется за восстановление полной государственной независимости Азербайджана, за свободу частного предпринимательства, а также выступает за многопартийность и отмену политической цензуры. С целью повышения эффективности деятельности НФА и совершенствования его организационной структуры на сессии было принято решение об образовании 17 постоянных комиссий, рабочей группы и информационного центра Меджлиса.

Еще на чрезвычайной сессии Меджлиса 5 февраля была выражена надежда, что новое республиканское руководство, учтя горький опыт своих предшественников, проявит неодолимую политическую мудрость для вывода республики из кризисного состояния и будет активно сотрудничать с НФА и другими прогрессивными силами. Однако, как показал опыт, новое руководство является достойным преемником старого, приведшего Азербайджан к национальной катастрофе. Новые руководители республики, продолжая старую обанкротившуюся политику своих предшественников, совершенно игнорируют сложившиеся политические реальности, проводят откровенно конфронтационную политику в отношении НФА. Именно в связи с этой опасной для судеб азербайджанского народа политикой группа видных деятелей науки, культуры и искусства, среди которых – руководители всех творческих союзов и Академии Наук республики, выступили в конце апреля с «Заявлением 75-ти», в котором, в частности, отмечалось:

«Со всей ответственностью заявляем: существует тревожная тенденция повторения ошибок, допущенных в недавнем прошлом. Руководство республики, на наш взгляд, не осуществляет действенных мер для консолидации всех реально существующих патриотических и демократических движений. Всем должно быть ясно, что порядок, ныне поддерживаемый войсками в республике, – явление временное. Насильственно установленное «затишье» позднее может обернуться еще большей трагедией, если самым срочным образом сейчас не предпринять действенных мер для создания прочного фундамента настоящего общественного спокойствия. Достижение этой цели без участия патриотических, демократических сил НФА представляется невозможным».

Лишь после этого заявления был образован Консультативный совет из представителей руководства республики, интеллигенции и НФА. Однако, как показали дальнейшие события, власти отнюдь не собираются вести конструктивный диалог с НФА и лишь заинтересованы в том, чтобы создать видимость такого диалога с целью успокоения общественности. В этой связи весьма символично выступление новоиспеченного президента Азербайджана А.Муталибова в Степанакерте 1 июня 1990 г., которое транслировалось по республиканскому телевидению. Он прямо заявил, что какие бы процессы ни происходили в стране, у нашей республики, у нашего народа есть свои традиции. И по мнению А.Муталибова, заключаются они в том, что азербайджанский народ уважает лишь силу и поэтому Азербайджан в данный момент нуждается в твердой руке и сильной власти, способной навести жесткий порядок в республике. Не нужно быть большим пророком, чтобы понять, что с таким политическим курсом Азербайджан идет к новой катастрофе, еще более масштабной и еще более кровавой, чем трагедия 20 января. ●

”ЗАЩИТНИК УГНЕТЕННЫХ И ОБЕЗДОЛЕННЫХ”

Сегодня мировой коммунизм переживает закономерный кризис. Дело в том, что эта неоязыческая идеология взяла на себя обещание защищать права угнетенных, не будучи в принципе способной свое обещание сдержать. На этом фоне единственной силой, которая может бороться за интересы обездоленных, является Ислам. Это, в частности, нашло свое отражение в идеологии имама Хомейни, который принял титул ”защитника угнетенных и обездоленных”.

Для этого Ислам использует свой неконформистский потенциал, тем более что в мусульманском сознании нет места для представлений о непреложных, железных законах прогресса и эволюции. Для верующего в Аллаха возможно все, что согласуется с волей творца. Согласно Исламу, человек является рабом только Аллаха. Я бы даже сказал, что эта религия — главная неконформистская сила современности.

Мусульманская идеология не знает границ, она отвергает мысль о том, что за какими-то определенными народами зарезервирован, скажем, протестантизм, за другими — православие, за третьими — Ислам. Десятки тысяч людей приняли Ислам, например, в Западной Европе.

Ислам дает четкий и ясный ответ на весь спектр вопросов, которые ставит находящееся в кризисе, но не желающее обратиться к внечеловеческому началу человечество: он противостоит национализму, стадному коллективизму, агрессивному индивидуализму ницшеанского толка и индивидуализму обывательскому.

В нашей стране кризис, разразившийся в южных и восточных районах, объясняется прежде всего отходом от Ислама в связи с агрессивной неоязычностью. Сознательная деградиционализация Азии явилась частью ”ширка”. ”Ширк” по-арабски означает политеизм. В узком смысле ”ширк” — идолопоклонство, многобожие. В широком — придание чему-либо недолжного значения, обращение к тому, что является ценностью для язычника, а не для мусульманина. Например, к национальности человека.

В результате мы имеем противостояние народов Средней Азии друг другу. А ведь семьдесят лет назад не существовало, например, такого понятия, как узбекский народ. Были мусульмане, и было деление по племенному признаку. Но никому в голову не приходило превращать родо-племенные отношения в фактор государственной политики.

Родо-племенные отношения вдруг снова приобрели большое значение в годы Советской власти. Тот факт, что многие пережитки доисламского времени активно возродились в период советизации Средней Азии и Кавказа, кажется мне отнюдь не случайным.

Рознь между народами подогревается национал-коммунистами. Они понимают, что в случае победы традиционалистов их ждет скорый суд. С помощью органов МВД и уголовных элементов они способны спровоцировать любые погромы, чтобы удержаться у власти. И даже если кто-нибудь из аксакалов выйдет и призовет погромщиков одуматься, он рискует получить пулю от солдата внутренних войск.

Национал-коммунисты надеются и на другую возможность сохранить власть — встроиться в новую систему. Это означает, что они тихо декоммунизируются и составят слой компрадорского чиновничества, связанного уже не с Москвой, а, скажем, с Вашингтоном — с кем угодно, кто их подкармливает. Они уже сейчас

делают попытки превратиться в национальных героев. Их планы могут быть сорваны в результате работы сознательных мусульман. Таких мусульман уже много, а кроме того, один мусульманин стоит ста дезориентированных язычников.

Советская империя сейчас разваливается. Русский народ переживает полосу национального кризиса, поскольку крах потерпела идеология, с которой этот народ связал себя. Он не может больше быть стержнем государства. Республики выйдут из СССР. Очень важно, станут ли во главе их истинные мусульмане.

Мусульмане, если их работа по созданию уммы увенчается успехом, предотвратят столкновение народов Средней Азии между собой. Но кроме того, только мусульмане способны спасти миллионы некоренных жителей Средней Азии, подобно тому как в январе этого года они спасали армян от погромов в Баку.

Вряд ли уже возможно полностью ликвидировать назревающий конфликт между коренными народами и русскоязычным населением Средней Азии. Положение усугубляется тем, что за время советской власти, особенно в послевоенные годы, в этот регион приезжали из России прежде всего люмпены, ссыльные, бродяги, в целом далеко не лучший человеческий материал. Они, мягко говоря, не способствовали росту престижа русских в Азии. Сотни тысяч людей побегут — и уже бегут — оттуда.

Есть силы, которым выгодно было бы ликвидировать "исламский фактор", столкнув славянские и тюркские народы, Русь и Степь. Мы видели это в Баку, когда в начале этого года была спровоцирована паника среди русского населения, которое превратили таким образом в беженцев.

Я считаю, что нет таких шагов, которые были бы излишними в плане сглаживания этих противоречий, пусть даже эти меры будут не вполне аутентичны канонам Ислама. Например, можно было бы создать Российско-Туранское общество, которое, пусть даже не на традиционалистской, а всего лишь на культурно-исторической почве, способствовало бы диалогу между народами.

И уже есть мусульмане, которые активно работают. 9 июня сего года в Астрахани состоялся первый съезд Исламской партии возрождения ("Хезбаль-ислами ан-нахва"). Это первая в истории страны исламская политическая партия.

Мусульманским силам придется столкнуться со светскими политическими объединениями. Лидеры "Бирлика", "Растохеза" и других неформальных групп заявляют, что их организации являются массовыми. Но люди пришли к ним потому, что им не из кого было выбирать. И в дальнейшем, надеюсь, они выйдут из этих групп с такой же легкостью, как и вошли.

А у фундаменталистов есть значительная социальная база. Вряд ли ею станет творческая интеллигенция, которая в значительной мере разложена. Большая часть ее не космополитична, как следовало бы ожидать, а настроена националистически и активно участвует в разжигании этнофильских амбиций. Например, часть таджикской интеллигенции, заигрывающая с зороастрийским прошлым, с большим уважением относится к Западу и с неприязнью — к узбекам.

Зато многие народные интеллигенты, местные учителя, врачи, инженеры будут на нашей стороне. Многие из них являются еще и неформальными религиозными деятелями. Но это далеко не единственная опора движения. Кроме них, оно может сплотить самые широкие массы, от простых дехкан до студентов.

Многие простые люди сегодня самостоятельно или под руководством стариков изучают арабский язык, чтобы читать Коран и Сунну. В Таджикистане, по моему мнению, половина населения подходит по исламским канонам под определение верующих, а сами себя мусульманами считают процентов 80—90. В Узбекистане и Казахстане положение хуже. Но, впрочем, картина быстро меняется.

Я не возлагаю особых надежд на официальное духовенство. Их нельзя считать правозверными уже в силу того, что они пошли на союз с неисламской властью. Ислам учит, что верующий не должен подчиняться никому, кроме исламской власти.

Если мусульманам удастся сбросить феодально-байскую систему, то все остальные проблемы региона будут легко решены. Скажу для сравнения: Пакистан, имея 80

миллионов населения и территорию, ненамного большую, чем Узбекистан, производит 600 тысяч тонн хлопка в год. При этом он не только обеспечивает свои потребности, но часть хлопка еще и экспортирует. Так почему же 30-миллионный Узбекистан производит 6 миллионов тонн в год и не может себя обеспечить? Это же абсурд, в котором повинна существующая система.

Новое государство будет мирным. Ведь джихад — священная война — имеет чисто оборонительные цели. Вообще, мне кажется, смешно говорить об агрессивности Ислама, если последние 300 лет Ислам находился в обороне, являлся страдательной стороной. ●

ОБРАЩЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ МУСУЛЬМАН К УММЕ

Бисмил-лахир-рахманир-рахим

Братья! Ислам не знает границ, поэтому мы обращаемся ко всем мусульманам, независимо от страны проживания. Мы обращаемся к верующим на территории Советской империи, к верующим в странах Дар-уль-Ислам, а также к мусульманам, которые находятся на Западе — в странах Дар-уль-Харб. Мы, мусульмане Азербайджана, рассматриваем всех мусульман как единое целое, себя — как неотъемлемую часть уммы¹. ("Поистине Аллах любит тех, которые сражаются на Его пути рядами, как будто бы они — плотное здание". 61:4).

Еще вчера мировой куфр² опирался на силы Советской империи. Эти силы были обращены на геноцид против мусульман, живущих вне границ империи, в своих странах, у себя дома. Советские войска в течение 8 лет убили более полутора миллиона верующих в Афганистане. Советский Союз поддерживал кровавый режим Саддама Хусейна в Ираке, который, как цепной пес, был спущен на Исламскую революцию. Московские правители несут также ответственность за расправу с эритрейскими мусульманами в Эфиопии, за террор против верующих в Сомали. Всем известна роль СССР в образовании государства Израиль на земле, принадлежащей палестинским арабам. Но, вероятно, не все знают, что советские правители добровольно приняли на себя функции Даджжаль³ — обман, предательство и провокацию. Ибо, в течение многих лет они поставляли арабским странам негодное или даже сознательно испорченное вооружение, их разведорганы передавали израильскому главному штабу секретные планы арабских армий, так что даже вероотступник Садат вынужден был удалить советских "помощников" из Египта перед войной 1973 г. А когда израильтяне вторглись в Ливан в 1982 г., их спецслужбы обладали исчерпывающими досье на всех палестинцев, которые когда-либо имели дело с советской разведкой. Ибо нет таких противоречий, через которые не перешагнут кафиры, чтобы совместно действовать против Ислама! ("Если бы не защита Аллахом людей одних другими, то разрушены были бы скиты, и церкви и места молитвы, и места поклонений, в которых поминается имя Аллаха много. Поможет Аллах тому, кому Он поможет, — ведь Аллах силен, славен!" 22:41).

1 Умма (араб.) — мусульманское сообщество. — *Ред.*

2 Куфр (араб.) — неверие, безбожие. — *Ред.*

3 Даджжаль (араб.) — "Обманщик", аналог Антихриста в мусульманской традиции. — *Ред.*

Но история "советской власти" — это также история геноцида и террора против мусульман внутри империи. В 20-е годы на плохо вооруженных защитников Веры в Туркестане были брошены махновские бандиты при поддержке авиации. На Кавказе провоцировались вспышки недовольства среди доведенных до отчаяния людей, которые затем подавлялись огнем и железом. Даже на мусульманское население обрушились голод и коллективизация. Горцев насильственно сгоняли в долины, обращая в рабов на хлопковых плантациях. В результате болезней погибло 90% населения Памира, согнанного в засушливые, негодные для жизни районы. Это ли не классический геноцид? Чтобы подорвать мощь Ислама, московские сатанисты не удовлетворились физическим террором. Главная ставка была на террор моральный. Развратить женщин, опорочить добродетель, опустошить сердца молодежи — вот на что было направлено 70 лет беснования. Их пропагандисты еще смеют кричать об "исламской угрозе", о воинственности "фундаменталистов", когда уже более столетия враги Веры действуют по отношению к Исламу по принципу "все дозволено", когда с завоевания Кавказа и оккупации Средней Азии на мусульман объявлен "открытый сезон охоты" — и это при абсолютной поддержке и "понимании" Запада! ("Поистине, Мы сделали шайтанов покровителями тех, которые не веруют!" 7:26).

Сегодня мировой куфр лишился Советской империи в качестве организованной силы. Да, она была оснащена ядерным оружием. Да, она тиранически распоряжалась даровым трудом невиданных в истории масс. Да, международные ростовщики давали этой империи миллиарды долларов, чтобы помочь ей сохраниться и дальше служить геополитическим замыслам Роста. Но никакие влияния, интриги, угрозы, оружие не помогли, ибо нет силы и мощи, кроме как у Аллаха великого! Афганские муджахиды, жертвуя собой, сражались год за годом почти голыми руками против авиаракетной мощи империи, надломив в кафирах волю к агрессии, подорвали в них доверие и любовь к своим шайтанам и положили начало тому, что эти неверные на своем жаргоне называют "морально-политическим кризисом". Развалилась — несмотря на огромную западную помощь и колоссальные дотации — и хозяйственная организация Московской державы. "Мощь" многобожников и язычников, выражавшаяся в их пропаганде астрономическими цифрами, оказалась дутой. ("Хорошая страна — восходит ее растение с дозволения Господа ее, а та, которая дурна, — оно восходит только скудно. Так распределяем Мы знамения для людей, которые благодарны!" 7:56).

Налицо крушение самой массовой формы современного язычества — национал-коммунизма, культа общины, отвергшей Бога. Ибо национал-коммунизм внушал своим последователям иллюзию, будто бы стадность сама по себе есть сила, отменяющая Единого, будто бы, объединившись на почве коллективной ненависти к Творцу, можно избавиться от убытка, в котором находится человек. ("Они как скоты, даже более заблудшие". 7:178).

Рухнул один — "левый" — фланг объединенного язычества, и люди, которые связали свою судьбу с национал-коммунистическим сознанием, оказались в убытке. Но еще стоит "правый" фланг — Запад, который, будучи в своей основе элементарным хищником, спешит заполнить образовавшийся политический вакуум и уже диктует вполне откровенно свою волю бывшей "сверхдержаве". Не имея больше сил творить преступления за границей, режим вынужден перейти к тактике "домашнего" террора: Алма-Ата, Фергана, Баку, Душанбе свидетельствуют, что Ислам — по-прежнему главный враг агонизирующей империи. Организованные провокации следуют одна за другой по плану, разработанному не в Москве. Каждое новое кровопролитие Запад ожидает и поддерживает — конечно, лишь в том случае, если речь идет о мусульманах!

Азербайджан стал регионом, где лицемерие, злоба и животная подлость куфра явились особенно ярко. Раздавленные гусеницами женщины и дети, сметенные об-

стрелом с вертолетов (как в Афганистане) мирные села, натравленные на крестьян боевики международного дашнакта, оснащаемые совместно из советских и западных источников, — все это при чрезвычайном положении, длящемся с небольшим перерывом с 1988 г. Азербайджанцев оккупировали и расстреливают!

Но мусульман запугать невозможно. "Помни об Аллахе, найдешь Его перед собой. Познай Аллаха в преуспянии и Он узнает тебя в беде. Знай, что миновавшее тебя не должно было тебе выпасть, а выпавшее тебе не должно было миновать. И знай, что победа приходит через терпение, радость через страдание, облегчение через трудность". Хадис¹ передал Абу Аббас Абдуллах сын Аббаса (да будет Аллах доволен ими обоими).

Мусульмане! Азербайджанский народ не должен остаться в одиночестве перед террором со стороны превосходящих сил. Довольно наша разъединенность в прошлом обрекала нас на беспомощность в противостоянии врагам Ислама! Слава Аллаху, то время миновало. Кровь наших мучеников, пролитая сегодня, кладет конец "джахилье"² советского периода, возвращает нам драгоценное сокровище мусульман: братство!

Передает Абу Хурайра (да будет Аллах им доволен), что Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует) сказал:

"Не завидуйте друг другу; не поднимайте цен друг для друга; не отворачивайтесь друг от друга; и не подрубайте друг друга, но будьте, о рабы Аллаха, братьями. Мусульманин — брат мусульманину: он не угнетает его и не оставляет в беде, не лжет ему и не презирает его. Благочестие вот здесь — и он трижды указал на грудь. Весьма дурно для человека пренебрегать своим братом-мусульманином. Все что есть у мусульманина для другого мусульманина неприкосновенно: его кровь, его имущество и его честь".

Инша Аллах, вместе мы восторжествуем над силами "ширка"!

От имени азербайджанских мусульман руководство центра "Тавхид".

*Опубликовано в самиздатском бюллетене
"Ат-Тавхид" ("Единобожие"), № 1, 1990.*

¹ Хадис (араб.) — рассказ, входящий в сунну, мусульманское священное предание. — *Ред.*

² Джахилья (араб.) — дословно: мрак, невежество. Обозначение домусульманского периода. — *Ред.*

التوحيد

МЕЖДУ ПОЛУМЕСЯЦЕМ И КРЕСТОМ

Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие — кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим...
Коран, 2:172.

Полагаю, что Михаил Горбачев не читал Корана. Иначе слова об "исламском факторе" в Азербайджане он не произносил бы как "Осторожно, мины!" Названный фактор, по Горбачеву, был еще одним, и существенным, аргументом в пользу ввода войск в Баку, который сопровождался жестокостью, даже по советским понятиям беспрецедентной в акциях против собственного народа.

Между тем часть азербайджанской интеллигенции, отвечая сегодня на вопрос, существует ли в республике мусульманский фундаментализм, говорит "нет" с той поспешностью, за которой таится как бы страх быть избалованным в чем-то непреложно скверном и постыдном. Странно. Уж высоколобым-то интеллигентам положено знать: именно долголетнее ущемление в СССР религиозного права открыто проповедовать милосердное слово — одна из несомненных причин нравственного расчеловечивания, которое мы с прискорбием сегодня наблюдаем. Иные и потому еще взалкали чужой земли, что в бессовестном и бесстыдном забвении перестали обращать взоры к вечному небу, осиянному светом истины и справедливости; лишь земное благоденствие собственного племени, хотя бы и ценой обильной крови, стало казаться им наидостойнейшей целью краткой человеческой жизни.

Само забываемое существование Ислама, взрастившего великую культуру, сыгравшего и продолжающего играть определяющую духовную роль в исторических судьбах многих народов, делает, конечно, излишними какие-либо слова в его защиту. В этих заметках хочется обратить внимание на нечистоплотные попытки использовать Ислам для глобальных геополитических спекуляций и разобщения, враждебно-противостояния народов СССР.

Общественное мнение об "исламском фундаментализме" в Азербайджане в минувшие два года целенаправленно подготавливалось центральными советскими средствами массовой информации. Телеоператоры, фотокорреспонденты, снимавшие многотысячные митинги в Баку, начало которым положила навязанная азербайджанцам, стране и миру так называемая карабахская проблема, стремились выхватить объективами лишь редкие, среди множества флагов и транспарантов, вкрапления стягов с мусульманской эмблематикой. Эти кадры распространялись миллионными тиражами (особенно преуспели в этом занятии "Московские новости"), закрепляя в общественном сознании мысль о том, что именно "исламский фактор", а не прорыв к демократии и подлинной суверенности, определяет истинную суть быстро нараставшего общенационального азербайджанского движения.

Но, видимо, спохватились, что может возникнуть и вопрос: а почему, собственно, движение приобрело именно мусульманскую направленность? Нужна была более основательная "историческая" база, чем кивки в сторону соседнего хомейнистского Ирана. Задачу выполнил левый "Огонек". Корреспондент А.Головков писал в апрельском, 18-м номере журнала за 1989 год: "Мудр и дальновиден был Гейдар Алиевич Алиев на посту первого секретаря ЦК КП Азербайджана! В отличие от своего ереванского коллеги Демирчяна, который, даже когда под ним зашаталось кресло после июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, не обращал свои взоры к Эчмиадзину... А вот Гейдар Алиевич дал понять своему народу, что партийное руковод-

ство республики в общем-то не против Ислама, и мусульманская религия стала резко и быстро набирать силу”.

Таким образом, Г.Алиев предстал как бы предтечей мусульманского неоренессанса. Тот самый Алиев, при котором в Азербайджане не было открыто ни одной мечети или медресе, а стены тысяч домов в городах и селах республики пестрели лозунгами “Народ и партия едины” и нетленными брежневскими фразами типа “Широко шагает Азербайджан”. Известно, до чего дошагали.

Есть еще “деталь”, противоречащая огоньковской фальсификации. Чтобы быть правверным мусульманином, надо знать Коран, для чего, как минимум, его надобно прочесть, а это невозможно без владения арабским или фарси. 99% сегодняшних азербайджанцев, в отличие от дореволюционных, арабским, как и фарси, к сожалению, не владеют. Тут уместно процитировать газету “Каспий” от 12 апреля 1912 г.: “Было бы желательно, чтобы мусульманская интеллигенция взялась за важное дело... перевода Корана на тюркский-азербайджанский язык”. Перевод был осуществлен лишь 70 лет спустя, но и при Г.Алиеве, и при его преемнике К.Багирове публикацию запретили — при формально провозглашенном невмешательстве государства в дела конфессий.

Как бы там ни было, фальшивка об “исламском факторе” в общенациональном азербайджанском движении была пущена в оборот. Конечно, решимость миллионов людей не дать отторгнуть часть своей земли можно, при желании, объяснить и религиозностью. Но только в той мере, в какой духовно насыщен любой патриотический порыв, предполагающий самоотверженность во имя высокой цели. Конечно, на фоне достаточно секуляризованного вследствие долгого “режима благоприятия” европейского христианства выстоявший в трудной борьбе Ислам в СССР может показаться “напряженным”, как бы постоянно готовым к отпору. Но ведь и “потепление” государства по отношению к мусульманам происходит отнюдь не такими темпами, как к тому же христианству. Замечательно, что так много сегодня поднимается голосов для спасения еще сохранившихся православных соборов; многие из них уже переданы Церкви, и это благородно и справедливо. Но отчего так неспешен тот же процесс в отношении Ислама? Отчего о необходимости восстановления разрушенных и поруганных мечетей, возвращении бесценных религиозных реликвий кричат только священнослужители и интеллигенция “заинтересованных” народов? И уж вовсе нет оправдания тем якобы интеллигентам, кто, камуфлируя свои рассуждения псевдонаучной терминологией, напористо внедряют в головы провокационную мысль о том, что жестокость неотделима от мусульманства, что она, так сказать, имманентно ей присуща.

Третьего февраля 1990 г. Е.Амбарцумов опубликовал в газете “Советская культура” статью “Что впереди?” Формально этот материал представляет собой отклик на помещенный в итальянском журнале “Панорама” обзор политических прогнозов на будущее. Но совершенно очевидно, для чего на самом деле все это писалось; автору чрезвычайно важно было протащить следующий пассаж: “Угроза общенационального рецидива германской реваншистской эпидемии ушла в прошлое. Есть, впрочем, действительно деструктивный элемент, потенциально опасный для стабильности и целостности восточноевропейских государств. Речь идет об интегральном мусульманской этиологии, порожденном социально отсталыми структурами, немодернизированными этническими общностями.”

Дальше, через размышление о мусульманах, вытеснивших православных из провинции Косово в Югославии, Е.Амбарцумов “плавно” подводит разговор к армяно-азербайджанскому конфликту. Можно представить, как срабатывает в массовом сознании параллель с реваншизмом, противопоставление “мусульмане — православные”. Вдумаемся и в суть “научных” определений, коими манипулирует автор. “Интеграция” — это объединение; в предложенном контексте оно вполне синонимично “фундаментализму”. “Этиология” — это учение о причинах болезней.

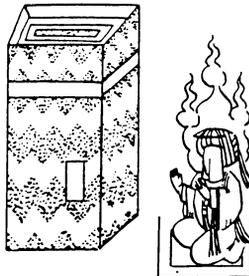
Суть умствований Амбарцумова сводится к следующему: можно говорить о пороках тех этнических общностей, которые исповедуют мусульманство, ибо именно их социальные структуры наиболее отстали. Отсюда и надо ожидать всякой подлости, отсюда и угроза всему христианскому миру.

Однако, следуя подобной логике, невозможно объяснить, как могли армяне, представляющие неотсталые "социальные структуры", с такой беспощадностью изгнать в декабре 1988 г. 220 тысяч азербайджанцев с мест их исторического проживания на территории Армении. Женщины с мертвыми грудными детьми на руках босые бежали от убийц по обледенелым горным перевалам. 49 жертв, заживо сожженных в домах, застреленных и повешенных. Маятник бесчеловечной жестокости, увы, потом вернулся — бакинскими страшными погромами, в которых участвовали самые несчастные, самые темные и озлобленные среди беженцев из Армении, где они влачили жалкое существование на положении полукрепостных, париев. Нет и не может быть оправдания погромам и резне, сурово осужденным абсолютным большинством азербайджанцев. Но истоки трагедии знать надо.

О беспощадном том изгнании дружно промолчала советская и мировая пресса. Беженцам выдали лишь по 50 рублей; 90 тысяч из них распихали по сырым бакинским подвалам и углам, где ночами мечутся визжащие крысы. И никаких 70 миллионов компенсационных рублей, о которых 1 февраля 1990 г. говорила в ленинградской телепередаче "Пятое колесо" народный депутат СССР от Армении Г.Старовойтова, Армения Азербайджану не выделяла.

Следуя логике Е.Амбарцумова, нельзя понять, почему в Ольстере, где, как известно, нет мусульман, то и дело вспыхивают кровопролитные схватки между христианами разного толка — католиками и протестантами. В Баку, не разбирая ни "радикала" из НФА, ни либерала, ни мусульманина, ни иудея, ни христианина, на спусковые крючки хладнокровно нажимали голубоглазые парни, — у иных из них, сказывают, и кресты имеются на груди. А в Фергане мусульман-суннитов убивали мусульмане-сунниты...

Не надо выдумывать химерические формулы об "интегрализме этиологий"; бесчестно стравливать народы, предварительно разведя их по разные стороны барьера по признаку веры. Это чревато еще более страшным кровопролитием и коллапсом всего общественного организма. Ислам не предполагает нетерпимость к представителям других народов. Сотое, тайное имя Аллаха, согласно исламским хадисам, знали и Сулейман, и Иса ибн Мариам. То есть и Соломон, и Христос были допущены к высшим мусульманским таинствам. Пространство между полумесяцем и крестом — не обязательно поле боя. Сведенные вместе, эти знаки становятся символом милосердия. ●

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ ИСЛАМА

Европеец, приезжающий сегодня в Среднюю Азию, легко заметит, что отношение к религии в регионе изменилось. За последние годы в несколько раз увеличилось число мечетей. В сельских районах редко уже можно увидеть девушку без платка. На восточном базаре муллы благословляют прохожих, а правоверные, которым Коран вменяет в обязанность благотворительность, подают им за это — кто сколько может.

За невесту вновь принято платить калым, размеры которого могут колебаться от полутора до пятидесяти тысяч рублей и выше. Иногда он может поступать в скрытой форме — в качестве подарков родителям невесты, но суть от этого не меняется.

Почему возрождается Ислам и к каким последствиям это может привести? Чтобы ответить на первый вопрос, необходимо совершить экскурс в историю.

Большевики уничтожили в Средней Азии целый пласт культуры, перебили образованный слой — духовенство и аристократию, интеллигенцию, происходившую, как правило, из зажиточных слоев. Люди, которые в ходе гражданской войны устанавливали там Советскую власть, просто по незнанию жгли книги на арабском языке. С середины двадцатых годов то же самое делалось в рамках государственной политики согласно постановлениям Главлита (боролись с "реакционной" литературой). В результате была уничтожена не только религиозная, но и светская культура среднеазиатских народов.

Огромный удар по преемственности культурных традиций нанесла замена арабской графики сперва на латиницу, а потом на кириллицу.

Массовые репрессии тридцатых годов тоже не обошли стороной Среднюю Азию. По переписи 1926 г. в Киргизии, например, среди мужчин грамотных было 8%, среди женщин — 0,3%, то есть читать и писать умели всего несколько тысяч человек. В годы большого террора было расстреляно по официальным данным 12 тысяч, а по неофициальным — 50 тысяч человек. В их числе были самые грамотные люди. Исчезли также знатоки народного эпоса.

Рост национального самосознания неизбежно приводит к возрождению национальной культуры. И люди в первую очередь обращаются к Исламу: во-первых, его хоть в какой-то мере знает большинство населения, а во-вторых, он теснейшим образом связан с народными обычаями. Дело в том, что когда Ислам пришел на периферию мусульманского мира, какой была Средняя Азия, он вобрал в себя многие местные традиции, буквально "врос" в национальную культуру. Например, места, почитавшиеся населением в доисламские времена, у мусульман продолжали считаться священными и так далее. Вот почему мусульманство сейчас распространяется даже в тех регионах, где до революции оно было принято поверхностно.

Одновременно надо отметить, что в последнее время в Средней Азии резко возросла социальная и национальная напряженность. Сейчас уже ясно, что на повестке дня стоит вопрос не столько о том, как способствовать экономическому развитию республик, сколько о том, как стабилизировать сложившуюся здесь взрывоопасную ситуацию. Решение этой проблемы находится в прямой зависимости от того, по какому пути пойдет усиливающаяся "исламизация" региона.

Религиозное возрождение будет идти, по-видимому, в нескольких направлениях. Одно из них я уже назвал: распространение Ислама "вширь". Кроме того, на мой взгляд, будет наблюдаться рост политического влияния мусульманского духовенства. С чем это связано?

В Средней Азии отсутствуют демократические традиции. Для нее всегда была характерна жесткая авторитарная власть. Поэтому очень важно, какой человек

встанет во главе руководства, здравомыслящий или экстремист. Позиция духовенства будет значить здесь очень много.

Ислам, как известно, запрещает убивать единоверцев. Такая идеология может обуздать разгоревшуюся межнациональную рознь. Партийные и советские органы не пользуются уважением местных жителей, но, возможно, удержать население от братоубийственной войны способны именно священнослужители, если власти найдут с ними контакт. В этом отношении расширение влияния религии может стать весьма позитивным фактором. Низшее духовенство имеет большой авторитет среди простых людей: в махалле мулла — самый уважаемый наряду с аксакалами человек.

В среде мусульманского духовенства сложилась следующая ситуация. В 30—60-е годы ему был нанесен серьезный удар. Новых кадров священнослужителей практически не было. Сегодня уходят самые высокообразованные теологи, предпочитающие взвешенные и рассудительные действия, заменить их нечем: "среднего слоя" почти нет. Трудно сказать, как поведет себя молодая поросль, заняв сейчас высшие места в исламской иерархии.

Что касается молодого низшего духовенства, то оно, как правило, малообразовано, но довольно энергично. После отмены всевозможных запретов и ограничений на религиозную деятельность резко возросла потребность именно в низшем духовенстве, которое стало пополняться множеством малограмотных, настроенных подчас весьма фанатично "специалистов". В определенных условиях их могут использовать деструктивные силы.

Следующее направление исламизации — вовлечение в орбиту мусульманской религии молодежи и интеллигенции. Впрочем, с коренной интеллигенцией не все так просто. За годы советской власти внутри нее сложился особый слой европеизированных интеллигентов во втором—третьем поколениях, которые не знают только национальной культуры, но порой и языка своего народа. Они, естественно, противостоят расширению влияния религии. Характерно, что своими их не считают ни соплеменники, ни живущие в Средней Азии русские. Им достается и от тех, и от других.

Но есть иная серьезная сила, на которую могут рассчитывать исламские экстремисты: крестьяне или, выражаясь марксистским языком, "мелкая буржуазия". Работа на хлопковых и табачных плантациях не может обеспечить им прожиточного минимума, поэтому они вынуждены на своих приусадебных участках выращивать овощи и фрукты, которые перекупщики продают на рынках всей страны. Их хозяйство высокоотоварно. И в результате экспериментов по введению "регионального хозрасчета", обернувшихся на деле региональной замкнутостью, крестьяне оказались в отчаянном положении, поскольку ужесточаются запреты на вывоз их продукции. С другой стороны, крестьяне зажаты перекупщиками, они — в сетях теневой экономики. Они могут стать грозной силой.

Таким образом, ближайшее будущее покажет, чем станет исламизация на советском Востоке: стабилизирующим фактором или оружием в руках авантюристов. ●

«ОСТАВИТЬ СРЕДНЮЮ АЗИЮ В ПОКОЕ...»

Беседа с Сергеем Поляковым

Сергей Петрович Поляков – старший научный сотрудник кафедры этнографии исторического факультета МГУ. Более 25 лет руководил среднеазиатской экспедицией МГУ по этнографии и археологии. Круг интересов – средневековая археология, этногенез, история хозяйства, традиционализм Средней Азии. Автор книг «Историческая этнография Средней Азии и Казахстана» (1980) и «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе» (1989).

По просьбе «Страны и мира» с С.Поляковым беседовала журналистка Ольга Васильева.

В последнее время в газетных публикациях, в разговорах о мусульманских регионах нашей страны стали все чаще появляться термины «панисламизм», «пантюркизм». Что они могут означать для Советского Союза?

Панисламизма в классическом понимании слова – я имею в виду течение, сформировавшееся на Ближнем Востоке, в Северной Африке, – в Советском Союзе нет. И связывать с ним процессы, идущие, например, в Средней Азии, бессмысленно. Попытки это сделать можно квалифицировать как некомпетентность, неглубокий взгляд на следствия более глубоких процессов. Панисламизма в Союзе не может быть хотя бы по причине сильных центробежных тенденций в нашем исламском мире. Несмотря на государственное вмешательство в религиозную политику, попытки объединить все исламские республики под властью Великого среднеазиатского муфтия не увенчались успехом: Казахстан отделился от Ташкента, практически отделилась Киргизия, независим Таджикистан, в Туркмении существует свой казиат, и узбекская религиозная власть на него реально не влияет. На Северном Кавказе ситуация аналогичная: чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, черкесы отделились от муфтия Северного Кавказа. Произошел распад мусульманской империи в религиозном плане.

Появление термина «панисламизм» для характеристики нашего мусульманского общества происходит от непонимания специфики нашего общества. Панисламизм базируется прежде всего на старых экономических связях, например, между Ираном и Афганистаном, мы же созданием своих республик по сути разорвали те экономические связи региона, которые складывались в разное время. Сначала был Бухарский эмират, Хивинское ханство, потом отделилось Кокандское, затем произошло объединение под генерал-губернатором. Собственно тогда капитализм нащупал необходимые хозяйственные связи.

Когда были созданы национальные государства, которыми так гордились и так гордятся республики, мы заложили ту мину замедленного действия, которая сработала сегодня. Мы изолировали цепи единого экономического механизма, взяв за основу этнический признак, что впоследствии определило и «развитие» национальных культур во всех регионах, – ведь именно культурной автономии были лишены даже национальные государства. Этнический принцип можно использовать, скажем, в центре Туркмении, но вряд ли найдется этнограф, который проведет собственно этническую границу между узбеками и туркменами по руслу Аму-Дарьи или между Туркменией и Казахстаном: к туркменам или к казахам отнести чавдуров? Старые связи Ташауза и Хивы сегодня тоже разорваны республиканскими границами.

Те, кто предупреждал о последствиях подобного раздела, объявлялись врагами национальной политики молодой Советской власти. Здоровые принципы панисламизма, которые при тщательной разработке могли сыграть положительную роль, поскольку предусматривали объединение региона с одинаковым образом жизни, были задавлены. Но учитывая, что были разорваны

хозяйственные связи, маловероятно, чтобы эти идеи можно было реализовать. То же самое можно сказать о пантюркизме – идее создания единого тюркского государства. О ней сегодня лепечут лидеры Народного фронта Азербайджана. Как можно объединить казаха и азербайджанца в свете событий в Новом Узене, киргиза и узбека – после событий в Оше?! Как объяснить в свете пантюркизма события в Фергане?!

Говорить сегодня о перемещении центра исламского движения в Советский Союз пока не приходится. Даже если «исламские» лозунги и появляются, это маска, это ширма традиционализма. Об исламе и его возрождении в СССР сегодня может говорить лишь национальная интеллигенция, которая, видя безвыходность социально-экономической ситуации, не хочет рассматривать причины, ее породившие.

Чем сегодня опасны панисламские, пантюркистские настроения, именно настроения, а не течения? Своей апелляцией к народу при отсутствии попыток восстановления экономических связей региона, конкретной работы. Дальше разговоров «идеологи» этих настроений не идут, и как результат – нагнетание взрывоопасной обстановки. В Исфаринском районе встал вопрос о земле – и таджик пошел на киргиза, брат на брата в полном смысле этого слова. Ведь это район смешанных браков. Сейчас конфликт в Оше – опять из-за земли – между киргизами и узбеками. Конфликт в Ошской области сложен, он не является «межнациональным». К кому отнести кипчаков: к киргизам? к узбекам? Он – закономерный результат нашей «мудрой» национальной политики.

Подобная ситуация сложилась не только в Средней Азии. Кавказ, Закавказье, Полесье – список можно продолжить. Разрушены связи практически любого региона. Эти процессы коснулись и моей семьи. После того, как было принято на комиссии по делам национальностей – путем голосования! – существование белорусской нации, старшие сестры моей бабушки, живущие в Орше, стали белоруссами, а моя бабушка, живя в Смоленской области, осталась русской.

Когда в нашей стране в конце XIX в., чуть позже, чем в Европе, созрели предпосылки для создания национальных государств, уже существовал капитализм, который начал их разрушать, – капитализму не нужны границы. Те же процессы шли и в европейских странах: объединение Бисмарком Германии при сохранении культурных автономий бывших германских государств. Аналогичные меры принимались во Франции. И другой наглядный пример: Испания, которая дольше всех в материковой Европе застряла на уровне традиционной монархии и только после Франко в полной мере вырвалась на капиталистический путь, создала себе те же национальные проблемы.

Была хорошая идея дать каждому народу свою государственность, но забыли, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Я понимаю, что на меня посыпятся обвинения в шовинизме, но от реальности никуда не уйдешь – мы положили в основу государственного устройства следствие, а не причину, не хозяйственную структуру, связывающую регионы. По сути, сегодня мы имеем искусственно созданные регионы, что и разрушило эту экономическую основу.

Какой же ислам существует в Средней Азии, можно ли его вообще называть исламом, применять такой термин, как «бытовой ислам»?

Единого ислама не существует, несмотря на то что существует единое священное писание – Коран и нормы шариата одинаковы для всех. Ислам Индонезии и ислам Таджикистана различны настолько, что придется сделать вывод: либо одни, либо другие – немусульмане. И термин «национал-ислам» – это вполне реальная вещь не только для нашей страны. Просто у нас он приобрел более резкие черты, благодаря созданию национальных государств. Официальные исламские организации, как, например, «Исламская лига», не признают существования ислама в Киргизии, поскольку он не имеет ничего

общего с кораническим исламом. Обрядовая практика, сформированная на местных обычаях, во многих регионах Средней Азии тоже имеет мало общего с кораническим исламом. По отношению к ней более применим термин «язычество», то есть полная противоположность исламу. Приведу пример. Мача (верховья Зеравшана) – центр басмачества. Считалось, что исламское духовенство играет там огромную роль. Но наблюдения за культовыми учреждениями (их даже трудно назвать мечетями) еще 15 лет назад показали существование в них «дома огня» (алоу-хана), то есть элементов зороастризма. В мечетях Северного Таджикистана до сих пор стоят чароги. Элементы доисламских культов существуют повсюду в Средней Азии.

Довольно трудно найти в Средней Азии человека, представляющего себе, что такое ислам как религия, кроме весьма незначительной прослойки духовенства, а сегодня – и некоторой части молодежи. Это трагедия ислама в СССР, такая же, как и трагедия православия. И когда сегодня мы открываем мечети, за богослужение берутся люди, которые в лучшем случае знают несколько арабских слов. Подобная надстройка, идеологический уровень полностью соответствуют сложившемуся мелкотоварному производству в Средней Азии. Сегоднешнее обращение к традициям, а не к действительно полнокровной идеологии и религии, является отражением сложившихся уродливых экономических структур. Нельзя строить правовое цивилизованное государство, отбирая у человека все. Начинается поиск успокоения в религии. И когда встал вопрос о выборе: коммунистическая идеология или ислам, – выбор был сделан в пользу последнего в силу его соответствия способу производства.

Употребление термина «бытовой ислам» применительно к социальным структурам Средней Азии мне кажется не совсем верным. Он затемняет суть процессов. Более приемлемым термином, характеризующим сложившуюся в Азии структуру, является традиционализм. Традиционализм охватывает в той или иной мере все стороны жизни: способы ведения хозяйства, идеологию (включая религиозную), культурные ценности, отношение к окружающей среде, передачу информации от поколения к поколению. Традиционализм часто трактуют только как пережиток ранних форм общественного сознания, забывая, что он всегда выступал как отражение социально-экономического строя, специфической хозяйственной структуры мелкотоварного производства – сочетания орошаемого земледелия и экстенсивного скотоводства.

Мелкотоварное производство характерно для Средней Азии.

Правильно. Мы должны были его сохранить, а мы его начали разрушать, сохраняя при этом традиционные структуры. Индустриализация в Среднюю Азию была привнесена извне, очень быстро и категорично. Население оказалось неподготовленным к ее восприятию, ибо общество находилось на том уровне, когда новый способ производства ему еще был не нужен. Этот перекох сохранился и по сегодняшней день.

Привнесенная извне цивилизация не была приспособлена к традициям Средней Азии. Она зачастую не учитывала специфики местных ремесленных производств, демографического положения (отец семейства, работая на государственном предприятии, не в состоянии прокормить семью из 7–8 человек). В результате мелкотоварное производство фактически возродилось, но возродилось на личных участках в 15 соток, что привело к хищническому отношению к земле, разрушению структуры почв. При этом практически весь производственный продукт уходит на рынок. В силу уникальности многих видов продуктов, производимых в Средней Азии, казалось бы, семья может себя обеспечить всем необходимым, несмотря на то, что продажа продуктов идет через перекупщиков. Дехканин, получая меньше 40% рыночной стоимости товара, все же имеет годовой доход 8–10 тысяч рублей. Но здесь начинает сказываться другой фактор – традиционные, нерациональные с нашей

точки зрения траты на обрядовую практику. Велики сами по себе траты на обряд – праздник по поводу обрезания (суннат-той обходится в 7–8 тысяч), похороны, традиционные свадьбы (средняя свадьба стоит 7–8 тысяч, не считая калыма). А траты на обрядовые товары (обязательное приданое, материал для надгробных мавзолеев, стоимость которого в последнее время иногда достигает 20 тысяч, и т.п.), которые дехканин покупает опять же на «толкучке» за тройную цену, еще больше. По нашим подсчетам, ежегодно только на приданом в таких областях, как Андижанская, спекулянты изымают у населения 120–130 миллионов рублей. Для обеспечения жизни, которой требует от каждого своего члена традиционное общество в кишлаке или в махалля, требуется не только экономия на питании, но и экономия на воспитании детей.

Мы принесли медицину, но не обеспечили разумной политики рождаемости. Только для питья Средней Азии к 1995 г. нужно где-то взять кубокилометр воды в год. В кишлаке Варух ежегодный прирост населения составляет 9%. В такой ситуации без высокоразвитой индустрии обеспечить нормальную социально-экономическую жизнь людей нельзя. Но в данный момент нет такой индустрии, которая в целом для Андижанской области могла бы создавать 300 рабочих мест, 10 групп яслей, 10 классов школы ежедневно. Я немного утрирую ситуацию, но ежедневный прирост населения области составляет 300 человек. 25% женщин Ферганской долины по сути рожают два раза в год. Детская смертность в Средней Азии достигает 50 промилле, а в некоторых районах до 300 (по данным ВОЗ, критической считается ситуация в 40 промилле – 40 смертей на каждую тысячу новорожденных). Сегодня 30% детей рождается с генетическими аномалиями, это признано официально. Это не только влияние экологической ситуации, но и генетическое вырождение (практикуются родственные браки, ибо при этом меньше калым). Я оперирую теми данными, которых нет в официальной статистике, они получены с помощью разработанной нами методики, уже проверенной событиями, – будь то «международные» столкновения или стихийные бедствия, – предсказанными на ее основе.

Мы продолжаем двигаться по этому же пути. Что мы сейчас делаем в области национальной политики в Средней Азии? Мы, с одной стороны, хотим сохранить этнографический заповедник, с другой стороны – ввести капиталистические отношения. Мы разрушили базу «государственного» ислама, то есть старую структуру, организующую социальный механизм на больших территориях, сохранив нетронутой социальную клетку традиционализма – кишлак. Кишлак – это структура, регенерирующая традиционализм на бытовом уровне и обеспечивающая сохранение азиатского способа производства.

Азиатский способ производства был сломан на Ближнем Востоке нефтяными разработками. Разработки газовых месторождений в Туркмении такого эффекта не дали. Да, нужно признать, что отсутствие обрабатывающей промышленности в самой Туркмении – это нонсенс, но нонсенс и в другом: туркмен нет на газовых промыслах, как их практически нет и в промышленности. В то же время безработица в двух прилегающих к Ашхабаду районах достигает 64%. В Средней Азии высокоразвитая индустрия не прижилась именно из-за сохранения структуры регенерации традиционализма. Я готов доказать, что 70% населения Средней Азии живет за счет мелкотоварного производства своих приусадебных хозяйств, а не за счет индустрии. Причем не может идти речи о безработице в европейском понимании слова: ведь та же хлопковая «индустрия» использует ручной труд учеников школ, студенчества, городских жителей, а для развития любой другой индустрии в Среднюю Азию приглашали рабочих из других регионов.

Сегодняшнее состояние Средней Азии – это катастрофа: национальная, социальная, демографическая, экономическая, экологическая. Средняя Азия шла к ней двумя путями. С одной стороны, стимул развития общества был

снят дотациями Советской власти – это своеобразный общественный СПИД, который уничтожил иммунитет. С другой стороны, мы сегодня упустили традиционализм, дали ему развиваться до опасного уровня, когда эта система общественных и экономических отношений для сохранения своих позиций начала вторгаться в кадровую политику государственных учреждений, правоохранительных органов, структур управления и власти.

Но в таком случае сегодняшние явления – события в Исфаре, Алма-Ате, Душанбе, Оше – являются закономерными, как и то, что в дальнейшем эти события будут продолжаться...

Кровавые трагедии Средней Азии являются отражением сегодняшней борьбы традиционализма с развитием общества. Впервые этот процесс обозначился в период восстания 1916 г. Посягательство царского правительства на старые порядки – мобилизация мусульман на тыловые работы – вызвало восстание в русских среднеазиатских владениях. Это был внешний, формальный повод. Основой послужило резкое ухудшение социально-экономической жизни. Завоевание Россией Средней Азии привело к политической стабилизации и ликвидации междоусобиц. Как следствие, население увеличилось (с 1881 по 1917 г. население Средней Азии выросло в 3,5 раза, при этом заметного снижения детской смертности не произошло), что привело в условиях малоземелья к ухудшению жизненного уровня на протяжении жизни одного-двух поколений. Плюс уменьшение вложений российского и западного капитала во время войны. В большинстве мест восстание возглавило духовенство, и главным лозунгом был отказ от всего «кафирского», немусульманского. Сегодняшние конфликты имеют ту же основу.

Мы предупреждали об этих событиях 3–4 года назад. Это стало возможно после разработки к 1982 г. специальной методики, основанной на работах по многофакторному анализу погребальных сооружений. Мои работы по традиционализму построены на этой методике. Главное в ней – перевод качественных параметров в количественные, который позволяет, например, соотнести удельный вес «ислама», и «зороастризма» в том или ином обществе. Она дает возможность применения ранговой статистики в исследованиях. В 1982 г. методика была объявлена антима르크систской, книга пролежала в столе семь лет. Да и сейчас она мало кому понятна, хотя с точки зрения практики она себя оправдала, – мы уже тогда предсказали все происшедшие на сегодняшний день «межнациональные столкновения», она дала представление и о сегодняшнем экологическом состоянии Средней Азии.

«Межнациональные» конфликты Средней Азии определяются многими факторами: демографическим положением, экономическими структурами, национальным спектром населения, образовательным уровнем. У нас (не только в Средней Азии) они идут по двум путям. Первый – вытеснение прежде всего из городов коренного населения: новые квартиры отдаются промышленным рабочим – приезжим, а представители местного населения их не имеют, поскольку не идут в индустрию, несмотря на безработицу, – лишнее доказательство невозможности дальнейшего сосуществования двух различных экономических систем – индустриальной и традиционной. Второй путь связан с землей, он не национальный: разве киргизы склочный народ, если они сцепились сначала с таджиками, а потом с узбеками? Вот вам и все проблемы национальностей!

Сейчас часто слышны утверждения, что старые управленческие структуры махалля или кишлака, который сегодня образует одно из подразделений колхоза или совхоза, были более демократичны: совет и его главу можно было переизбрать, нынешнего председателя колхоза переизбрать гораздо труднее...

Это не совсем так. Традиционная система пытается себя защищать, в том числе и такими способами. И беда заключается в том, что Советская власть

не затронула махаллинскую структуру вообще, не затронула способ производства. В этом трагедия сегодняшней Средней Азии. И я вижу только один путь, жесткий путь – оставить Среднюю Азию в покое, уйти.

Но существует ответственность метрополии перед колонией...

Мы привыкли к термину «колониальная система». Особенность России в том, что все наши «колонии» находятся рядом, это скорее национальные окраины. Ведь никому не приходит в голову назвать Чехию колонией Австрии – это была часть Австро-Венгерской империи. Или сказать, что Арабский халифат состоял из колоний и метрополии. Это единое, пусть и уродливое, но с коммуникациями, образование. Рассуждая сегодня о сырьевом придатке – Средней Азии, о низких закупочных ценах, нельзя забывать о дотациях, об основных фондах, об ирригационной системе, Каракумском канале, разработках месторождений (ведь разработка месторождения в наших условиях окупается за 50 лет – это я знаю от геологов), о затратах на переработку хлопка, энергетику, дороги и т.д. Забывают и о том, что тонковолокнистый хлопок составляет только пятую часть общего производства хлопка в регионе. Качество остальных четырёх пятых не соответствует мировым стандартам. Плюс то, что хлопок при стоящих комбайнах собирается вручную, и это резко поднимает его себестоимость.

Когда я просчитал всю катастрофичность положения Средней Азии в 1982 г., я активно пытался обратить внимание «власть имущих» и «не имущих» на ситуацию. Научное сообщество у нас на факультете признало мою работу негодной. Поскольку я не доктор наук, в республиках со мной никто разговаривать не хотел. Меня выгнали из Туркмении – я выступил против работ по Каракумскому каналу, меня никто не поддержал. Я выступал против ведения скотоводства в его современном виде – оно разрушает растительный покров предгорий, что приводит к нарушению экологического баланса. Со мной не захотели разговаривать в Ленинабадском обкоме, когда мы предупреждали, что ожидаются сели, а они пришли. Мы говорили о спасении Арала и как путь к решению вопроса предлагали регулировать рождаемость...

Спасение Арала и рождаемость?

Конечно. При орошаемом земледелии на человека приходится 180 литров воды, как и на жителя города. Откуда их взять? Существуют и нормы распашки земли. Нельзя распахивать все. Об этих проблемах никто не хочет слушать.

Мы показали, как формировалось население Таджикистана за тысячелетие. Сделали сводки по социальной структуре, экономике, экологии... Показали, как формируются махалля. Эти исследования здесь не печатают.

Поймите, нельзя жить в нарисованном мире. Если общество не будет использовать рекомендации ученых – неважно, «технарей» или «гуманитариев», работы которых проверены – оно погибнет.

Самая большая трагедия, какой бы оптимист или пессимист я ни был, состоит вот в чем. Мы живем в условиях катастрофы не только в Средней Азии, но и в России. Мы живем в условиях – демографических и экологических, – когда часть среднеазиатского общества ринется в Россию и будет создавать конфликты – национальные, социальные и другие.

Если полуфеодалные, полукapиталистические, полусоциалистические системы будут сохраняться, конфликт будет тлеть. Но экономическое развитие способно его разрешить, снять препоны. ●

«ПРОБЛЕМА ВСЕ-ТАКИ НЕ В ИСЛАМЕ...»

Беседа с Виталием Пономаревым

Виталий Анатольевич Пономарев окончил экономический факультет МГУ, работает в Институте этнографии АН СССР. Неоднократно бывал в среднеазиатском регионе. Он – член Координационного совета Московского народного фронта. По поручению фронта он устанавливал в 1988–1990 гг. контакты с неформальными организациями Средней Азии и Казахстана. Выпустил в самиздате брошюру о социально-политическом положении в Киргизии. После этого в газете «Советская Киргизия» появилась статья «Неймется гражданину Пономареву», в которой он изображается в качестве экстремиста, дестабилизирующего положение в республике. В настоящее время он приступает к изданию самодельной газеты «Туркестанские ведомости».

По просьбе журнала «Страна и мир» с ним беседует корреспондент ИМА-пресс Алексей Василицевский.

В последнее время в советской печати стали появляться сообщения об усилении влияния так называемого «исламского фактора» в республиках Средней Азии и Казахстане. Насколько справедливы подобные утверждения?

Религиозное единство этого региона не стоит преувеличивать. В Киргизии, Казахстане и Туркмении ислам был принят довольно поверхностно. У бывших кочевников сохранилось множество языческих, домусульманских верований и обрядов, у них никогда не наблюдалось религиозного фанатизма. Например, женщины не должна была закрывать лицо.

Кроме того, панисламизм претендует на объединение всех мусульман вне зависимости от их национальности. А между многочисленными народами Средней Азии существуют конфликты. Узбеки противостоят таджикам, казахам и киргизам, киргизы и таджики – друг другу... Некоторые таджики вообще считают, что они – индоевропейцы, принявшие ислам, – ни в коем случае не должны выходить из СССР, так как их могут уничтожить окружающие «тюркские орды».

Но и между самими таджиками существуют трения. Считается, что на севере Таджикистана, в Ленинабаде, живут «обузбеченные» таджики. Почти все секретари обкомов и председатели облисполкомов республики родом из этого города. Антиленабадские настроения в Таджикистане настолько сильны, что некоторые даже предлагают исключить этот район из состава республики. В последнее время среди местной интеллигенции стали модными разговоры о возможности выделения Бухары, Самарканда и Ленинабада в Согдийскую республику...

Можно ли говорить о том, что в последние годы происходит своего рода «исламское возрождение»?

В определенной степени – да. Хотя правильнее, по-моему, было бы говорить о возрождении национально-культурных традиций. Ислам возрождается в той мере, в какой он впитался в национальную культуру. Начали широко праздновать мусульманские праздники. Но одновременно вспомнили и наваруз, который к исламу отношения не имеет. Возрос интерес к изучению арабского языка. Открываются новые мечети, хотя этот процесс все еще искусственно сдерживается. Надо помнить, что верующие мусульмане обеспечены Кораном хуже, чем православные – Библией. Но в настоящий момент, за исключением, пожалуй, Таджикистана, ислам нигде не выступает в качестве политической силы.

Насколько политизировано исламское духовенство?

В очень малой степени. Официальная мечеть в Средней Азии до самого последнего времени была под контролем властей, поэтому мусульманские иерархи предпочитали открыто не оспаривать официально принятых взглядов. Насколько я знаю, в Средней Азии сейчас нет фигуры, обладающей у мусульман различных регионов таким же авторитетом, каким обладал Хомейни в Иране.

Что же касается «параллельного ислама», различных сект, то они мало связаны с массовым общественным движением. Наибольшее развитие секты получили в Таджикистане. Там они называют себя ваххабитами по примеру пуританской секты в Саудовской Аравии, но, по-моему, они имеют слабое представление об идеологии настоящих ваххабитов. Единственное, что объединяет среднеазиатских ваххабитов с арабийскими, это требование удешевления обрядов. В этом их поддерживает население. Члены народно-демократического движения Таджикистана «Растохез» с большой настойчивостью относятся к этим ваххабитам. Осенью прошлого года в городе Кулябе между ними произошли столкновения. Там было назначено собрание сектантов, но неформалы из местной организации «Растохез» (она носит в Кулябе название «Ошкоро») потребовали, чтобы ваххабиты покинули город, а затем выдворили их силой.

Активисты неформальных организаций – люди светские, в исламском государстве им просто не будет места. Куда, например, денутся женщины-писательницы, которые активно работают в узбекском «Бирлике»? Ни одно массовое движение в Средней Азии не выдвигало пока исламских лозунгов. Так, узбекское движение «Бирлик» было создано под влиянием впечатления, произведенного на писателей Эстонским народным фронтом. Узбеки переработали эстонские требования применительно к своей национальной специфике: борьба с монокультурой – хлопком, спасение Арала, возрождение культурных традиций... Но никаких требований «исламской республики»!

Однако после каждого крупного межнационального столкновения в регионе советские газеты начинают писать о «темных силах», которые якобы стоят за спиной погромщиков...

Мне кажется, это в большой степени миф. Никто этих сил так и не нашел, и никто даже не знает, где их искать. После недавних событий в Душанбе компетентным органам удалось-таки найти десятка два «эмиссаров» из Азербайджана. Но одновременно в Киргизии, где также были волнения, никаких «эмиссаров» не нашли, хотя проводили массовые проверки среди выходцев с Кавказа и из Прибалтики, а также среди местных неформалов. Волнения провоцируют в большей степени сами власти, чем какое-то исламское подполье. В Душанбе, например, попытались разогнать демонстрацию в центре города. После этого события приняли такой характер, что пришлось вводить танки. А вот в Киргизии вмешательства войск не потребовалось, поскольку власти не стали препятствовать проведению несанкционированного митинга. Там события развивались следующим образом.

25 января по инициативе неформального общества «Ашар» во Фрунзе состоялся первый митинг. Следующий был назначен на 5 февраля. Началось давление со стороны властей на активистов «Ашара», и в назначенный день никого из неформалов в городе не оказалось, а на площади собралась огромная неуправляемая толпа. Если бы милиция вытеснила эту толпу в переулки, общегородской погром был бы неизбежен. Вместо этого работники внутренних дел дали собравшимся микрофон. Начался стихийный митинг с бессвязными выступлениями, который через несколько часов прекратился сам собой: людям надоело, и они разошлись. Кровь не пролилась, и никто за пределами республики не узнал о волнениях.

В обстановке нарастающей социальной напряженности любая искра может вызвать взрыв. События в Фергане год назад застали советскую общественность врасплох. Но для того, кто знал обстановку в Узбекистане, они не

были неожиданностью. Рост политической активности в республике начался с конца 1988 г. Об этом свидетельствовал, в частности, огромный поток заявлений с просьбой о приеме в общество «Бирлик». Но уровень политической культуры населения Узбекистана довольно низок, поэтому рост общественной активности сопровождался эскалацией насилия.

В конце 1988 г. студенты Ташкента впервые вышли на улицы с требованием принять закон о языке. В феврале 1989 г. произошли межнациональные столкновения в отношении Ташкентского тракторного завода. В марте по городу прошла 25-тысячная несанкционированная демонстрация, требовавшая объявить узбекский язык в республике государственным. В апреле имели место русско-узбекские столкновения в небольших городах близ Ташкента. В прессе об этом не сообщалось ни слова, хотя в некоторых районах тогда дошло до введения комендантского часа. В конце апреля 1989 г. студенты-узбеки увидели, как в общежитие к студентам из Африки вошли две местные девушки. Началась массовая драка. В четыре часа ночи в студгородок были введены внутренние войска...

После этого стало очевидным, что летом грядут большие события, причем скорее всего не в столице республики, поскольку прошедшие там столкновения несколько разрядили обстановку. Правда, нельзя было предвидеть, что жертвами станут именно турки-месхетинцы.

Среди советских журналистов сейчас весьма популярна версия, по которой среднеазиатская уголовная мафия может попытаться использовать исламские лозунги, чтобы захватить в регионе политическую власть. Возможно ли это?

Мне представляется, что в стране, где господствует партократия, не может быть двух уголовных мафий. Мафия всегда одна, поскольку она сращена с партийно-государственным аппаратом. Степень слияния партийных и криминальных структур в разных республиках различна. В Узбекистане эта связь крепче. В Киргизии – слабее (там торговлю, в основном, держат в руках узбеки, а номенклатуру составляют киргизы). Но в любом случае союз криминальной и бюрократической мафий существует, и этот блок не станет свертать сам себя.

В прошлом народные выступления в регионе провоцировала именно партийная мафия, как это было, например, в Ташкенте в 1969 г. или в Алма-Ате в 1986 г. Бывший партийный вождь Казахстана Кунаев время от времени любит рассказывать журналистам о событиях 1986 г. По его словам, их непосредственным организатором стало республиканское руководство. Когда стало известно, что на смену Кунаеву готовится Колбин, известный «ежовскими» методами «работы с кадрами», в высших эшелонах республиканской власти началась паника. Тогда и родилось предложение собрать на площади молодежь, чтобы «национальный лидер» мог выйти к ней, успокоить и тем продемонстрировать Москве, кто должен быть руководителем Казахстана. На роль такого лидера прочили Назарбаева (нынешний партийный руководитель Казахстана). Он действительно обратился к демонстрантам, да только события вышли из-под контроля, и никто не стал его слушать.

Может ли местная номенклатура разыграть «исламскую карту» с целью получить независимость от Москвы?

Из нынешних среднеазиатских партийных руководителей сегодня, пожалуй, самостоятельную национальную политику проводит только Назарбаев. Остальные на это неспособны. Кроме того, не следует преувеличивать степень единства среднеазиатского руководства, которое расколото по клановому и племенному принципу. Многие дела о коррупции возникли именно как следствие межплеменной борьбы. Например, разоблачение коррупции в Казахстане началось после того, как были раскрыты приписки в Караганде.

Кунаев, чтобы нанести удар по северной группировке, пригласил следователем союзной прокуратуры. А оттуда потянулись ниточки и на юг – в земли, входившие ранее в состав Старшего жуза. Кунаев родом оттуда, как, кстати, и Назарбаев.

Жузовое и племенное деление во многом искусственно насаждалось республиканскими руководителями в предыдущие годы. Ведь принадлежность к какой неявной группе обеспечивает чиновнику социальную защищенность. А племенные традиции очень хорошо подходят для создания такой группы. Вообще политическая борьба в Средней Азии – вещь сложная и почти неизученная. Никем пока не исследовались, например, последствия борьбы с коррупцией, развернувшейся в регионе в начале перестройки. Тогда в республике Средней Азии был высажен мощный десант из Москвы, который фактически взял власть в свои руки. В Казахстане Колбин остался реальным лидером. Зато в Узбекистане настоящей властью были второй секретарь ЦК и первый заместитель министра внутренних дел республики. Этот замминистра Э.Дидоренко известен тем, что впоследствии выдвинул версию о причастности мафии к ферганским событиям. В Киргизии все решал триумvirат (второй секретарь ЦК, министр внутренних дел и председатель КГБ республики). В течение прошлого года почти все «десантники» под тем или иным предлогом были отозваны в Москву, но память об этой кампании, очевидно, у среднеазиатской номенклатуры сохранится надолго.

Возможен ли экспорт «исламской революции» извне?

Вряд ли. Для сильного влияния на какой-либо народ нужна мощная община в одной из зарубежных мусульманских стран. Она имеется лишь у таджиков: множество их проживает в Афганистане. Но насколько мне известно, советские таджики не выражают особого восхищения уровнем жизни своих соплеменников в Афганистане и Пакистане. Нет у них «манящей заграницы». В СССР тайно ввозится из-за рубежа исламская литература, возможно, и деньги, но все это – в незначительных масштабах. В кризисных ситуациях недавнего времени они не сыграли сколько-нибудь серьезной роли.

Будет ли, по вашему мнению, использоваться в политической борьбе в регионе исламская фразеология?

Судя по всему, да. В Средней Азии и Казахстане существует конфликт между русскоязычным населением и представителями коренных национальностей. И часто возникает соблазн представить его как следствие противостояния мусульман и «неверных». В последние месяцы повальный характер приняло бегство из региона русских, немцев, евреев. Впрочем, там, где живут потомки семиреченских казаков и столыпинских переселенцев, русские никуда уезжать не собираются, – они готовятся к бою.

Социальная модель традиционной среднеазиатской столицы такова. Русские являются рабочими или реже служащими; коренное население составляет партийное руководство и высший слой интеллигенции, но в то же время коренные жители – это неквалифицированные рабочие и студенты, приехавшие из глубинки. В силу своего социального статуса неквалифицированные рабочие и студенты имеют низкий жизненный уровень, сталкиваются с серьезными бытовыми трудностями. Поэтому если «наверху» появятся вожди, желающие направить их недовольство против русских, то эта масса может стать грозной силой.

Впрочем, как я уже сказал, противоречия между самими «правоверными» ничуть не меньше. Ни один из территориальных и национальных конфликтов в Средней Азии пока не решен. Поэтому регион все больше напоминает пороховую бочку. ●

ШАЙТАНСКИЕ СУРЫ

Мгновенно ставшая знаменитой книга С.Рушди не нуждается в особом представлении. О ней много писали и пишут, в том числе и в Советском Союзе. Однако, в отличие от читателей в других странах, русский читатель не может составить себе о ней самостоятельного представления. Чтобы заполнить этот пробел, мы публикуем большой (примерно половину главы) отрывок из самой «криминальной» главы книги: «Махунд». Мы делаем это не в качестве вызова, но в убеждении, что свобода слова и печати не может быть ограничена ничем, кроме запрета призывов к насилию. Каждый вправе одобрять или порицать С.Рушди, но никто не может лишить его права на выражение своих убеждений. Доступное читателям почти на всех европейских языках должно быть доступно и русскому читателю.

Салман Рушди родился в 1947 г. в Бомбее. Он автор романов «Гримус», «Дети полуночи», «Позор», книги «Улыбка ягуара: путешествие по Никарагуа».

«Шайтанские суры» (в газетах это название буквально – и неточно – переводят как «Сатанинские стихи») – последний, после пятилетнего перерыва, роман С.Рушди. Начинается он так.

В предрассветный час над Ламаншем взрывается захваченный пиратами реактивный самолет, и из него в воды пролива падают два актера-соперника: Джibriл Фаришта и Саладин Чамча. Падая без парашюта, они на лету соревнуются в пении. Чудом они спасаются и выбираются на один из английских пляжей. Но с ними происходят странные превращения: у Джibriла появляется нимб, а у Саладина вырастают копыта на волосатых ногах и рога. Джibriл и Саладин воплощают извечную борьбу Добра и Зла. Но кто есть что? Могут ли демоны иметь ангельскую природу? Могут ли ангелы быть замаскированными демонами? Вопрос этот рассматривается в нескольких главах-новеллах, довольно слабо связанных общей линией Джibriл–Саладин. Повествование совершает гигантские скачки в пространстве и времени.

Одна из глав-новелл – «Махунд». В имени героя, давшем название главе, прозрачно зашифрован Мохаммед. Действие происходит в Мекке, скрытой под названием «Джахилья», что по-арабски значит «мрак, невежество» (слово это обычно употребляется для обозначения доисламского периода).

В главе «Махунд» сюжетную основу составляют так называемые «шайтанские суры» Корана. Дело в том, что Коран утверждает единственность Бога, его всемогущество, вечность и единственность. Признать существование сотваришей Бога, Аллаха – главное преступление против Ислама. «И сказали иудеи: «Узайр – сын Аллаха». И сказали христиане: «Мессия – сын Аллаха». Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены! Они взяли своих книжников и монахов за господ себе, помимо Аллаха, и Мессию, сына Марйам. А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества. Хвала Ему, превыше Он того, что они Ему придают в соучастники!» (9:30,31).

«Шайтанский» эпизод Корана состоит в следующем. Мохаммед родился и жил в Мекке, древнем центре политеистических арабских религий. Благополучие города сильно зависело от роли города как религиозного центра. Вожди племени Мохаммеда – курейшитов (в книге С.Рушди – «шьяруки») особенно зависели от благосостояния местных святилищ.

Монотеизм учения Мохаммеда явился прямым вызовом существующему порядку, и вождям курейшитов в особенности. Поэтому, хотя призывы Мохаммеда получили горячий прием среди беднейшей и деклассированной части населения Мекки, состоятельные мекканцы встретили его холодно. Привлечь их на свою сторону стало для Мохаммеда важным делом.

«Шайтанский» эпизод имел место в 614 г. Согласно Аль-Табари (ум. 923), главному источнику сведений о раннем Исламе, вожди курейшитов предложили Мохаммеду, чтобы он про явил к их идолам более гибкий подход, а они, в свою очередь, более дружелюбно будут относиться к нему и его учению. «Если ты упомянешь наших богинь, мы сядем с тобою рядом». Вскоре после этого Мохаммед произнес следующие стихи Корана, в которых упоминаются три наиболее известные мекканские богини: «Видели ли вы ал-Лат, и ал-Уззу, и Манат – третью, иную?» (53:19,20).

В этот момент, согласно аль-Табари, Шайтан исказил его слова так, чтобы казалось, что Мохаммед принимает этих трех богинь и подтверждает значение их посредничества между человеком и Богом: «Это благородные птицы, и их посредничество поистине желательно».

Естественно, вожди курейшитов были в восторге. Но архангел Гавриил явился Мохаммеду и открыл ему, что дьявол его обманул, заставив произнести эти последние строки. Табари говорит: «Шайтан привел на твой язык» стих о «благородных птицах». И Гавриил убрал эти строки, заменив их стихами, осуждающими культ этих богинь.

Полный коранический текст, относящийся к этому эпизоду, таков (даем его, как и везде в настоящем номере журнала, в переводе И.Крачковского):

«Видели ли вы ал-Лат, и ал-Уззу, и Манат – третью, иную? Неужели у вас – мужчины, а у Него – женщины? Это тогда – разделение обидное! Они – только имена, которыми вы сами назвали, – вы и родители ваши. Аллах не посылал с ними никакого знамения. Они следуют только предположениям и тому, к чему склонны души, а к ним уже пришло от Господа их руководство» (53:19–23).

«Обидность разделения» состоит в том, что в древнеарабской мифологии Лат, Манат и Узза считались *дочерьми* Аллаха (см. также примечание к тексту публикуемого отрывка).

Свой непочтительный вариант истории «шайтанских сур» и предлагает в своей книге С.Рушди.

Перевод фрагмента книги С.Рушди выполнен Татьяной Вывюрко. Примечания составлены переводчиком и редактором перевода (он же автор вступления).

К.Л.

Джибрил¹, подчиняясь неизбежному, опустив тяжелые веки, погружается в грезы и видит, что он ангел, вот он проходит мимо своей любящей матери, у нее есть другое имя для него, Шайтан², она называет его, просто Шайтан, и только так, потому что он позабылся с едой, которую везли в город для второго завтрака конторским работникам, непослушный бесенок, она рассекает воздух рукой, шалун перекладывал мусульманские кушанья в индусские пищевые повозки: покупатели – в полной боевой готовности. Маленький чертенок, бранится она, но потом сжимает его в объятиях, мой маленький фаришта³, мальчишки – всегда мальчишки, и вслед за нею он падает в сон, в падении становясь все больше и больше, он чувствует, что падение – это полет, голос матери доносится до него издалека, детка, смотри, как ты подрос, огромный, уа-уа, аплодисменты. Гигантский, бескрылый, он стоит, упиравшись ногами в горизонт, обхватив руками солнце. В первых снах он видит начало начал, Шайтан низвержен с небес за то, что сорвал ветвь Высочайшего, дерева-лотоса из крайнего предела, что растет под Престолом; промах Шайтана, его тяжелое свинцовое падение, плюх. Но он остался жив, не был, не мог быть мертвым, пел из преисподней свои нежные чарующие стихи. О какие сладкие песни он умел петь. Со своими дочерьми, этими злыми подпевалами, да, вот они трое, Лат Манат Узза⁴, девочки без матери, смеются вместе со своим Абба, хихикают, зажав рот ладошками, над Джибрилом, ну и шуточку припасли мы для тебя, хихикают они, для тебя и для того торговца на горе. Но еще до появления торговца произошли другие истории, вот он, Архангел Джибрил дарит весну Замзама⁵ Хаджар Египтян-

1 Джибрил – в мусульманской мифологии один из четырех приближенных к Аллаху ангелов. Тождествен архангелу Гавриилу. По преданию, Джибрил по воле Аллаха явился Мохаммеду и передал текст Корана.

2 Шайтан – в мусульманской мифологии – дьявол. Тождествен еврейскому и христианскому Сатане. Изгнанный из рая за отказ поклониться Адаму и Еве, Шайтан проник туда опять и совратил их.

3 Фаришта – одно из названий ангелов в мусульманской мифологии, небожители, сотворенные Аллахом из света.

4 Лат, Манат, Узза – в древнеарабской мифологии три богини, иногда их называют сестрами, дочерьми Аллаха, иногда одну из них (чаще всего Лат) называют его женой и матерью двух других богинь. Лат, а точнее, ал-Лат, – богиня неба и дождя, иногда – Солнца; чаще она выступала как богиня планеты Венера, отождествлялась с греческой Афродитой. Манат – богиня судьбы и возмездия, а также богиня подземного царства и хранительница могильного покоя. Узза – тоже богиня планеты Венера. В Мекке в пантеоне племени курейшитов, из которого происходит Мохаммед, – верховная богиня.

5 Замзам – легендарный колодец, принадлежавший семье Мохаммеда.

ке¹, чтобы она, брошенная пророком Ибрахимом² вместе с их ребенком в пустыне, могла пить прохладную весеннюю воду и таким образом продолжать жить. А потом, когда Джурхум наполнил Замзам грязью и золотыми газелями, так что нельзя было им пользоваться долгое время, вот он опять показывает Замзам вон тому, Мотталибу³ из алых шатров, отцу мальчика с серебряными волосами, который родил, в свою очередь, торговца. Торговец: а вот и он.

Иногда, когда он спит, Джibriл начинает чувствовать, но это не сон, что он сам спит, что он сам видит во сне свое ощущение этого сновидения, и тогда начинается паника, о Господи, кричит он, о всеблагой Господь Аллах⁴, я получил свои проклятые деньги, я. У меня какие-то заскоки, совсем спятил, безумная мелодия и никудышная обезьяна. И он, торговец, чувствовал то же самое, когда в первый раз увидел архангела: подумал, что сошел с ума, хотел броситься вниз со скалы, со скалы, на которой росло чахлое дерево-лотос, скалы, упирающейся в крышу вселенной.

Он идет: поднимается на гору Конус⁵, в пещеру. С днем рождения: ему срок четыре нынче. И хотя город внизу перед ним толпится на празднике, вверх движется он, одинокий. У него нет новой одежды ко дню рождения, аккуратно выглаженной и сложенной в ногах кровати. Человек аскетических вкусов. (Странный торговец, не правда ли?)

Вопрос: Что есть противоположность веры?

Нет, не безверие. Слишком конечно, точно, замкнуто. Тоже своего рода вера. Сомнение.

Свойство людей. Ну, а что ангелы, пребывающие между Аллахом и человеком разумным, они когда-нибудь сомневались? Да, бывало: однажды они бросили вызов Божьей воле и, спрятавшись под Престолом, глухо бормотали из своего укрытия, осмелившись спрашивать запретное: антивопросы. Правда ли, что. Разве бесспорно, что. Свобода, самая античная. Он успокоил их, естественно, с его-то организационными способностями а la бог. Подольстил им: вы будете орудиями моей воли на земле, орудиями спасениепроклятия человека и так далее в том же духе. И гопля, конец возражениям, нимбы – на месте, давай за работу. Ангелов легко успокоить; преврати их в орудия, и они будут плясать под твою дудку. Человеческие существа – орешки покерпче, могут сомневаться в чем угодно, даже в том, что у них перед глазами. Что-у-них-за-глазами. В том, что, когда они опускают тяжелые веки, проступает за их зажмуренными глазенками... ангелы, что им с этой воли? Иметь волю – это не соглашаться, не подчиняться, отступничать.

¹ Хаджар – в мусульманской мифологии мать Исмаила, жена Ибрахима. Тожественна еврейской Агари. Предание о ней и ее сыне Исмаиле в общем повторяет книгу Бытия, хотя и существуют некоторые отличия: например, история о принесении сына в жертву Богу и отклонении этой жертвы связывается в арабской мифологии именно с Исмаилом, а не с Исааком. Когда изгнанная в пустыню Хаджар металась между двумя холмами аль-Сафа и аль-Марва в поисках воды, явился Джibriл и указал ей источник. Исмаил породнился с жившим в этой пустыне племенем джурхум. Он считается праотцом северных арабов.

² Ибрахим – в мусульманской мифологии пророк, отождествляющийся с еврейским Авраамом. Истинную «веру Ибрахима», искаженную иудаизмом и христианством, возродил Мохаммед.

³ Мотталиб – дед Мохаммеда. Отец Мохаммеда умер рано, поэтому ребенок рос сиротой на попечении родственников.

⁴ Аллах – в древнеарабской мифологии верховное божество; не считался покровителем какой-либо определенной этнической группы. В мусульманской мифологии – единый Бог, идентичный Богу евреев и христиан.

⁵ Гора Конус – по преданию, бдения Мохаммеда проходили на горе Хира, близ Мекки. Именно там ему явился Джibriл. У Рухди эта гора получила название «Конус», видимо, потому что она действительно имеет конусообразную форму, а возможно, и потому, что «домами Бога» (бетэль) в древнеарабском язычестве назывались, как правило, грубо обработанные камни пирамидальной или конической формы, скалы, деревья.

Я знаю; дьявольские речи. Шайтан прерывает Джибрила. Меня?

Торговец: выглядит, как надо, высокий лоб, орлиный нос, широк в плечах, узок в бедрах. Среднего роста, задумчив, его одежда – две одноцветные холстины, каждая по четыре локтя длиной, одна обмотана вокруг торса, другая наброшена на плечи. Большие глаза, длинные, как у девушки, ресницы. Может показаться, что шаги его широко несообразно длине его ног, но походка его легка. Сироты учатся быть движущимися мишенями, развивают быстрый шаг, мгновенную реакцию, осмотрительность прикуси-язык. Все дальше вверх сквозь заросли колючего кустарника и бальзамового дерева идет он, карабкаясь по камням, это крепкий мужчина, не то что какой-нибудь толстобрюхий ростовщик. Да, следует признать: странное занятие для делового парня забраться в эти дебри на гору Конус и торчать там целый месяц напролет, просто чтобы побыть одному.

Его имя: имя-сновидение, имя, искаженное воображением. Правильно произнесенное, оно означает тот-кому-должно-воздавать-благодарения, но здесь он не будет откликаться на него; и, хотя он прекрасно понимает, кем именно они называют его, не станет откликаться он на свое прозвище в Джахилье¹, там внизу – *тот-кто-ходит-вверх-вниз-по-старому-Конусу*. Он ни Магомет, ни Молоченый здесь, но он одобрил ярлык демона, что фаренги² нацепили ему на шею. Виги, тори, черные используют, дабы прославиться, все оскорбительные прозвища, которыми их презрительно наградили; подобно им наш взбирающийся-на-гору, пророк-отшельник, должен быть средневековым пугалом детей, синонимом Дьявола: Махунд.

Это он. Махунд-торговец, взбирающийся на свою раскаленную гору в Хиджазе. Город-мираж блестит на солнце перед ним.

Город Джахилья весь построен из песка, прямо в пустыне растут его дома. Это удивительное зрелище: стены, четверо ворот, – чудо, сотворенное жителями города, которые смогли обучиться в этих Богом забытых местах искусству превращения прекрасных белых песчаных барханов – материал ой какой непрочный – сгусток неоседлости, передвижения, вероломства, бесформенности – они превратили его с помощью колдовства в фабрику по производству рукотворной прочности. Всего лишь три или четыре поколения отделяют этих людей от прошлой кочевой жизни, когда они были неустойчивы, как барханы, и обладали лишь устойчивым убеждением в том, что кочевье это и есть дом.

– Впрочем, кочевник вполне может прожить без передвижения, это всего лишь неизбежное зло, смысл в том, чтобы приехать.

Не так давно эти расчетливые дельцы джахилийцы осели на месте-пересечении великих караванных путей и подчинили барханы своей воле. Теперь песок служит могущественным городским купцам. Превращенный в булыжники, он мостит узкие улочки Джахильи; по ночам золотое пламя вырывается из жаровен, где спекают песок. В окнах – стекла, в этих длинных щелевидных окнах, в бесконечно высоких песчаных стенах купеческих дворцов; по переулкам Джахильи повозки, влекомые осликами, катятся на своих гладких каменных колесах. Иногда, в минуты слабости, я мечтаю о появлении огромной волны, высокой стены пенистой воды, с ревом движущейся по пустыне, водяная катастрофа, разбросанные лодки и тонущее оружие, приливно-волна, которая превратит эти бессмысленные песчаные замки в ничто,

¹ Джахилья (араб.) – «мрак, невежество».

² Фаренги (араб.) – неверные.

обратно в песок, из которого они сделаны. Но здесь не бывает волн. Вода – враг Джахильи. Ее хранят в глиняных горшках, и ни одна капля не должна быть пролита (уголовный кодекс суров к преступникам), ведь каждая упавшая капля – сигнал возможного разрушения. Водовозы в Джахилье – ненавистная необходимость, отверженные, ими нельзя пренебрегать и, значит, их невозможно простить. В Джахилье никогда не бывает дождей; нет фонтанов в кремнистых садах. Несколько пальм растет в замкнутых внутренних дворах; их корни движутся вглубь и ширию под землей в поисках влаги. Воду в городе добывают из подземных источников и родников, один из них – легендарный Замзам, что в самом центре круглого песчаного города, рядом с Домом Черного Камня¹. Вон вблизи Замзама – ублюдок, презренный водовоз, что присматривает за животворящим, опасным источником. У него есть имя: Халид.

Город дельцов, Джахилья. Племя называется – *Шьярук*.

В этом городе торговец-ставший-пророком Махунд создает одну из великих мировых религий; сегодня, в день своего рождения, он переживает кризис. Вот какой-то голос шепчет ему на ухо: *Какую идею ты несешь в себе? Ты-человек-или-мышь?*

Нам знаком этот голос. Мы уже слышали его раньше.

В то время как Махунд взбирается на Конус, Джахилья празднует другую годовщину. В древние времена патриарх Ибрахим пришел в эту долину с Хаджар и Исмаилом, их сыном. Здесь в этой безводной пустыне он бросил ее. Она спросила его, неужели это воля Бога? Он ответил, что да. И ушел, подлец. С начала времен люди использовали Бога, чтобы узаконить незаконное. Мужчины говорят, пути его неисповедимы. И поэтому неудивительно, что женщины обращаются за помощью ко мне. – Но я буду говорить по существу; Хаджар не была ведьмой. Она была доверчива: *никогда Он не даст мне погибнуть*. После того, как Ибрахим оставил ее, она кормила ребенка грудью до тех пор, пока у нее не кончилось молоко. Потом она взбиралась на два холма, сначала на Сафа, затем на Марви, бегала от одного к другому в отчаянии, пытаясь найти тенистое место, верблюда, живое существо. Она ничего не нашла. Именно тогда ей явился он, Джibrил, и показал ей воды Замзама. Так Хаджар выжила; но почему именно в это время в город стекаются паломники? Чтобы восславить то, что она осталась жива? О нет, нет. Они славят появление в этой долине, вы уже догадались кого, Ибрахима. Во славу этого нежного супруга они собираются, молятся и, конечно же, порядочно опустошают свои кошельки.

Сегодня Джахилья благоухает. Запахи Аравии, *Agabia Odorifera*, разносятся в воздухе: бальзам, кассия, корица, ладан, миррис. Паломники пьют пальмовое вино, бродят по огромной ярмарке на празднике Ибрахима. И среди них бродит один, чей мрачный вид выделяет его среди жизнерадостной толпы: высокий человек в свободном белом одеянии, он был бы на целую голову выше Махунда. Его борода плотно облегает лицо с высоким скошенным лбом. Его походка ритмична, в ней неумолимая элегантность власти. Как его зовут? – В конце концов, воображение воспроизводит его имя; оно тоже искажено сновидением. Вот он Карим Абу Симбел, Вельможа Джахильи, муж жестокой, прекрасной Хинд. Глава правящего совета города, обладатель несметных сокровищ, владелец прибыльных храмов у городских ворот, богатый верблюдами, управляющий караванами, жена его – первейшая красавица в мире: что может нарушить покой такого человека? Но и у него, Абу Симбела, наступает кризис. Одно имя засело у него в голове, вы догадываетесь какое, Махунд Махунд Махунд.

1

Черный Камень – величайшая и древнейшая святыня в Мекке, вокруг него, по преданию, Ибрахимом и Исмаилом построена Кааба, храм кубической формы. На самом деле «камень» – железный метеорит.

О великолепии рыночной площади Джахилья! Здесь в просторных благоухающих шатрах изобилие пряностей, александрийского листа, душистого дерева; здесь можно найти торговцев благовониями, ведущих борьбу за носы паломников, а также за их кошельки. Абу Симбел прокладывает себе дорогу сквозь толпу. Купцы, иудеи, монофизиты, набатейцы, покупают и продают золотые и серебряные слитки, взвешивают их, проверяют монеты на зуб. Здесь лен из Египта и шелк из Китая; из Басры – оружие и зерно. Здесь играют в азартные игры, пьют и танцуют. Здесь рабы на продажу, нубийцы, анатолийцы, эфиопы. Четыре клана племени Шьярук разделили ярмарку на зоны влияния: благовония и пряности – в Алых Шатрах, а ткани и кожа – в Черных Шатрах. Группировка Среброволосых ведаёт драгоценными металлами и оружием. Развлечения – кости, танцы живота, гашиш – исключительное право четвертой четверти племени, владельцев Пятнистых Верблюдов, которые также торгуют рабами. Абу Симбел заглядывает в шатер для танцев. Паломники сидят, зажав в левой руке свои кошельки; время от времени монета перемещается из кошелька в ладонь правой руки. Танцовщицы трясутся и потеют, взор их прикован к пальцам паломников. Когда прекращается движение монет, танец останавливается. Большой человек кривится и отпускает полог шатра.

Джахилья была построена в виде нескольких неровных кругов, дома ее высились вокруг Дома Черного Камня, удаляясь от него в зависимости от богатства и знатности владельцев. Дворец Абу Симбела находится в первом круге, в самом узком кольце; сейчас его хозяин движется вниз по извилистой, продуваемой ветром лучевой улице, мимо многочисленных городских ясновидящих, которые за хорошую плату пищат, воркуют, шипят, одержимые попеременно джиннами¹ птиц, зверей, змей. Какая-то колдунья, не поднимая взгляда, сидит на корточках у него на пути: «Хочешь ли завладеть сердцем девушки, мой дорогой? Хочешь одолеть своего врага? Проверь меня, проверь мои узелочки.» И она поднимается, призывно покачивая узловатым плетем, ловушка для людей, – но, заметив в этот момент, с кем она имеет дело, опускает разочарованно руку и, бормоча, ускользает в песок.

Везде – шум и толкотня. Поэты стоят на ящиках и декламируют стихи, а паломники кидают монеты к их ногам. Некоторые барды читают стихи-раджазы, их четырехсложный метр навеян, согласно легенде, размеренным шагом верблюда, другие произносят касыды², стихи о непостоянных любовниках, приключениях в пустыне, охоте на онагра. Примерно через день начнется ежегодное поэтическое состязание, после которого семь лучших стихотворений развесят на стенах Дома Черного Камня. Поэты держат себя в хорошей форме в ожидании великого дня; Абу Симбел смеется над стихотворцами, распеваящими злобные сатиры, ядовитые вирши, заказанные одним вождем против другого, одним племенем против соседнего. Он приветственно кивает, когда один из поэтов поспешает за ним, стараясь попасть в ногу, ловкий худой юноша с пальцами безумца. У этого молодого памфлетиста самый опасный язык во всей Джахилье, но к Абу Симбелу он всегда проявляет почтение. «Чем так обеспокоен Вельможа? Если бы у тебя не выпадали волосы, я бы посоветовал распустить их». Абу Симбел криво ухмыляется. «Такая репутация, – задумчиво произносит он, – Такая слава, а у тебя даже не выпали молочные зубы. Поостерегись, а то придется их тебе повыдергивать». Он дразнит, говорит сдержанно, но даже эта сдержанность таит в себе угрозу, такой неизмеримой властью он обладает. Юноша не тушует. Следуя по пятам за Абу Симбелом, он отвечает: «На месте каждого, что вы выдернете, вырастет более крепкий, что кусает глубже, что пускает жарче потоки

¹ Джинны – в Исламе добрые или злые духи, населяющие землю, способные принимать различный вид и обладающие сверхъестественной силой.

² Касыда – арабская стихотворная форма.

крови». Вельможа рассеянно кивает. «Тебе нравится вкус крови», – говорит он. Юноша пожимает плечами. «Ремесло поэта», – отвечает. «Называть неназываемое, указывать на мошенничество, заступаться за кого-нибудь, спорить, встряхивать мир, не давать ему погрузиться в спячку». И если реки крови польются из ран, что нанесли его стихи, они будут питать его. Он с юмором, этот Баал.

Занавешенный паланкин проплывает мимо; какая-то изящная горожанка смотрит на ярмарку, несомая восьмью рабами-анатолийцами. Абу Симбел берет молодого Баала за локоть, словно хочет увести его с дороги; шепчет: «Я надеялся встретить тебя, если хочешь, могу поклясться». Баал восхищается умением Вельможи заставлять свою добычу думать, будто это она поймала охотника. Хватка Абу Симбела – все крепче; за локоть он ведет своего собеседника к святой святым, что в центре города.

«У меня поручение для тебя, – говорит Вельможа. – Литературное дельце. Свои собственные скромные возможности я правильно оцениваю; искусство зарифмованной прозы, стихотворной клеветы мне неподвластно. Словом, ты понимаешь.»

Но Баал, гордый, заносчивый парень, становится чопорным, преисполнен чувства собственного достоинства. «Не подобает художнику становиться слугой власти». Симбел понижает голос, полный вкрадчивости. «О да, тогда как работать по заказу убийц – дело, достойное уважения». Культ мертвых свирепствует в Джахилье. Когда кто-нибудь умирает, профессиональные плакальщицы бьют себя, царапают грудь, рвут волосы. Покалеченного верблюда оставляют умирать на могиле. Если это убийство, ближайший родственник принимает обет воздержания и преследует убийцу до тех пор, пока кровь не будет смыта кровью; после этого традиция велит сочинить стихотворение по случаю торжества, но сами мстители редко бывают способны к стихосложению. Многие поэты зарабатывают себе на жизнь сочинительством этих песен об убийствах, и существует общепринятое мнение о том, что лучший из этих кровь воспеваящих стихотворцев – не по годам развитой спорщик, Баал. И сейчас профессиональная гордость защищает его от насмешек Вельможи. «Это благородное дело», – отвечает он. Голос Абу Симбела все мягче и вкрадчивей. «Может быть, может быть, – шепчет он, остановившись возле ворот Дома Черного Камня, – но, Баал, подумай: разве я не имею хоть каких-то прав на тебя? Оба мы служим, во всяком случае я так думал, одной и той же госпоже».

И Баал бледнеет; его самонадеянность лопаается, опадает, как шелуха. Вельможа, словно не заметив перемены, увлекает сатирика внутрь Дома.

В Джахилье говорят, что эта долина – пуп земли; что планета, в момент творения, вращалась вокруг этой точки. Адам пришел сюда и увидел чудо: на четырех изумрудных колоннах высился в небесах громадный сверкающий рубин, и под его сенью – огромный белый камень, источающий особый свет, видение его души. Он построил крепкие стены вокруг своего видения, чтобы навеки оставить его на земле. Это был первый Дом. Его рестраивали много раз – однажды это сделал Ибрахим после того, как Хаджар и Исмаил выжили с помощью ангела, – и постепенно на протяжении веков бесчисленные прикосновения паломников превратили камень из белого в черный. А потом наступило время идолов; во времена Махунда триста шестьдесят каменных богов толпились вокруг камня, принадлежащего Богу.

Что бы подумал старина Адам? Даже его собственные дети стоят здесь: колосс Хубал¹, присланный амаликитянами из Хита, возвышается над колодцем сокровищницы, Хубал-пастух, нарождающаяся луна; а вон мрачный, таящий опасность Каин. Он – убывающий полумесяц, кузнец и музыкант; и у него здесь есть свои ревнители.

¹ Хубал – в древнеарабской мифологии бог-покровитель, бог небес или Луны, одно из верховных божеств в мекканской Каабе. Изображался в образе человека: каменная статуя с золотой правой рукой.

Хубал и Каин смотрят вниз на Вельможу и поэта, что неспешно идут мимо. И набатейский прото-Дионис, Тот-из-Шары¹, и утренняя звезда Астарта², и сатурнический бог Накрах³. Вот солнечный бог, Манаф!⁴ Смотри, вон колыхнется огромный Наср⁵, бог в виде орла! Видишь Кузаха⁶, что держит раду-гу... разве это не наплыв богов, каменный поток, способный насытить адский голод паломников, утолить их нечестивую жажду. Божества, приманка для путешественников, стекаются сюда – как и паломники – со всего света. Идолы – такие же участники этой своего рода международной ярмарки.

Здесь есть бог, называемый Аллахом (что значит просто бог). Спросите жителей Джахильи, и они подтвердят, что этот тип наделен чем-то вроде абсолютной власти, но он не особенно популярен; многоборец в эпоху истуканов-специалистов.

Абу Симбел и снова вспотевший Баал приблизились к трем выстроившимся один за другим алтарям наиболее почитаемых в Джахилье богинь. Они склоняются перед каждой: Узза со смеющимся лицом, богиня красоты и любви; темная неясная Манат, ее лицо отведено в сторону, ее цели загадочны, песок сыплется сквозь ее пальцы – она хранительница судьбы – она Рок; и наконец – величайшая из трех, которую греки называли Лато. Илат, называют ее здесь, или, по-дружески, Ал-Лат. *Богиня*. Даже имя противопоставляет ее Аллаху и уравнивает с ним. Лат всесильна. Внезапно восторг озаряет лицо Баала, он падает ниц и простирается перед ней. Абу Симбел недвижим.

Семья Вельможи, Абу Симбела – а, точнее, жены его Хинд – опекает знаменитый храм Лат, что у южных городских ворот. (Они также получают доходы от Храма Манат у восточных ворот и от храма Уззы у северных.) Эти поступления составляют основу богатства Вельможи, и поэтому, Баал хорошо это понимает, он служителю Лат. А стойкая приверженность сатирика этой богине широко известна в Джахилье. Именно это имелось в виду! Дрожа в экстазе, Баал лежит распростертый, воздавая благодарение своей Покровительнице. Она смотрит на него милостиво; но нельзя доверять выражению лица богини. Баал сделал серьезную ошибку.

Вдруг Вельможа бьет поэта ногой по почке. Получив удар в тот момент, когда ему казалось, что он под надежной защитой, Баал вопит, ползет к выходу, а Абу Симбел идет следом, продолжая бить его. Слышно, как трещит ребро. «Карлик, – роняет Вельможа, голос его по-прежнему низкий и добродушный. – Визгливый сводник с малюсенькими яйцами. Неужели ты думал, что хозяин храма Лат будет якшаться с тобою только из-за твоей юношеской страсти к ней?» И снова удары, размеренно, методично. Баал скулит у ног Абу Симбела. Дом Черного Камня полон людьми, но кто посмеет вмешаться, если Вельможа в ярости. Внезапно мучитель Баала приседает на корточки, хватая поэта за волосы, задирает вверх голову, шепчет ему на ухо: «Баал, я имел в виду не богиню», и Баал воет, полон отвратительной жало-

¹ Тот-из-Шары – по-видимому, имеется в виду Думара, верховное божество в пантеоне Набатеи. Это имя представляет собой арамеизированное арабское «зу-Шара», что означает «владелец Шары» (Шара – вероятно, название окрестностей Петры, столицы Набатеи). Думара отождествлялся с Зевсом, Аресом, Дионисом; очевидно, был умирающим и воскресающим богом.

² Астарта – в западно-семитской мифологии богиня любви и плодородия, богиня-воительница; олицетворение планеты Венера. Ее культ был широко распространен в древнесемитском мире. Она принимала активное участие в борьбе богов, в частности, в борьбе с богом Иамму. В эллинистический период отождествлялась с Афродитой и Юноной.

³ Накрах – в йеменской мифологии солнечное божество.

⁴ Манаф – в древнеарабской мифологии божество, отождествляемое с Зевсом.

⁵ Наср – в йеменской мифологии божество, представляемое в виде орла.

⁶ Кузах (Quzah) – какой именно бог имеется в виду, выяснить не удалось.

сти к самому себе, потому что он знает, что его жизнь на волоске сейчас, именно сейчас, когда он столько должен был совершить, бедняга. Губы Вельможи почти касаются его уха. «Дерьмо трусливого верблюда, – выдыхает Абу Симбел, – я знаю, ты дерешь мою жену». Он с любопытством наблюдает, как у Баала начинается заметная эрекция, забавный памятник его страху.

Абу Симбел, Вельможа-рогоносец, поднимается, приказывает: «Встать», и Баал, сбитый с толку, идет за ним.

Могилы Исмаила и матери его Хаджар Египтянки находятся у северо-западной стены Дома Черного Камня, обнесенные низкой стеной. Абу Симбел приближается к этому месту, останавливается невдалеке. За ограждением – небольшая группа людей. Вот водовоз Халид, какой-то бродяга из Персии с заморским именем Салман, дополняет эту троицу голодранцев раб Билал, выкупленный Махундом, огромное чудовище, с голосом, вполне соответствующим его размеру. Эти три бездельника сидят на ограде. «Сборище подонков, – говорит Абу Симбел. – Видишь, они твоя мишень. Напиши о них; и об их вожде тоже». Баал, несмотря на то, что он очень напуган, не может скрыть своего недоумения. «Вельможа, эти недоумки – это дерьмовые шуты. Как ты можешь переживать из-за них? Ты что, думаешь, что единый Бог Махунда разорит твои храмы? Три-шестьдесят¹ против одного, и один победит? Так не бывает». Он давится от смеха почти в истерике. Абу Симбел спокоен. «Побереги свои оскорбления для стихов». Но Баал уже не может остановиться. «Революция водовозов, иностранцев и рабов... уа-а-а, Вельможа. Мне так страшно» Абу Симбел внимательно смотрит на трясущегося от смеха поэта. «Да, – отвечает он, – это правильно, ты должен бояться. Пожалуйста, начинай писать, и я надеюсь, что эти стихи будут настоящим шедевром». Баал переминается, хнычет. «Но это лишь пустая трата моего, моего маленького таланта...» Он понимает, что сказал слишком много.

«Делай, как тебе сказали, – таковы последние слова Абу Симбела. – У тебя нет выбора».

Вельможа возлежит в своей спальне, а наложницы старательно прислуживаются ему. Кокосовое масло для его редеющих волос, вино для его чувствительного неба, нежные языки для удовольствия. *Мальчик был прав. Почему я боюсь Махунда?* Он начинает лениво считать наложниц, сбивается на пятнадцать, махнув рукой. *Мальчик. Хинд и дальше будет видеться с ним, очевидно; разве он может противиться ее воле?* Это его слабость, он знает, что слишком много видит, слишком много терпит. У него есть свои влечения, почему бы ей не иметь своих? До тех пор, пока она благоразумна; и до тех пор пока он знает. Он должен знать; знание – его наркотик, дурная привычка. Он не выносит того, чего не знает, и именно по этой причине, а может быть – и по другой. Махунд – его враг, Махунд со своей шайкой-лейкой, мальчик был прав, когда смеялся. Он, Вельможа, смеется не так легко. Как и его противник, он осторожный человек, он не совершает необдуманных поступков. В его памяти всплывает тот огромный раб Билал: его хозяин попросил его, рядом с храмом Лат, перечислить богов. «Один», – ответил он оглушающим, зычным голосом. За такое богохульство наказание – смерть. Его растянули на рыночной площади, положили ему на грудь громадный камень. *Сколько, ты сказал?* Один, повторил он, один. Второй камень добавили к первому. *Один один один.* Махунд хорошо заплатил и выкупил его.

Нет, размышляет Абу Симбел, мальчик был неправ, эти люди заслуживают нашего внимания. Почему я боюсь Махунда? Вот почему: один один один, его ужасающая неповторимость. В то время как я всегда разделен, то два, то три, то пятнадцать. Впрочем, я даже могу понять его; он богат и пре-

успевает не хуже любого из нас, членов совета, но так как ему не хватает крепких родственных связей, мы не предложили ему места среди нас. Сирота, отторгнутый купеческой элитой, он чувствует себя обманутым, обделенным. Он всегда был заносчивым парнем. Заносчивым, но и одиноким. Разве можно добраться до самой вершины горы без чьей-либо помощи. Ну, если только встретишь ангела... да, вот в чем дело. Теперь я знаю, что он затевает. Хотя он, наверное, не понял бы меня. *Какую идею я в себе несу?* Я подчиняю. Я правлю. Я подсчитываю прибыль, ставлю свои паруса, умело манипулирую, продолжаю жить. И поэтому я не хочу обвинять Хинд в прелюбодеянии. Мы хорошая пара, лед и огонь. Ее семейный герб, мифический красный лев, зубастое чудовище с телом льва, хвостом скорпиона и головой человека. Пусть она наиграется со своим сатириком; между нами никогда не было секса. Я прикончу его, когда она покончит с ним. Это великое заблуждение, думает Вельможа Джахилья, уплывая по течению сна: будто перо могущественней, чем меч.

Богатство города Джахилья основано на превосходстве песка над водой. В старые времена считалось безопасней перевозить товары по пустыне, чем по морю, где в любой момент может налететь муссон. В те времена, когда еще не существовало метеорологии, такие явления было трудно предсказать. И поэтому караван-сарай процветали. Товары со всего мира приходили из Зафара в Шебу¹ и оттуда в Джахилью и оазис Ясриб² и дальше в Мидиан³, где жил Моисей; оттуда в Акабу и Египет. Из Джахилья шли другие караваны: на восток и северо-восток, в Месопотамию и великую Персидскую империю. В Петру и в Пальмиру, где однажды Соломон любил царицу Шеба. Это были сытные времена. Но теперь судов, бороздящих воды вокруг полуострова, стало больше, их команды стали более искусными, навигационные инструменты – более точными. Корабль пустыни и морской корабль, кто возьмет верх в этом давнем соперничестве? Правители Джахилья беспокоятся, но ничего не могут поделать. Порой Абу Симбелу кажется, что только обилие паломников спасает город от запустения. Со всего мира совет собирает разноплеменных идолов, дабы заманить все новых и новых паломников в город песка; но и в этом деле у них появились соперники. На юге в Шебе был построен величественный храм, обитель, способная конкурировать с Домом Черного Камня. Юг переманил многих паломников, их количество на джахильских ярмарках уменьшается.

По совету Абу Симбела правители Джахилья добавили в религиозные обряды немного щекочущего нервы богохульства. Город прославился распущенностью, своими игорными домами, борделями, обилием похабных песен и дикой, оглушительной музыкой. Некоторые жители иногда заходят слишком далеко в своей жадности до денег паломников. Привратники Дома стали вымогать взятки с утомленных странников; как-то четверо привратников разозлились, получив лишь жалкие гроши, и столкнули двух путешественников вниз по широким, крутым пролетам лестницы навстречу смерти. Этот случай обернулся неприятными последствиями, отбив у паломников охоту возвращаться в город... Сегодня женщин-паломниц часто похищают и требуют за них выкуп или продают в наложницы. Банды молодых шьяруков распоряжаются в городе, над ними не властен никакой закон, кроме их собственного. Поговаривают, что Абу Симбел тайно встречается с главарями банд и на-

¹ Или Саба, в русской традиции – царство Савское, было расположено на территории древнего Йемена.

² Позднее – Медина.

³ В синодальном переводе Библии – «земля Мадьямская» (Исх. 2.15).

правляет их действия. И в этот мир Махунд принес свое откровение: един един. Среди всего этого разнообразия это слово звучит опасно.

Вельможа садится, и наложницы со своими маслами и благовониями мгновенно приближаются к нему. Он велит им удалиться, хлопает в ладоши. Входит евнух. «Пошли гонца в дом кахина¹ Махунда», – приказывает Абу Симбел. *Мы устроим ему небольшую проверку. Ярмарочное состязание: трое против одного.*

Водовоз иноземец раб: три ученика Махунда моются у колодца Замзам. В городе песка их одержимость водой пугает. Омовение, всегда омовение; ноги до колен, руки до локтей, голова до шеи. Сухой торс, влажные конечности, мокрая голова, как странно они смотрятся! Брызги, плеск, моясь и молясь. На коленях, окуная руки, ноги, головы обратно во вездесущий песок, и затем опять круг воды и молитвы. Они – легкодоступные мишени для пера Баала, их любовь к воде – что-то вроде тяжкого преступления; жители Джахильи признают всеислие песка. Он налипает у них между пальцами ног и рук, из-за него спекаются их плетки и волосы: приди, песок, умой нас своей сухостью. Таковы жители Джахильи, от самого знатного гражданина до последнего из последних. Это люди кремня, но среди них появились любители воды.

Баал кружит возле них, опасно держась поодаль – с Билалом шутки плохи, – и пронзительно выкрикивает свои насмешки. «Если мысли Махунда что-нибудь стоят, почему они популярны только среди такого отребья, как вы, а?» Салман останавливает Билала: «Мы можем гордиться тем, что могущественный Баал выбрал нас для своих нападков», – улыбается он, и Билал успокаивается, стихает. Халид-водовоз взвинчен, и заприметив вдалеке тяжелую фигуру Хамзы, дяди Махунда, он бежит ему навстречу, сгорая от нетерпения. Шестидесятилетний Хамза по-прежнему сохраняет за собой славу лучшего в городе борца и охотника на львов. Однако истина не так возвышенна, как хвалебные речи: Хамзу не раз побеждали в схватке, лишь с помощью друзей или из-за счастливого стечения обстоятельств он спасался от челюстей льва. У него хватало денег на то, чтобы эти случайности не приобретали широкой огласки. Возраст и способность выходить сухим из воды придают вес легенде о его храбрости. Билал и Салман, забыв о Баале, следуют за Халидом. Нервные, молодые.

Его все еще нет дома, сообщает Хамза. И Халид, обеспокоенный: Но прошло несколько часов, что с ним делает этот подлец, пытка, тиски, плети? Салман, как всегда, самый спокойный: это не в его стиле, тут какой-то подвох, будем надеяться. И Билал преданно ревет: Подвох или нет, я верю в Пророка. Его не сломить. Хамза его мягко упрекает: О Билал, сколько раз он должен говорить тебе? Побереги свою веру для Бога. Проповедник – лишь человек. Халид взрывается; он кидается к старому Хамзе, кричит: Ты хочешь сказать, что Проповедник слаб? Хотя ты, может быть, и его дядя... Хамза отпускает водовозу увесистую оплеуху. Не показывай ему свой страх, говорит он, даже если ты напуган до полусмерти.

Они омываются еще раз уже вчетвером, когда появляется Махунд; все они сгрудились вокруг него, кто-то почему. Хамза стоит поодаль. «Племянник, тут что-то не так, – по-солдатски рывкает он. – Когда ты спускался с Конуса, от тебя шел свет. А сегодня – тьма».

Махунд садится на край стены и усмехается. «Мне предложили сделку». Абу Симбел? Халид кричит. *Не о чем думать. Откажись.* Преданный Билал увещевает его: Не указывай Проповеднику. Конечно же, он отказался. Салман Перс спрашивает: Какое дело. Махунд снова улыбается. «Наконец-то хоть один поинтересовался».

«Это небольшое дельце, – опять начинает он. – Как песчинка. Абу Симбел просит Аллаха проявить к нему благосклонность». Хамза замечает, как он измучен. Как будто боролся с дьяволом. Водовоз кричит: «Нет! Ни капли!» Хамза одергивает его.

«Если наш великий Бог сможет в своем сердце допустить, – он употребил именно это слово, *допустить*, – что трое, только трое из трехсот и шестидесяти идолов достойны почитания...»

«Нет бога кроме Бога!» – орет Билал. И его товарищи подхватывают: «Аллаха!» Махунд смотрит сердито. «Будут ли верные слушать Проповедника?» Они умолкли, переминаясь с ноги на ногу в пыли.

«Он просит Аллаха одобрить Лат, Манат и Уззу. Взамен он гарантирует, что к нам будут терпимо относиться и даже официально признают; в подтверждение этому, я буду избран в совет Джахильи. Вот что он предлагает».

Салман Перс говорит: «Это ловушка. Если ты поднимешься на Конус и спустишься с такой Вестью, он спросит, как ты сумел заставить Джибрила послать тебе именно это откровение. Для него это возможность обвинить тебя в шарлатанстве, мошенничестве». Махунд качает головой. «Ты знаешь, Салман, я научился *слушать*. Это необыкновенное *слушание*, своего рода спрашивание. Иногда, когда Джибрил является ко мне, он словно уже знает, что у меня в сердце. Очень часто мне кажется, что он выходит изнутри моего сердца: из самых-самых глубин, из моей души».

«Или тут какая-то другая ловушка, – не унимается Салман. – Как долго повторяли мы наизусть символ веры, что ты принес нам? Нет бога кроме Бога. Кто мы, отказавшись от этого? Это ослабит нас, лишит нас смысла. Мы уже не опасны. Никто не станет принимать нас всерьез».

Махунд смеется, искренне развеселившись. «Ты, наверное, давно не бывал в наших краях, – мягко говорит он. – Ты разве не заметил? Люди не воспринимают нас всерьез. В крайнем случае человек пятьдесят прислушиваются к тому, что я говорю, и то половина из них приезжие. Ты что, не читаешь памфлеты, что Баал развешивает по всему городу?» Декламирует наизусть:

Эй, проповедник, пожалуйста,
обрати внимание. Твоя монофилия,
един един един, не для Джахильи.
Верни ее пославшему.

«Они повсюду издеваются над нами, а ты называешь нас опасными», – прокричал он.

Теперь беспокоится Хамза. «Тебя их мнения раньше никогда не беспокоили. Почему сейчас? Почему после разговора с Симбелом?»

Махунд качает головой. «Иногда я думаю, что людям нужна вера попроще».

Тревожная тишина воцаряется среди учеников, они переглядываются, переминаясь с ноги на ногу. Махунд снова кричит. «Вы же все знаете, что произошло. Мы не сумели их обратить. Люди не откажутся от своих богов. Не откажутся, нет». Вот он встает, идет широким шагом к воде, оmyвается в одиночестве у дальней стороны колодца Замзам, преклоняет колени в молитве.

«Люди погружены во тьму, – говорит Билал с несчастным видом. – Но они прозреют. Они услышат. Бог един». Страдание переполняет всех четверых; даже Хамза подавлен. Махунд поколеблен и его последователи трепещут.

Он встает, кланяется, сложив ладони, огибает колодец и присоединяется к ним. «Послушайте меня, все, – говорит он, одной рукой обхватив за плечи Билала, а другой своего дядю. – Послушайте: это интересное предложение».

Необнятый Халид горестно прерывает: «Это *искус*». Все остальные смотрят в ужасе. Хамза очень мягко говорит водовозу. «Не ты ли, Халид, только что

хотел драться со мной, ошибочно решив, что, назвав Проповедника человеком, я называю его слабовольным? А что теперь? Теперь моя очередь вызвать тебя на бой?»

Махунд взывает к миру. «Если мы будем ссориться, то все безнадежно». Он старается возвысить беседу до теологического уровня. Нет и речи о том, чтобы Аллах принял их как равных себе. Даже Лат. Они лишь обретут что-то вроде промежуточного, низшего положения».

«Как демоны», – восклицает Билал.

«Нет, – рассуждает Салман Перс. – Как архангелы. Вельможа умный человек».

«Ангелы и дьяволы, – говорит Махунд. – Шайтан и Джибрил». Все мы признаем их существование, они пребывают между Богом и человеком. Абу Симбел лишь просит нас подтвердить, что эти трое принадлежат к этой великой компании. Только три, и он подчеркивает, все души Джахильи будут наши».

«И Дом будет очищен от идолов?» – спрашивает Салман. «Это не было обговорено», – отвечает Махунд. «Все это придумано с целью уничтожить тебя». И Билал добавляет: «Бог не может быть четырьмя». И Халид, чуть не плача: «Проповедник, что ты говоришь? Лат, Манат, Узза – они же женщины! Во имя всего святого! У нас что, теперь будут богини? Все эти древние журавли, цапли, ведьмы?»

Страдание, напряжение, усталость, отражаются на лице Пророка. Которое Хамза, как солдат на поле боя, утешая раненого друга, берет в ладони. «Мы не можем решить это за тебя, племянник. Взирайся на гору. Пойди спроси Джибрила».

Джибрил: сновидец, иногда он – оператор, иногда – зритель. Когда он оператор, его камера все время в движении, он терпеть не может статических кадров и поэтому парит в вышине и с высоты своей установки смотрит вниз на вырисовывающиеся в перспективе фигуры актеров или он устремляется вниз и, оставаясь невидимым среди них, медленно вращается на пяте, поворачиваясь на триста шестьдесят градусов; может быть, он попытается сделать простенький кадр, следуя за Баалом и Абу Симбелом во время их прогулки, или, держа в руках переносную камеру, проникает в альковные тайны Вельможи. Но, как правило, он сидит на горе Конус с видом богатого покупателя в магазине готового платья, и Джахилья перед ним, как серебряный экран. Он следит за развитием событий и оценивает их, как любой любитель кино, наслаждается драками, изменениями, душевными кризисами, но для настоящего хита здесь недостаточно девочек и где же, черт побери, песенки? Им бы поставить ярмарочный спектакль в шоу-шатре, в главной роли Пимпл Биллиморья, вихляющая своими знаменитыми бедрами.

И вдруг, без предупреждения, Хамза говорит Махунду: «Пойди спроси Джибрила», и этот сновидец чувствует, как сердце его забило в тревоге, кого, меня? Здесь думают, что я знаю ответы? Я здесь сижу смотрю эту картину, а теперь этот актер тычет в меня пальцем, видано ли такое – просить проклятого зрителя придумать что-нибудь «теологическое», чтобы этот проклятый сюжет развивался? – Но сон идет дальше, формы меняются, и он, Джибрил, теперь не просто зритель, но и главный герой, звезда. Это его давняя слабость – исполнять слишком много ролей: да, да, он играет роль не только архангела, но и того торговца, Проповедника, Махунда, идущего на гору, когда и он идет. Необходим отличный монтаж для успешного исполнения этой двойной роли, вдвоем они никогда не появляются в одном кадре, каждому приходится говорить в пустоту, беседовать с призрачным образом другого, и доверяться технике для создания отсутствующего образа при помощи ножниц и скотча или, более экзотическим способом, посредством блуждающей маски. Не путать ха-ха с каким-нибудь ковром-самолетом.

Он понял, что он боится того, другого, торговца, ну разве это не безумие? Архангел, трепещущий перед смертным человеком. Это правда, но: немного страшно, ты впервые на съемочной площадке, и скоро выйдет живая легенда кинематографа; ты думаешь, я опозорюсь, я срежусь, я провалюсь, тебе безумно хочется что-то *значить*. Тебя увлечет поток его гения, рядом с ним ты будешь прекрасно смотреться, как птица высокого полета, но ты увидишь, что если ты не выполнишь честно свою долю работы и даже хуже, он будет... Страх Джibriла, страх перед самим собою, каким он создал себя во сне, заставляет его сопротивляться приходу Махунда, начинать и откладывать, но вот он уже идет, будь спок, и архангел затаивает дыхание.

Сны, сны о том, как тебя выталкивают на сцену, а тебе абсолютно нечего там делать, ты не знаешь пьесы не выучил роль, но зал полон и смотрит, смотрит: примерно так себя чувствуешь. Или эта истинная история о той белокожей актрисе, что исполняет роль шекспировской черной женщины. Она вышла на сцену и тут поняла, что ее очки у нее на носу, ой, ведь она забыла загримировать руки, поэтому она не может снять очки, ой вдвойне: да, и это тоже. *Махунд идет ко мне за откровением, просит меня выбрать между монотеизмом и генотеизмом,¹ а я всего лишь дурацкий актер, у которого кошмар от гашиша, какого х... я должен знать, да-а, что тебе сказать, помогите. Помогите.*

Дабы достичь горы Конус, нужно идти через темные лощины, где песок не белого цвета, это не чистый песок, давно профильтрованный массой морских огурцов, но черный и мрачный, сосущий свет из солнца. Конус наклоняется к тебе, как сказочный зверь. Ты поднимаешься по его хребту. Оставляя позади последние деревья, белоцветущие с густой, молочной листвой, ты пробираешься среди валунов, которые становятся все больше по мере подъема, наконец они кажутся громадными стенами, заслоняющими солнце. Ящерицы голубые, как тени. И вот ты на вершине, Джахилья позади, ровная пустыня перед тобой. Ты спускаешься по склону и, пройдя полтора метра, подходишь к пещере, которая достаточно велика, чтобы стоять в ней во весь рост, и пол которой покрыт удивительным бесцветным песком. Когда ты лезешь, ты слышишь, как пустынные голуби произносят твое имя, и скалы тоже приветствуют тебя на твоем собственном языке, *Махунд, Махунд*. Когда ты достиг пещеры, ты чувствуешь усталость, ты ложишься, ты засыпаешь.

Но отдохнув, он погружается в другую фазу сна, фазу не-сна, состояние, которое он называет своим *слушанием*, и он чувствует давящую боль в животе, как будто что-то хочет родиться, и теперь Джibriл, который раньше был парящим-в-небе-смотрящим-вниз, чувствует смятение, *кто я*, в такие минуты начинает казаться, что архангел действительно *внутри Пророка*, я давящая боль в животе, я ангел, выдавливаемый из пупка спящего, я появляюсь, Джibriл Фаришта, в то время как мое другое я, Махунд, лежит *слушая*, в оцепенении, я привязан к нему, пуповина к пуповине, сияющим шнурком света, невозможно сказать, кто из нас видит во сне другого. Мы свободно перетекаем в обоих направлениях по пуповине.

Сегодня Джibriл чувствует не только растущее напряжение Махунда, но и его отчаяние: его сомнение. Опять ему что-то очень нужно, но Джibriл все еще не понимает своей роли... он слушает слушающего-который-также-и-спрашивающий. Махунд *спрашивает*: Им показали чудеса, но они не поверили. Они

¹ Генотеизм – форма политеизма, признающая многих богов и выделяющая среди них главного, вокруг которого сосредоточен религиозный культ.

увидели тебя, идущего ко мне, на виду всего города, и открывающего мою грудь, они увидели, как ты моешь мое сердце в водах Замзама и кладешь его обратно внутрь моего тела. Многие из них видели это, но они все еще поклоняются истуканам. И когда ты пришел ночью и унес меня в Иерусалим, и я парил над городом, разве, вернувшись, я не рассказал им в точности, каков он, все в точности до последней детали? И не могло быть никаких сомнений в том, что это чудо, и все же они вернулись к Лат. Разве я уже не сделал все, что мог, чтобы им было проще? Когда ты отвез меня прямо к Престолу, Аллах возложил на правоверного тяжелое бремя – сорок молитв в день. На обратном пути я встретил Моисея, он сказал, это бремя слишком тяжелое, иди назад и выпроси меньше. Четыре раза я возвращался назад, четыре раза Моисей говорил, все еще много, возвращайся опять. Но на четвертый раз Аллах сократил число обязательных молитв до пяти, и я отказался вернуться. Мне было стыдно просить о чем-либо еще. В своей щедрости он просит пять вместо сорока, а они все еще любят Манат, хотят Уззу. Что я могу поделаться? Что я должен говорить им?

Джибрил хранит молчание, не знает, что ответить, ради всего святого, бррр, хватит спрашивать меня. Мучения Махунда ужасны. Он спрашивает: возможно ли, что они ангелы? Лат, Манат, Узза... могу я назвать их ангельскими? Джибрил, у тебя появились сестры? Они что, дочери Бога? И тут он обрушивается на самого себя, о мое тщеславие, я самонадеянный человек, это лишь слабость, это лишь сон о власти? Должен ли я совершить предательство за это место в совете? Это благоразумно и мудро, или же лукаво и себялюбиво? Я даже не знаю, искренен ли Вельможа. А он знает? Возможно, что и нет. Я слаб, а он силен, это предложение дает ему возможность покончить со мной. Но и мне многое причитается. Души горожан, мира, нет сомнения, что они стоят трех ангелов? Так ли Аллах непреклонен, что он не примет еще троих, дабы спасти род человеческий? – Я ничего не знаю. – Будет ли Бог горд или смиренен, величествен или прост, уступчив или не...? Какую идею он несет в себе? А я?

Наполовину во сне, наполовину наяву Джибрил Фаришта часто бывает обижен непоявлением в преследующих его видениях Единого, который, как предполагается, знает ответы, Он никогда не появляется, тот, что держался в стороне, когда я умирал, когда я нуждался нуждался в нем. Это все о нем, об Аллахе Ишваре Боге. Как всегда отсутствует, а мы мучаемся и страдаем во имя Его.

Высшее Существо постоянно в стороне; и постоянна эта сцена, оцепеневший Пророк, выдавливание, шнурок света, и затем Джибрил в своей двойной роли и с-неба-смотрящего-вниз и снизу-играющего-для-неба, и оба они перепуганы до умопомрачения этим взаимопереходом. Джибрил чувствует, что он парализован присутствием Пророка, его величием, думает, я должен держать язык за зубами, иначе я могу показаться круглым дураком. Совет Хамзы: никогда не показывай свой страх; архангелы нуждаются в таких советах не меньше, чем водовозы. Архангел должен выглядеть сдержанным, что может подумать Пророк, если Богом Вознесенный начнет тараторить, испугавшись сцены?

Вот оно: откровение. Вот Махунд, все еще в своем не-сне, твердеет, вены вздуваются у него на шее, сгибается пополам. Нет, нет, ничего похожего на эпилептический припадок, таким легким объяснением не отделаешься; какой эпилептический припадок когда-либо превращал день в ночь, облака – в тяжелые тучи, воздух – в плотный туман, и чтобы при этом ангел, испуганный дурачок, парил в воздухе над корчащимся в муках, словно бумажный змей на золотой нитке? Выдавливание, снова выдавливание, и вот оно, чудо, свершается в его моих наших кишках, он изо всей силы тянется куда-то,

давит что-то, и Джибрил чувствует эту силу, эту мощь, вот она *на моей челюсти*, двигает желваки, разжимает ее, и мощь, зародившаяся в Махунде, поступает *к моим голосовым связкам*, звучит голос.

Не мой голос, я бы никогда не сумел сказать таких слов, я ведь не классический оратор, никогда им не был и не буду, но это не мой голос, это Голос.

Глаза Махунда широко раскрываются, перед ним встает видение, он взирает на него, о это так, Джибрил помнит, на меня. Перед ним – я. Мои губы двигаются, двигаемы. Чем, кем? Не знаю, не могу сказать. Тем не менее, вот они, выходят из моего рта, из моей глотки, сквозь зубы: Слова.

Быть гонцом Бога – не шутка, да-а-а.
Нононо; что-то здесь не видать Бога.
Бог знает, чьим гонцом я был.

ФЕТВА

аятоллы Хомейни, оглашенная 18 февраля 1989 г.

Во имя Бога Милостивого, Милосердного. Един Бог, к которому мы все вернемся. Я хочу сообщить неустранимым мусульманам всего мира, что автор книги, называемой "Шайтанские суры", написанной, отпечатанной и выпущенной в свет в качестве вызова Исламу, Пророку и Корану, равно как и те издатели, которые были осведомлены о ее содержании, приговорены к смерти.

Я призываю всех ревностных мусульман казнить их быстро, где бы они их ни обнаружили, чтобы никто более не смел оскорблять принципы Ислама. Кто бы ни был при этом убит, будет, с Божьей помощью, рассматриваться как мученик.

Кроме того, всякий, кто имеет доступ к автору книги, но не имеет сил казнить его, должен сообщить о нем людям, чтобы того можно было покарать за его действия.

Благословение Божье да пребудет с вами.

Рухолла Мусави Хомейни

ДЕЛО О РЕЛИГИОЗНОМ ФУНДАМЕНТАЛИЗМЕ

“Мы должны постараться, — пишет В.Уэбб в газете “Guardian”, не свести дело Рушди... просто к противостоянию в неовикторианском духе между нашей просвещенностью и их темнотой”. И все же, разве не так именно воспринял это дело каждый западный писатель, включая так называемых исламских писателей, которым покровительствует истеблишмент? Нет ни малейших сомнений в поддержке средствами массовой информации немедленного вето на любые попытки исследовать интеллектуальную основу религиозного фундаментализма.

Господствующий образ Ислама как антиинтеллектуального вероучения — один из многих парадоксов, порожденных делом Рушди. А ведь Ислам представляет собой “литературную” веру, опирающуюся в основном на документ, чтимый как “интеллектуальное чудо” разума и языка.

Коран может претендовать на уникальную честь быть непосредственным вдохновителем огромной мировой цивилизации, основанной на освященном религией уважении к просвещению и учености. То, что Рушди предпочел статью *литературным* терроризмом, само по себе служит прекрасным доказательством интеллектуального уровня Ислама.

Богохульство “Шайтанских сур” было бесспорным для мусульманского сознания. Колеблющиеся мусульмане и их неисламские союзники много говорили о сложности исламской традиции, о разнообразии откликов на эту работу Рушди. Но если Коран — это книга, в которой аутентично определено мусульманское мировоззрение, то спора тут быть не может. Любой, кого книга Рушди не задевает, *ipso facto* перестает быть мусульманином.

Нападки Рушди на целостность Корана представляют собой часть более общего осуждения Ислама как религии, которая якобы постоянно путает добро со злом, божественный императив с дьявольским. По отношению к вероучению, которое считает себя единственно бескомпромиссным в различении верного и неверного, такое обвинение одновременно смешно и глубоко оскорбительно.

Дважды прочитав “Шайтанские суры”, я пришел к глубокому убеждению, что это произведение невысокого качества, что заставляет искать другие мотивы его популярности на Западе. Даже при сочувственном чтении книга Рушди воспринимается как бессвязная фантазия, служащая неразборчивым вкусам и уже укоренившимся в западных умах неправильным представлениям.

Не может Рушди и льстить себя надеждой на то, что он глубоко отразил скептический характер Пророка, не говоря уже об открытии исторического Мохаммеда. Рушди не довелось “распахать целинные земли”: скептики всегда были и будут. Значение имеют качество и целостность их сомнений.

Скептицизм в духе Иова, почтительный и искренний, можно найти у многих исламских мыслителей и романистов, начиная от аль-Газзали до Мохаммеда Икбала и Нагиба Махфуза. В беспринципной прозе Рушди напрасно искать пронзительную критику Махфуза, всерьез считавшего, что божественные поучения, переданные через посланца (в исламском стиле), недостаточны, поскольку людская порочность укоренилась весьма глубоко. “Шайтанским сурам” не хватает реального метафизического свершения антирелигиозного гения: даже добро и зло — предрассудки (как сказал бы Ницше), хотя это и предрассудки Господа.

Откуда же вся эта шумиха по поводу очевидно оскорбительной книги? Многие писатели часто снисходительно намекают, что мусульмане должны стать столь же

терпимыми, как современные христиане. В конце концов, христианская вера этим не подорвана. Однако на самом деле все обстоит наоборот. Продолжительное богохульство в отношении христианской веры полностью разрушило ее. Любая религия, которая допускает вспышки воинствующей ярости, обречена отправиться на свалку истории, поскольку она не может больше сохранять свое духовное наследие перед лицом разрушительных влияний.

То обстоятельство, что христиане после века Просвещения терпимо относились к богохульству, — предмет стыда, а не гордости. Конечно, верно, что Бог может защитить себя. Однако верующий должен защищать репутацию Бога и быть его представителем в борьбе против воинствующей клеветы со стороны злых сил. Только тогда он истинно исповедует веру. Ибо о силе веры судят по поступкам.

В этом вопросе за Кораном последнее слово: Бог не наставляет народ, который продает свои символы за презренные гроши. Неудивительно поэтому, что христианским священникам не удается сохранить и передать духовное наследие.

Среди западных писателей бытует мода на притворную подозрительность ко всем апологиям и восторженности. Но не являемся ли все мы апологетами той или иной веры? Не надо притворяться, как думают многие, что "истина не нуждается в защите". Это было бы так только в мире, где истина очевидна, а люди честны. В современном обществе найти истину чрезвычайно трудно, и даже в случае ее обретения не бывает недостатка в людях, которые профессионально занимаются ее искажением.

Дело Рушди несомненно затрагивает проблему фанатизма. Здесь следует сразу оговориться, что фанатизм не является монополией мусульманских фундаменталистов. В самом деле, зачастую в фанатизме просто проявляется людская страсть. Целые народы могут быть фанатичными в связи с такими вопросами, как религия или мораль. Возможно, дело в том, что все мы живем с какими-то одними предрасудками и терпеть не можем других?

Живя в многонациональном обществе, неразумно допускать, чтобы наше поклонение искусству заслоняло вопросы социальной и политической важности. Даже если предположить на минуту, что роман Рушди — литературное достижение, защита его публикацией любой ценой так же не оправдана, как и угрозы жизни автора. Апелляция к "делу принципа" и "свободам, завоеванным в тяжелой борьбе", неубедительны, если учесть, что мы живем в обществе с двойной или даже тройной моралью. После этого у мусульман есть основание думать, что крестовые походы еще не закончены. Глядя на страсти, разгоревшиеся вокруг этого дела, невольно спрашиваешь себя, а не верно ли отчасти давнишнее мусульманское обвинение в том, что все еще существует какой-то заговор стран Запада против ислама. Как бы то ни было, когда в Европе снова появятся газовые камеры, нет сомнений в том, кто займет в них место.

С приближением Рамадана вера сдвигает горы. Вера и должна сдвигать горы. Те мусульмане, для которых невыносимо жить в Соединенном королевстве, зараженном вирусом Рушди, должны серьезно рассмотреть исламскую альтернативу эмиграции (*хиджры*) в Дом Ислама или объявления неверным священной войны (*джихада*). Последнее может показаться поспешной воинственностью, о которой не может быть и речи, хотя если Бог на твоей стороне, ты никогда не будешь в меньшинстве. Что касается хиджры, то немусульманам следовало бы помнить, что в результате последней хиджры мусульманская вера и могущество распространились с феноменальной скоростью, рекордной в истории завоеваний.

Нам же остается несметное число вариаций лозунга о мощи и немощности. Все они одинаково банальны, одинаково верны или одинаково ошибочны — в зависимости от настроения. Перо сильнее меча; меч сильнее пера; перо бесполезно без меча; перо сильнее всего в сочетании с мечом. Потребовался Ислам, чтобы напомнить нам, что вера должна быть сильнее того и другого.●

ИСЛАМ И ЛИТЕРАТУРА

Конфликт между литературой и Исламом начался, когда архангел Гавриил продиктовал Мохаммеду следующие строки Корана: "И поэты — за ними следуют заблудшие. Разве ты не видишь, что они по всем долинам бродят и что они говорят то, чего не делают" (26: 224—226).

Поэты доисламского периода занимали видное место в обществе. Их стихи записывали золотыми буквами и вывешивали на стенах священных храмов. Коран появился как истина в последней инстанции, что вызвало неразрешимый кризис. Чтобы не прервать свою писательскую карьеру, Хасан ибн-Табит (поэт из свиты Мохаммеда) переключился на сочинение панегириков, прославляющих Ислам. После Мохаммеда большая часть могучей доисламской поэзии выжила только как литература *самиздата* (в оригинале — по-русски. — *Ред.*). С тех пор в большинстве исламских стран писательство не уважают, а ортодоксальные мусульмане рассматривают его как подрывную деятельность.

Когда рассматривался вопрос о выдвижении романа Салмана Рушди "Шайтанские суры" на премию Букера, а "Священная ночь" Тагара бен-Джаллона получила Гонкуровскую премию, выходящая в Лондоне мусульманская газета поставила под сомнение добросовестность членов Букеровского и Гонкуровского комитетов. Она обвинила Запад в том, что он поднимает на щит произведения Джаллона, Рушди, Найпола и многих других не в силу их литературных достоинств или эстетической ценности, а потому, что в них критикуется Ислам и предстают опороченными мусульмане. Далее обозреватель продолжал в том же духе: "Для мусульманского писателя кратчайший путь отхватить литературный приз — это восстать против себя и своей религии".

В двадцати четырех арабских странах правительство, независимо от того, исламское оно или светское, держит нос по ветру исламских фундаменталистов. Обычно интеллектуалы и писатели первыми страдают от неустойчивости политических режимов. Отсюда запрещение "Шайтанских сур" в Индии, Саудовской Аравии и Египте. В большинстве арабских стран запрещены романы Хасана эль-Шейка, произведения Наваля эль-Саадави и стихи Мутлера эль-Наваба и Махмуда Дервиша.

Основная проблема, с которой сталкивается мусульманский интеллектуал, заключается в том, что мусульмане никогда не читают спорных работ, а принимают на веру суждения о них имамов и улемов.¹ Следовательно, дискуссия с мусульманами бесполезна. Сколько мусульман прочитало "Шайтанские суры" или работы Леви-Стросса? Сколько мусульман прочитало Наваля эль-Саадави и обсудило ее произведения со своими религиозными лидерами? Роман иорданской писательницы Зулике Абу-Рихеш "В клетке", написанный на основе ее опыта замужества за верующим мусульманином, атакуют с кафедры как серьезнейшую угрозу Исламу. Местные газеты печатали оскорбления в адрес Зулике и напоминали о том, что женщине следует знать свое место. В разгар споров ее книгу все еще нельзя было купить в книжных магазинах.

Я столкнулась с аналогичными проблемами, когда издательство Penguin выпустило мою книгу "Нисанит". Подсчитав, сколько раз рецензент упомянул в связи с моим романом Ленина, генерала Знапа и Че Гевару, мусульманские фундаменталисты обвинили меня в распространении коммунистических идей и решили бойкотировать роман. Когда я попыталась объяснить некоторым из них, что роман не проповедует никакой идеологии, а напротив, подвергает сомнению само понятие идеологии, я не

¹ Мусульманские богословы и правоведы. — *Ред.*

получила ответа. Их уши открыты только для проповедей имама, а некоторым из братьев-мусульман запрещается вступать в дискуссию с неверующими.

Писатели, живущие в арабских странах, по-разному пытались решить эту проблему. Некоторые кончают тем, что ходят по пятницам на молитву в мечеть, чтобы отвести от себя гнев псевдокритиков-фундаменталистов. Группа мужчин обвинила Зухаир эль-Телль, иорданскую журналистку и романистку, в разврате за использование ею фаллического образа. Она обратилась в суд и после долгой и тяжелой борьбы выиграла дело. Другие, подобно Наваль эль-Саадави, египетской романистке и социологу, были вынуждены ослабить критику Ислама. В декабре 1987 г. Наваль эль-Саадави, выступая перед аудиторией, большинство которой составляли закутанные в чадру верующие мусульманки, сказала: "Я не коммунистка и не социалистка". Устрашенная присутствием фундаменталистов, она смятчила свои высказывания, шла на уступки и разрушала все то, за что боролась в своих работах. Большинство из шестидесяти шести арабских интеллектуалов, занесенных в последнее время в черные списки Саудовской исламской группой, которая объявила священную войну модернизму, живут в Лондоне или Париже. Неужели добровольная ссылка — единственный ответ воинствующему исламу? ●

Джон Уолш (Лондон)

СЛОВА, КОТОРЫЕ ОСКОРБИЛИ ИСЛАМСКИЙ МИР

В двух коротких разделах из второй главы "Шайтанских сур" Салмана Рушди заключено то, что вызвало цепную реакцию, приведшую к смертям, насилию и ярости в исламском мире.

Отрывки, написанные в квазибиблейском стиле, содержат только легкие намеки, однако гнев, который вызывают эти и некоторые другие места в книге объемом в 547 страниц, весьма убедительно доказывает могущество слова.

Оскорбленные чувства мусульман сосредоточены вокруг персонажа, являющегося в снах Джбрила Фаришты, — увядающей и слегка помешанной индийской кинозвезды.

Это видение — некто вроде ангела ("среднее между Аллахом и homo sapiens"), названный именем мусульманского дьявола Махунда (что означает также "лжепророк"), который вступает в вымышленный город Джахилью ("невежество, темнота"), чтобы основать там новую религию. Постоянно подразумеваемая двусмысленность должна удерживать читателей от скоропалительных выводов и прямых аналогий между художественным вымыслом Рушди и реальным миром (даже песок в Джахилье — "стусок неоседлости, передвижения, вероломства, бесформенности"). Однако именно в этом мусульмане и находят непростительные посягательства на их веру.

Они протестуют против того, чтобы сомнительного "пророка-бизнесмена", сравнивали с пророком Мохаммедом. Им претит, что голос Бога доносится до него, как шепот сомнения. Им ненавистно, что пророка Авраама называют "ублюдком".

Мусульмане принимают вымышленный город Джахилью за священную Мекку. Им не нравится, что спутники Махунда описаны как "тройка мерзавцев" (между прочим, упоминается "какой-то бродяга из Персии с заморским именем Салман"). Не по душе им также, что именно он бессовестно и умело обманывает паству.

Замысел Рушди заключается в том, чтобы через сны кинозвезды показать зарождение исламской культуры. Глазами человека, Джбрила, первоначальные видения

пророка о рае и земле материализуются и переносятся в зыбучие пески "нереального Города".

Проблема в том, что Рушди придает вымышленному двойнику Мохаммеда небожественные черты (он и тиран, и распутник, и неупорядоченный человек). Хуже того, Рушди намекает, что пророк включил в Коран какие-то куски, которые при ближайшем рассмотрении оказались делом рук дьявола.

Мусульмане верят, что Коран записан прямо со слов Бога, переданных Мохаммеду архангелом Гавриилом. Поэтому они так ревниво относятся к печатному слову и принимают всерьез любые попытки представить какие-либо строчки Корана делом рук дьявола.

Кроме того, в четвертой главе книги есть еще два абзаца (возвращение в Джахилью), которые кажутся мусульманам особенно чудовищными. В них вновь появляется пророк Махунд. Он представлен достойным насмешки тираном, чьи ученики ("последователи новой веры смирения") боятся его, но уже начинают обнаруживать его слабости. В первом абзаце пророк (а все это происходит в бесконечных снах Джибрила) изобретает причудливые и деспотические законы. В откровении верующим указывается, сколько они должны есть, как глубоко спать и какие сексуальные позы получили божественную санкцию. Мусульмане воспринимают этот абзац как символическое оскорбление шариата — исламского права, основанного на Коране.

И, наконец, имеется развернутый рассказ о "Занавеске" — наиболее популярном борделе в Джахилье, где девочки для удовольствия клиентов называют себя именами двенадцати жен пророка. При этом они нащептывают на ухо партнерам непристойные рассказы из своей якобы бывшей жизни.

Ни разу в своих фантазиях Рушди не упоминает ни имени пророка Мохаммеда, ни Мекку, ни законы шариата, ничего, что напрямую касалось бы исламской религии.

Все возражения фундаменталистов относятся к символическому представлению религиозных персонажей и событий. С таким же успехом можно было бы обвинить Джорджа Орвелла в том, что его вымышленное Министерство любви является сатирой на Министерство обороны Великобритании.

И совсем уже странно, что мусульманские критики не желают принимать во внимание жанр книги — роман. Великий шейх каирской мечети Аль-Азхар, учреждения с тысячеклетными традициями мусульманской теологии, выступая на Исламской конференции, призвал все народы запретить книгу как содержащую "ложь и плоды воображения" об Исламе, которые "выдаются автором за факты". Эпизоды, касающиеся Джахильи, являются, по его словам, "оскорбительными извращениями исламской истории". Тот факт, что Рушди всегда считал свою работу "плодом воображения", не служит оправданием. "Мы говорим именно об оскорблении, — говорит М.Х.Фаруки, редактор влиятельной мусульманской газеты "Impact International", в которой была опубликована подборка наиболее обидных отрывков из книги. — Неважно, художественный это вымысел или нет. Что бы это ни было: художественное произведение, серьезная книга, сон, — суть в том, что язык его должен быть приличным. Все дело в бранной и оскорбительной манере: Пророк описан самым грязным языком".

Мог ли Рушди представить себе, как будет встречено его сложное, запутанное, сбивающее с толку обыгрывание мифологических корней Ислама? Безусловно, нет. В то же время, перечитывая "Шайтанские суры" задним числом, то и дело наталкиваясь на то, как Рушди заигрывает с идеями богохульства и возмездия, как он флиртует с невысказанным.

В книге есть место, когда хнычущий Салман предстает перед пророком Махундом, которому он изменил. Махунд качает головой: "Твоему богохульству, Салман, нет прощения. Неужели ты думал, что я не узнаю об этом? Осмелиться поднять свой голос против гласа Божьего..."

Так и слышатся живые голоса миллионов мусульман.●

ЧЕСТНО

Прошел год с тех пор, как я в последний раз выступил в защиту своего романа «Шайтанские суры». Я молчал (хотя молчание противно моей натуре), чувствуя, что мне не удастся перекричать хор возмущенных голосов.

Я надеялся, что за меня будут говорить другие, и многие действительно выступали весьма красноречиво, среди них несколько мусульманских читателей, писателей и ученых. Другие, в том числе фанатики и расисты, пытались использовать мое дело, насмехаясь над сынами Азии, мусульманами, да и не только мусульманами, в манере, которую я нахожу омерзительной, оскорбительной и унижительной.

В центре скандала находится роман, художественное произведение, относящееся к литературе. Мне часто казалось, что мои критики с обеих сторон упустили из виду этот простой факт. «Шайтанские суры» рассматривают как плохую работу на историческую тему, как антирелигиозный памфлет, как продукт международного еврейско-капиталистического заговора, как акт убийства («он убил наши души»), как детище человека, сравнимого с Гитлером и Аттилой. Среди всего этого шума и гама было невозможно отстаивать право на художественный вымысел.

Я должен заявить прямо: я не пытаюсь представить «Шайтанские суры» «только романом», который как таковой не следует принимать всерьез и не стоит бурно обсуждать. Я не считаю, что романы – это пустое дело. В тех, которые мне нравятся больше всего, предпринимаются попытки радикальных реформ языка, формы и идей. Это такие романы, в которых реализуется значение самого слова «роман»: новое видение мира.¹ Я сознаю, что эти попытки могут вызывать ярость и бешенство.

Я хочу сказать, что точка зрения, из которой я всю жизнь исходил в своем литературном творчестве, сложилась не в результате некоего безродного «комплекса дяди Тома», в котором меня обвиняют. Она родилась из решимости создать литературный язык и литературные формы, в которых мог бы полностью выразиться опыт находившихся ранее под колониальным игмом и все еще обездоленных народов. «Шайтанские суры» – это прежде всего видение мира с точки зрения мигранта. Они написаны на основе опыта утраты корней, разобщения и метаморфозы (медленной или быстрой, болезненной или приятной), которая и представляет собой состояние мигранта и из которой, как я полагаю, можно вывести нечто общее для всего человечества.

В центре романа находится ряд персонажей, большинство из которых – британские мусульмане или не очень религиозные лица мусульманского происхождения. Они борются как раз с теми великими проблемами, которые возникли вокруг книги: проблемами смешения и изоляции, борьбы старого и нового. Те, кто сегодня наиболее громогласно осуждают роман, считают, что смешение с другими культурами неизбежно ослабит и погубит их собственную. Я придерживаюсь противоположного мнения. «Шайтанские суры» прославляют смешение, скрещивание, примесь чужой крови, трансформацию в результате новых и неожиданных сочетаний человеческих существ, культур, идей, политик, кинофильмов, песен. Роман восхваляет нечистокровность и боится абсолютизма Чистоты. Мешанина, всякая всячина, чуть-чуть того и

Отрывки из брошюры, опубликованной С.Рушди в 1990 г. без указания издательства.

¹ Непереводимая игра слов: «роман» по-английски – novel. В русском языке оттенок, который имеет в виду С.Рушди, имеет слово «новелла». – *Ред.*

немножко этого – так новое входит в мир. Массовая миграция дает великий шанс миру, и я попытался воспользоваться им. «Шайтанские суры» – роман о превращении и перерождении через слияние. Это гимн нам – полукровкам.

В течение всей истории человечества поборники чистоты, претендующие на владение истиной в последней инстанции, доводили до гибели людей смешанной крови. Как и многие миллионы, я – гибрид, незаконнорожденное дитя истории. Возможно, все мы – черные, коричневые и белые – просочились друг в друга, как сказал один из моих персонажей, «подобно ароматам приправ во время приготовления пищи».

Издавна ведется спор между чистотой и нечистотой (являющийся также спором между Робеспьером и Дантоном), спор между монахом и запальчивым юношей, между чопорностью и неприличием, между смешным, излишним чинопочитанием и скандальными нарушениями этикета. Послушайте, пусть он продолжается! Люди достигают взаимопонимания и формируют свое будущее в процессе споров, бросая вызов, задавая вопросы и отрекаясь от своих слов, а не преклоняя колена, неважно, перед богами или людьми.

Я очень надеюсь, что «Шайтанские суры» – раскольническая, вопрошающая и располагающая к раздумьям работа. Книга эта совсем не такова, какой ее представили – «не содержащей ничего, кроме грязи, оскорблений и брани», которые заставили людей во всем мире выйти на улицы.

Такой книги просто не существует.

Вот что я хотел сказать множеству простых честных добропорядочных мусульман, таких, которых я знал всю жизнь и среди которых я черпал вдохновение в своей работе. Быть отвергнутым и бранимым, так сказать, собственными персонажами – ужасное и болезненное переживание для любого писателя. Я признаю, что многие мусульмане тоже испытали потрясение и боль. Возможно, мы могли бы продвинуться вперед, взаимно признав эту общую боль. Давайте попытаемся поверить в честность друг друга.

Я понимаю, что требую многого. Было слишком много ругани. Мусульман называли дикарями и варварами и даже хуже. Я тоже получил свою долю брани. И все же я верю (может быть, должен верить): взаимопонимание возможно, и к соглашению можно придти, не нарушая принципа свободы слова.

Необходимо только на мгновение проявить добрую волю. В это мгновение мы все могли бы допустить, что другая сторона действует и действовала с честными намерениями.

Видите ли, я полагаю, что если бы мы только могли отказаться от обвинений в «оскорблении и брани», которые не позволяют признать, что «Шайтанские суры» написаны с серьезными намерениями и в них есть достоинства, тогда, по крайней мере, можно было бы спорить о реальных проблемах книги, об относительной ценности духовного и мирского, преимуществах чистоты и смешения, о том, как люди действительно становятся цельными: через любовь к Богу или через любовь к ближним своим.

А чтобы отказаться от споров, нам надо на минуту вернуться к реально существующей книге, а не к той, что изображена в многочисленных памфлетах. Мы должны вернуться к подлинному тексту, не к двум главам, вырванным из целого, не к куску ворвани, а ко всему несчастному киту.

Прежде всего я хочу сказать, что никогда не рассматривал это противоречие как борьбу между западными свободами и восточной несвободой. Западные свободы превозносят справедливо, однако многие меньшинства – расовые, сексуальные, политические – точно так же справедливо чувствуют себя обделенными этими свободами. В то же время мой богатый опыт жизни на Востоке, от Турции и Ирана до Индии и Пакистана, свидетельствует о том, что люди там так же страстно стремятся к свободе, как любой чех, румын, немец, венгр или поляк.

Как получают свободу? Ее всегда завоевывают, но никогда не получают даром. Чтобы быть свободным, прежде всего надо отвоевать право на свобо-

ду. Когда я писал «Шайтанские суры», то исходил из того, что я был и остаюсь свободным человеком.

Что такое свобода выражения? Без свободы ставить острые вопросы она не существует. Без свободы бросить вызов, хотя бы просто сатирически изображать ортодоксальность, включая религиозную, – она не существует. Язык и воображение нельзя лишить свободы, иначе искусство умирает, а с ним умирает то немногое, что делает нас людьми. «Шайтанские суры» отчасти представляют собой сведение светским человеком счетов с религиозным духом. Это вовсе не всегда означает враждебность вере. «Если мы пишем таким образом, что заранее считаем данную веру заблуждающейся или ошибочной, не виновны ли мы в элитаризме, в навязывании нашего мировоззрения массам?» – вопрошает один из персонажей. И все же в романе содержатся определенные сомнения, неясности, даже шокирующие места, которые могут не нравиться благочестивым. Однако такие методы уже давно являются законной частью самой исламской литературы.

С чем же не соглашается роман? Безусловно, не с правом людей на веру, хотя я сам неверующий. Более всего он расходится во взглядах с любой навязанной ортодоксией, с мнением о том, что мир может быть только и именно таким, а не другим. Он не согласен с бесспорностью, непререкаемостью, непреложностью. Есть люди, которые не согласны с индусским коммуналистским сектантством, с террористами-сикхами, взрывающими самолеты, с бессмысленностью христианского учения о сотворении мира, как и с ограниченными определениями исламской религии. Однако такие разногласия весьма далеки от «оскорблений и брани». Я не верю, что большинство знакомых мне мусульман это задевает.

Гораздо больше их волнуют утверждения типа: «Рушди назвал Пророка Мохаммеда гомосексуалистом», «Рушди говорит, что Пророк Мохаммед испросил разрешения у Бога вступить в связь с любой женщиной в мире», «Рушди говорит, что жены Пророка – блудницы», «Рушди называет Пророка дьявольским именем», «Рушди называет сподвижников Пророка подонками и бездельниками», «Рушди говорит, что Коран – дьявольское сочинение». И так далее.

Я с ужасом наблюдал, как множатся такие утверждения и как они приобретают правдоподобие просто вследствие частого повторения. Я недоумевал, почему люди, миллионы людей на основании этих утверждений судят о «Шайтанских сурах» и их авторе, не читая книгу, не пытаясь узнать, что за человек этот парень. Я понял, что людям нет дела до искусства. Я могу объяснить и попытаться заменить несуществующий роман тем, который я в действительности написал, только рассказав вам сюжет.

«Шайтанские суры» – это рассказ о двух болезненно раздвоившихся личностях. Один из них, Саладин Чамча, испытывает светское и социальное разочарование. Попросту говоря, он разрывается между Бомбеем и Лондоном, между Востоком и Западом. У другого – Джибрила Фаришты – раздвоение духовное, так сказать, трещина в душе. Он утратил веру и мечется между огромной потребностью верить и возникшей неспособностью к этому. Роман «о том», как эти двое стремятся к целостности.

Почему «Джибрил Фаришта» (архангел Гавриил)? Не для того, чтобы «оскорбить и унижить» «настоящего» архангела Гавриила. Джибрил – кинозвезда, а кинозвезды сияют над нами во тьме, на полпути к божественному. Я назвал Джибрила именем архангела, чтобы дать ему светский эквивалент ангельской полубожественности. Однако когда он утрачивает веру, это имя становится источником всех его терзаний.

Чамча выживает. Он достигает внутренней гармонии путем возврата к своим корням и, что более важно, – встречая на своем пути и осваивая великие истины любви и смерти. Джибрилу не удастся спастись. Он не может ни вернуться к любви к Богу, ни заменить эту любовь земной. В конце он убивает себя, не в силах больше выносить мучения. Сильнейшие терзания прихо-

дят к нему в виде снов. В этих снах он выступает в роли своего тезки, архангела, и наблюдает и участвует в различных эпических и трагических историях, затрагивающих природу и последствия откровения и веры. Не все сны одинаково скептические. В одном из них неверующий землевладелец видит, как вся его деревня и его собственная жена тонут в Аравийском море по повелению ясновидящей девушки, которая требует, чтобы воды расступились для пилигримов, шествующих в Мекку. Землевладелец переживает истину чуда в момент собственной смерти, когда он открывает сердце Богу и «видит», как воды расступаются. В то же время во всех снах драматизируется борьба между верой и сомнением.

Наиболее болезненные сны Джибрила, находящиеся в центре споров, рисуют зарождение и развитие религии, отчасти похожей на Ислам, в волшебном городе из песка под названием Джахилья (то есть «невежество» – так арабы называли доисламский период). Почти все приписываемые роману «оскорбления и брань» взяты из этой вереницы снов.

Прежде всего следует сказать об этих снах, что они мучительно болезненны для того, кто их видит. Они представляют собой «ночное возмездие, кару» за утрату веры. Этого человека, отчаявшегося вновь обрести веру, преследуют навязчивые видения, сомнения, скепсис, колебания и сотрясающие веру констатации, усиливающиеся с течением времени. Напрасно он пытается избавиться от них, борясь со сном, поскольку видения пересекают границу между его бодрствующим и спящим «я», они отравляют уже и дневное время, то есть буквально сводят его с ума. Воображаемый город назван Джахилья не с целью оскорбления Мекки, а как отражение состояния, обозначаемого данным словом, в которое вновь погружается утративший веру Джибрил. Главной задачей описания этих снов не было «осуждение» Ислама. Я хотел изобразить душу человека в кризисный момент, показать, что утрата веры в Бога может уничтожить человеческую жизнь.

Дискуссию вокруг «Шайтанских сур» надо рассматривать как политическое событие, а не только теологическое. В Индии, где книга была напечатана, мусульманский фундаменталист член парламента Саид Шахабуддин использовал мой роман как дубинку, с помощью которой он угрожал шаткому правительству Раджива Ганди. Требование запретить книгу было использовано с целью демонстрации силы мусульманской части избирателей, на которую Конгресс традиционно опирался и которую он не мог себе позволить потерять. (Однако несмотря на запрет, Конгресс потерял мусульман и проиграл на выборах. Не доверяйтесь шахабуддинам!)

В Южной Африке скандал по поводу книги способствовал задаче режима вбить клин между мусульманами и немусульманами – членами ОДФ¹. В Пакистане для фундаменталистов это был способ попытаться вернуть себе политическую инициативу после поражения на всеобщих выборах. В Иране этот инцидент можно также правильно понять, если рассмотреть его в контексте внутривнутриполитической борьбы в стране. А в Великобритании, где светские и религиозные лидеры состязаются за обладание властью в общинах эмигрантов уже более десятилетия и где долгое время светские организации, такие, как Ассоциация индийских рабочих, набирали силу, это «дело» вновь сдвинуло баланс в сторону мечети. Поэтому неудивительно, что различные советы мечетей не торопятся прекратить кампанию протестов, хотя многие мусульмане в стране смущены и даже стыдятся того, что их ассоциируют с подобной нетерпимостью и жестокостью.

Ответственность за насилие лежит на тех, кто совершает его. За последние 12 месяцев избивали работников книжных магазинов, на них плевали, их

1

ОДФ – Объединенный демократический фронт, основан в 1983 г., насчитывает около 2 миллионов членов. – Ред.

оскорбляли, угрожали разрушить помещения магазинов, а в нескольких случаях и действительно забросали бомбами. Сотрудников издательств завалили письмами, полными ненависти, им угрожали по телефону взрывами и смертью. В некоторых случаях вспышки насилия наблюдались во время демонстраций. Во время многолюдного марша в Лондоне прошлым летом мирные демонстранты в защиту гуманизма и секуляризма были сбиты с ног участниками марша. Тогда же подвергались угрозам и оскорблениям отважные члены организации «Женщины против фундаментализма» (в основном мусульманки).

Непостижимо, почему такие действия следует поощрять, если они совершаются от имени какой-либо религии, которую оскорбили. Если уж говорить об «оскорблениях», «брани», «обидах», то кампания против «Шайтанских сур» была зачастую гораздо более оскорбительной.

В результате укрепились позиции расистов. Британский расизм существует не благодаря мне или «Шайтанским сурам». Комиссии за расовое равенство, которая теперь обвиняет меня в нанесении ущерба расовым отношениям, известно, что годами различные черные и белые группы пользовались моими видеозаписями по антирасистскому четвертому каналу. Читатели «Шайтанских сур» не могут не заметить их ярко выраженной антирасистской направленности. Я никогда ни в малейшей степени не сочувствовал и не способствовал расистам. А вот зачинщики кампании против меня, безусловно, сыграли им на руку, нарочно представив мусульман как злобных, нетерпимых, суровых фанатиков.

Я не первый писатель, которого преследовали исламские фундаменталисты в наше время. Из наиболее известных имен, подвергшихся преследованию, можно назвать иранского писателя Ахмада Касрави, заколотого фанатиками, и Нобелевского лауреата египтянина Нагиба Махфуза, которому часто угрожали, но он еще, к счастью, среди нас. Я не первый художник, которого обвиняют в богохульстве и отступничестве. В общем-то это наиболее распространенный метод, применяемый фундаменталистами в наше время для сдерживания творчества. Поэтому печально, что так мало внимания было уделено решающему литературному контексту и что западные критики, такие, как Джон Бергер, который однажды провозгласил необходимость поиска новых способов видения, теперь проявляют желание отдать предпочтение одному из этих способов перед другими, чтобы защитить религию, гордящуюся миллиардом верующих, от одинокой фигуры писателя, размахивающего «нечитабельной» книгой.

Что касается британских мусульманских «вождей», то они должны выбрать что-то одно. Иногда они говорят, что сам я абсолютно неважен, а значение имеет только книга. В другой раз они проводят собрания в мечетях по всей стране и бросают призывы убить меня. Они говорят, что придерживаются законов этой страны, однако в то же время утверждают, что исламский закон для них с точки зрения морали имеет приоритет. Они должны четко определить свою позицию: являются они демократическими гражданами свободного общества или нет? Отвергают они насилие или нет?

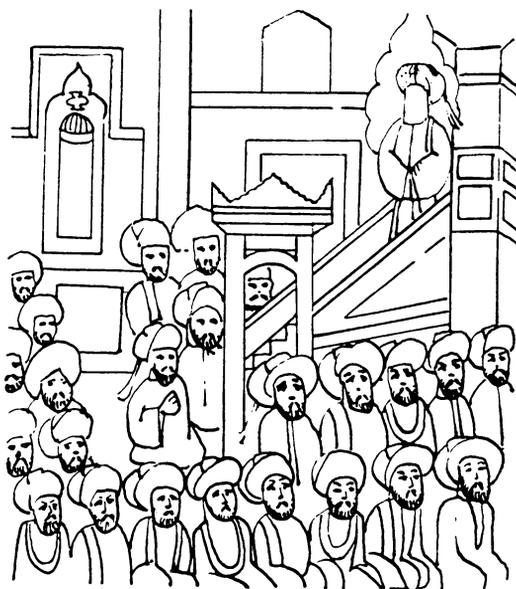
Прошел уже год, и пора прояснить этот вопрос.

Всем мусульманам, в Великобритании и Индии, Пакистане и всех остальных странах я хотел бы сказать следующее: не требуйте, чтобы писатели создавали *типические* художественные произведения. Такие книги мертвы. Жизнь литературы заключается в ее исключительности, в индивидуальном видении человека, в котором, к нашему удовольствию и изумлению, мы можем найти собственное отражение. Книга — это вариант мира. Если она не нравится вам, не обращайтесь внимания или предложите взамен собственную версию.

И я хотел бы сказать вот еще что: жизнь без Бога верующим кажется идиотской, бессмысленной, недостойной даже презрения. Неверующие совсем

так не думают. Мнение о том, что жизнь здесь – это вся жизнь, какая есть, способность идти по ней к смерти и встретить смерть без религиозных утешений кажутся нам, по крайней мере, столь же отважными и суровыми, как приверженность вере – вам. Секуляризм и работы, посвященные ему, заслуживают вашего уважения, а не презрения.

Огромная волна свободы захлестнула мир. Те, кто еще сопротивляется (в Китае, Румынии), купаются в крови. Я обращаюсь к мусульманам – громадной массе простых порядочных мусульман, которых я и представлял себе в основном, когда писал все это: плывите на этой волне, откажитесь от крови, не позволяйте мусульманским лидерам представлять мусульман менее терпимыми, чем они есть на самом деле. «Шайтанские суры» – серьезная работа, написанная с точки зрения неверующего. Пусть же верующие согласятся с этим. ●

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ НЕМЕЦКОГО ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ", OST-WEST FORUM

В связи с обращением редакции русского журнала "Континент" к читателю немецкого "Континента" (№ 64), считаем необходимым ответить на это обращение максимально лаконично: не вступая в полемику с редакцией русского "Континента" об истории создания журналов, о событиях последнего времени, связанных с катастрофическим (выражение редакции русского "Континента") положением "Континента", мы полностью согласны с заключительным пассажем обращения редакции русского "Континента", излагая его, разумеется, от нашего лица: "Мы хотели бы предупредить всех, кто продолжает верить в близкое родство двух изданий: ныне выходящий русский "Континент" не имеет к нам никакого отношения, мы не несем ответственности ни за его политическую линию, ни за его стиль".

Редакция немецкого журнала "Континент"

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Хвала — Аллаху, Господу миров милостивому, милосердному, царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших...

Разве прошел над человеком срок времени, когда он не был вещью поминаемой.

Мы ведь создали человека из капли, смеси, испытывая его, и сделали его слышащим, видящим.

Мы ведь повели его по пути либо благодарным, либо неверным.

Мы ведь приготовили для неверных цепи, узы и огонь.

Ведь праведники пьют из сосуда, смесь в котором с *кафуром*, с источником, откуда пьют рабы божии, заставляя литься его течением.

Они исполняют обеты и боятся дня, зло которого разлетается.

Они кормят едой, несмотря на любовь к ней, бедняка, сироту и пленника:

”Мы ведь кормим вас ради лика божия; не желаем от вас ни воздаяния, ни благодарности!

Мы ведь боимся от нашего Господа дня мрачного, грозного”.

И Аллах избавил их от зла этого дня и дал встретить им блеск и радость.

И вознаградил их за то, что они вытерпели, садом и шелком.

Лежа там на седалищах, не увидят они там солнца и мороза.

Близка над ними тень их, и снижены плоды их низко.

И будут обходить их с сосудами из серебра и кубками хрустала — хрустала серебряного, который размеряли они мерой.

Будут поить там чашей, смесь в которой с инбирем — источником там, который называется *салсабилем*.

И обходят их отроки вечные, — когда увидишь их, сочтешь за рассыпанный жемчуг.

И когда увидишь, там увидишь благодать и великую власть.

На них одеяния зеленые из сундуса и парчи, (и украшены они ожерельями из серебра), и напоил их Господь их напитком чистым.

Поистине, это для вас награда, и усердие ваше отблагодарено!

Поистине, Мы низвели тебе Коран ниспосланием.

Терпи же до решения Господа твоего и не повинуйся из них грешнику или неверному!

И поминай имя Господа твоего утром, и вечером,

и ночью; поклоняйся Ему и восхваляй Его долгой ночью!

Ведь эти любят проходящую и оставляют за собой день тяжелый.

Мы сотворили их и укрепили их целость, а если пожелаем, заменим подобными им.

Это — поистине, напоминание, и кто пожелает, избирает к своему Господу путь.

Но не пожелаете вы, если не пожелает Аллах, — поистине, Аллах — мудрый, знающий!

Вводит Он, кого пожелает, в Свою милость, а обидчикам приготовил Он наказание мучительное.

СООБЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ

10 сентября 1990 г. представители журнала "Страна и мир" и независимого информационно-издательского объединения "Демократическая Россия" подписали в Москве договор о переиздании журнала "Страна и мир" в Советском Союзе массовым тиражем.

Первоначально журнал будет распространяться в розницу. Предполагается, однако, вскоре открыть подписку непосредственно в издательстве (минуя "Союзпечать"). О начале подписки будет сообщено в средствах массовой информации, как в стране, так и за рубежом. Часть тиража, предназначенная зарубежным подписчикам, будет по-прежнему печататься в Мюнхене.

Заключение этого договора никоим образом не сказывается на редакционной политике журнала. Ответственность за его содержание и направленность, как и прежде, целиком лежит на редакции "Страны и мира".

Таким образом журнал "Страна и мир" стал первым зарубежным изданием на русском языке, выходящим также и в нашей стране. Редакция вполне сознает новую ответственность за качество журнала, которую накладывает расширение круга его читателей.